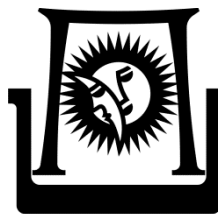

НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧАЯ І АСВЕТНАЯ ЎСТАНОВА КУЛЬТУРЫ
«НАЦЫЯНАЛЬНЫ ПОЛАЦКІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫ МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК»

НАЦЫЯНАЛЬНЫ
ПОЛАЦКІ
МУЗЕЙ-ЗАПАВЕДНІК

**МАТЭРЫЯЛЫ
НАВУКОВА-ПРАКТЫЧНАЙ КАНФЕРЭНЦЫІ**

(ПА ВЫНІКАХ НАВУКОВА-ДАСЛЕДЧАЙ РАБОТЫ
СУПРАЦОЎНІКАЎ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА
ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА Ў 2023 г.)

Полацк, 29 лютага 2024 года

НАВУКОВАЕ ЭЛЕКТРОННАЕ ВЫДАННЕ

Гродна
ГрДУ імя Янкі Купалы
2025

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Бел)я43

М35

Выдаецца па рашэнні Навукова-метадычнай рады
навукова-даследчай і асветнай установы культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік»

Укладальнік:
намеснік дырэктара па навуковай рабоце *Т. У. Явіч*

Тэхнічнае рэдагаванне і вёрстка *В. У. Гаўрылава*
Камп'ютарны дызайн: *навукова-інфармацыйны аддзел*
Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка

Сборник входит в Российский индекс научного цитирования.

Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка ў 2023 г.) [Электронны рэсурс] / Нац. Полац. гіст.-культур. музей-запаведнік ; уклад. Т. У. Явіч. — Аб'ём электрон. дан. 7,6 Мбайт. — 12,0 улік.-выд. л. — 128 с. — Гродна : ГрДУ, 2025. — 1 электрон. апт. дыск (CD-ROM). — Тыраж 10 экз. — Заказ 02.

ISBN 978-985-582-671-3

DOI: <https://doi.org/10.52275/PM2025>

У зборніку прадстаўлены артыкулы ўдзельнікаў канферэнцыі, у якіх знайшлі адлюстраванне пытанні гісторыі і культуры Полаччыны, актуальныя праблемы музейнай дзейнасці. Выданне адрасуецца музейным спецыялістам, гісторыкам, культурологам.

УДК 069:[94+008](476.5-21Полацк)(082)

ББК 79.1(4Бел)я43

В сборнике представлены статьи участников конференции, в которых нашли отражение вопросы истории и культуры Полотчины, актуальные проблемы музейной деятельности. Издание адресуется музейным специалистам, историкам, культурологам.

Выдавец і паліграфічнае выкананне:

установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Янкі Купалы».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца,
вытворцы, распаўсюджвальніка друкаваных выданняў
№ 1/261 ад 22.02.2024.

Вул. Ажэшкі, д. 22, 230023, Гродна, Рэспубліка Беларусь.
Тел. 8(0152) 55 67 69, факс 8(0152) 73 19 10, www.grsu.by

© Навукова-даследчая і асветная ўстанова культуры
«Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік», 2025
© Афармленне. Установа адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя Янкі Купалы», 2025

ISBN 978-985-582-671-3

ЗМЕСТ

Аўсейчык Ю. А.

Ордэн Дамініканцаў у Полацку (канец XVIII – сярэдзіна XIX ст.)..... 4

Ашуква В. Я.

Дысертацыя М. І. Прашковіча «Паэзія Сімеона Полацкага (Ранні перыяд – 1648–1664 гг.)»
як першае айчыннае даследаванне жыцця і творчасці славутага палачаніна..... 9

Воднева І. П.

Історыя Полоцкага вольно-пожарнага общества (по матэрыялам адчэтов
за 1906–1909 гг.)..... 15

Говенько Е. В.

Использование мультимедийных средств в работе Детского музея..... 20

Гриб Е. П.

О развитии системы здравоохранения в Полоцке в 1930-е гг. 31

Копыл С. П.

6-й армейский корпус Вермахта в боях за г. Полоцк летом 1941 г. 37

Магалинский И. В.

Химический состав изделий из цветных металлов хозяйственного
и бытового назначения X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси..... 46

Михаль Н. Е.

Банкноты и монеты с изображениями животных и растений
в фондах Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника..... 53

Нарейко К. А.

Деятельность оккупационных органов власти в г. Полоцке 1941–1942 гг.
по документам Национального архива Республики Беларусь..... 60

Рудаков П. С.

Деятельность представительства Штаба белорусского партизанского движения
на 1-м Прибалтийском фронте в 1943–1944 гг.
по матэрыялам Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь..... 70

Смирнова Т. Р.

Профессиональная компетентность сотрудника Детского музея при формировании
временных представлений у детей на музейно-педагогических занятиях..... 76

Соловьёв А. А.

Итоги изучения культурного слоя части береговой линии реки Западной Двины
в районе дома № 6 по ул. Нижне-Покровской в г. Полоцке..... 84

Сыревич И. В.

Военный период в судьбе воспитанников детского дома имени Ленина
в д. Быковщина Ветринского района Витебской области (1941–1944 гг.)..... 96

Тригорлова Л. Б.

Развитие пожарного дела в Полоцке в XIX–XX вв. 106

Цыганкова А. С.

Функцыі «кастры» ў купальскай абраднасці Беларускага Падзвіння
ў канцы XIX – пачатку XXI ст. 119

Шкляр П. А.

Развитие льнообработки на Полотчине с середины 1950-х до начала 1970-х гг.
(на примере Верхнедвинского, Плисского, Полоцкого, Россонского льнозаводов)..... 123

УДК 271.2

Ю. А. Аўсейчык

ОРДЭН ДАМІНІКАНЦАЎ У ПОЛАЦКУ (КАНЕЦ XVIII – СЯРЭДЗІНА XIX ст.)

Разгледжаны асноўныя віды дзейнасці ордэна дамініканцаў у Полацку ў канцы XVIII – сярэдзіне XIX ст. Ахарактарызавана парафіяльная і місійная праца законнікаў дамініканскага ордэна. Крыніцамі для даследавання сталі архіўныя і апублікаваныя матэрыялы.

Ключавыя словы: дамініканцы, прапаведнікі, канвент, прыёр, душпастырская праца, парафіі, ружанцовае брацтва.

У канцы XVIII – сярэдзіне XIX ст. на беларускіх землях сярод каталіцкіх манаскіх супольнасцей найбольшым дынамізмам развіцця вылучаўся ордэн прапаведнікаў (дамініканцаў). Дамініканцы, ці афіцыйна Ордэн Братоў Прапаведнікаў, – адзін з адметных манаскіх ордэнаў, які быў заснаваны ў пачатку XIII ст. у Тулузе (поўдзень Францыі) Дамінікам дэ Гусманам. Пасля выгнання езуітаў у 1820 г. дамініканцы сталі найважнейшым каталіцкім ордэнам у Расійскай імперыі. У іх была самая вялікая колькасць кляштараў і манахаў (у 1825 г. у межах усёй Расійскай імперыі – 94 кляштары і 777 манахаў, на другім месцы знаходзіліся бернардзінцы – 44 кляштары і 531 манах) [3 с. 76].

У 1671 г. віленскі пралат Крыштаф Тамаш Гірскі фундаваў (12 тыс. злотых для манахаў, 1 тыс. злотых на касцёл) будаўніцтва ў Полацку дамініканскага канвента* [11, с. 173]. Трэба адзначыць, што важным адрозненнем ад іншых манаскіх пляцовак з самага пачатку існавання полацкага кляштара было тое, што ў якасці асноўнага яго фундатара выступіла духоўная асоба. У асноўным, большасць дамініканскіх кляштараў сваім існаваннем абавязаны розным шляхецкім родам, ахвярнасць якіх забяспечвала не толькі стварэнне новага канвента, але і далейшае існаванне з дапамогай зямельнага ўзнагароджання і пратэкцыі (напрыклад, кляштар у Пінску быў заснаваны жонкай полацкага ваяводы Яна Караля Копца – Марыяй Лукрэцыяй Строцы, а ва Ушачах – полацкім ваяводам Геранімам Жабам з жонкай) [2, с. 41].

Частыя пажары не раз знішчалі манаскія будынкі. Асабліва моцна полацкі кляштар прапаведнікаў быў пашкоджаны ў сярэдзіне XVIII ст. і на пачатку XIX ст. Даследчык Я. Гіжыцкі адзначае, што і першы, і другі раз дамініканцам дапамагалі мясцовыя езуіты. Драўляны касцёл Св. Дамініка згарэў яшчэ ў 1754 г., а ў 1804 г. дамініканамі была пабудавана новая каменная святыня, прысвечаная Маці Божай Ружанцовай. Пасля выгнання езуітаў з Полацка, на працягу 1820–1822 гг. дамініканцы выконвалі душпастырскую функцыю ў горадзе. З 1822 да 1830 г. прадстаўнікі ордэна піяраў займаліся парафіяльнай працай у Полацку. Пасля ад'езду піяраў дамініканцы зноў атрымалі парафію і да канца іх дзейнасці ў горадзе касцёл заставаўся парафіяльным [11, с. 174].

Згодна з адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам дамініканскага ордэна, полацкі канвент з самага пачатку існавання ўваходзіў у склад Літоўскай правінцыі (заснавана ў 1647 г.). На тэрыторыі дадзенай адзінкі была найбольшая колькасць ахопленых працай дамініканцаў парафіяў. Як вынікае з крыніц, у 1772 г. пры агульнай лічбе ў 43 пляцоўкі, 18 мелі свае парафіі (колькасць дамініканцаў – 679). [13, с. 243]. Правінцыю Ордэна Прапаведнікаў узначальваў правінцыял. Манахі кляштара, якія знаходзіліся на тэрыторыі пэўнай правінцыі, былі падначаленыя правінцыяльнай уладзе. У склад рады правінцыі ў асноўным уваходзілі прыёры кляштараў. Так, Полацк у 1817 г. прадстаўляў Дамінік Цішэўскі, а ў 1824 г. – Алан Вайткевіч (хоць полацкім прыёрам на момант 1824 г. быў Гундыслаў Паўловіч) [11, с. 42, 44]. Калі ў канвента была асобная парафія, то галоўным у парафіі быў пробашч, а ў кляштары – прыёр.

Дзейнаць дамініканскага ордэна ў Полацку ў асноўным была абмежавана душпастырскай** працай. Дамініканцы менавіта Літоўскай правінцыі яшчэ нават да падзелаў Рэчы Паспалітай (і да 1826 г.)

* Канвент (ад лац. *convent*) – кляштар.

** Душпастырская дзейнасць – гэта працэс выхавання ў веры, які вядзе да таго, каб вера фарміравала і напаўняла жыццё чалавека, яго працу, сямейнае і грамадскае жыццё.

займаліся таксама місіянерскай справай. Можна меркаваць, што да такой формы працы былі далучаны і полацкія прадстаўнікі ордэна прапаведнікаў. Да 1794 г. законнікі правялі каля 170 місій у парафіях. Парафіяльныя місіі, узначаленыя дамініканцамі, доўжыліся ў адной парафіі ад двух да васьмі тыдняў і збіралі, у залежнасці ад памеру населенага пункта, да дзясяткаў тысяч удзельнікаў. На працягу гэтага перыяду ў парафіі знаходзілася група місіянераў, склад якой вызначаўся правінцыялам ці капітулай. Дзякуючы ўдзелу ў набажэнствах і казаннях вернікаў вучылі ісцінам веры, прынцыпам хрысціянскага жыцця і малітвам [10].

Сваю душпастырскую дзейнасць дамініканцы праводзілі не толькі ў касцёле Маці Божай Ружанцовай у Полацку, але і ў 5 касцёлах і 13 капліцах, якія належалі Полацкаму дэканату. У першай палове XIX ст. ордэн прапаведнікаў абслугоўваў: касцёл Св. Пятра і Паўла, касцёл Св. Крыжа, касцёл Гроба Гасподня — у Полацку; касцёл у маёнтку Шацілава (20 верст ад Полацка), Бяльскі касцёл (18 верст ад горада). Згодна з дадзенымі за 1833 г., дамініканцы працавалі ў наступных публічных і дамавых капліцах: Анкудоўская публічная капліца, Арцейкавіцкая публічная капліца, Чамёская капліца, Сасноўская публічная капліца, Ліпніцкая капліца, Юрэвіцкая, ці Сарнапольская, капліца, Забродавіцкая капліца, Залеская публічная капліца, Гацецкая капліца, Жукаўская капліца, Жохтавіцкая капліца, Струнская, капліца марыявітак у Полацку (месца суботняга служэння святой імшы дамініканінам, духоўнікам сясцёр) [4, с. 173–178].

Важным аспектам дзейнасці айцоў полацкага дамініканскага канвента было правядзенне розных рэлігійных мерапрыемстваў, звязаных з ушанаваннем мошчаў Андрэя Баболі — святога з Палесся. 30 студзеня 1808 г. труну з целам перавезлі ў Полацк і змясцілі ў асобнай крыпце ў езуіцкім касцёле Св. Стэфана. У дамініканскі касцёл гэта каталіцкая рэліквія была перанесена ў 1831 г. [9, с. 189].

На момант 1853 г. пры касцёле існавала ружанцовае брацтва* [4, с. 170], пры якім мелася багадзельня. А таму можна з упэўненасцю адзначыць, што функцыя была не толькі малітоўная, але і дабрачынная. Згодна з даследаваннем Р. Зянюк, «ружанцовыя брацтвы існавалі пры кожным дамініканскім кляштары і касцёле. Іх дзейнасць была адной з форм прапаганды марыянага культу, характэрнага для ордэну. Права на заснаванне ружанцовых брацтваў мелі толькі дамініканцы» [5, с. 10].

Кляштар дамініканскага ордэна ўзначальваў прыёр. Адным з першых вядомых нам прыёраў полацкага канвента быў айцец Дамінік Цішэўскі (нарадзіўся ў 1755 г., склаў вечныя зарокі** ў 1776 г.). Вядома, што падчас яго кіравання была пабудавана каменная святыня ў Полацку. Ён заставаўся на гэтай пасадзе да 1818 г. У 1824–1843 гг. на чале кляштара быў айцец Гундыслаў Паўловіч (нарадзіўся ў 1771 г., вечныя зарокі склаў у 1796 г.). Згодна з дадзенымі, апублікаванымі Я. Гіжыцкім, у 1824 г. у полацкім кляштары было толькі 4 законнікі (у 1833 — 11; у 1839 — 8) [11, с. 174].

З 1843 г. прыёрам канвенту стаў айцец Вацлаў Вяржхоўскі (дадатак). Ён нарадзіўся ў 1791 г. у Беластоцкім ваяводстве ў сям’і шляхціца. Згодна з архіўнымі дадзенымі, В. Вяржхоўскі ўступіў у ордэн у 1811 г., склаў манаскія зарокі ў 1813 г., а ў 1818 г. стаў айцом дамініканцам. Ведаў дзве мовы (польская, латынь). Працаваў у Забэльскім кляштары, а таксама ў канвентах Віцебска, Ашмянаў, Слоніма, Вільні, Васілішкаў, Коўна, Дунілавічаў, Полацка. Перад тым, як узначаліць канвент у Полацку, выконваў функцыі прыёра ў Дунілавічах на працягу 3 гадоў [7, арк. 3–4, арк. 30–31]. Памёр 28 верасня 1851 г.

Наступным прыёрам у Полацку быў айцец Альвары (ці Алойзы) Рачкоўскі. Узначальваў канвент дамініканцаў да 1853 г. [11, с. 174]. На працягу года ўзначальваў кляштар айцец Дамінік Шыманскі, а ўжо ў 1854 г. на чале стаў айцец Вінцэнт Прашаловіч. З 1857 да 1864 г. функцыі прыёра выконваў айцец Аляксандр Пятроўскі. Апошнім настояцелем кляштара дамініканцаў у Полацку быў айцец Фелікс Зялёнка. Адначасова з ім знаходзіліся ў кляштары айцы Францішак Яновіч, Мельхіор Кішлоўскі, Людвік Пахоўскі, Яцэк Семяновіч, Кароль Сівіцкі, Казімір Вандалоўскі [11, с. 175].

* У рымска-каталіцкім касцёле так называлася згуртаванні альбо таварыствы вернікаў, якія аб’ядноўваліся ў рэлігійных або дабрачынных мэтах і былі афіцыйна зацверджаныя касцёлам.

** Вечныя зарокі — абяцанні чысціні, паслушэнства і беднасці (могуць вар’іравацца ад патрабаванняў пэўных ордэнаў), якія складалі законнікі на ўсё жыццё ў манаскай супольнасці.

Значную ўвагу кіраўнікі дамініканскага ордэна надавалі менавіта тэалагічнай падрыхтоўцы манахаў. Навучальныя ўстановы прапаведнікаў былі аднымі з найлепшых у сярэднявечнай Еўропе. Згодна з даследаваннем І. Г. Ганчарука і А. І. Ганчара, «ідэальны тып манаха дамініканца бачыўся ў актыўнай і шырокаадукаванай асобе, якая ў сваёй пастырскай дзейнасці абапіралася на асабісты прыклад жыцця» [3, с. 75]. Адукацыя законнікаў у пазначаны перыяд падзялялася на некалькі этапаў. Першая ступень адукацыі давала базавыя веды па латыні, геаметрыі і літургіі. На наступным этапе кандыдаты мелі магчымасць падрыхтавацца да святарскага жыцця. Заканчэнне апошняй ступені адукацыі надавала права стаць магістрам тэалогіі. На беларускіх землях апошняя ступень адукацыі дамініканцаў была толькі ў Гродне [12, с. 116]. Аднак полацкія дамініканцы, згодна з архіўнымі дадзенымі, не мелі значнага ўзроўню адукацыі. Напрыклад, Вацлаў Вяржхоўскі «не ведаў замежных моў (акрамя польскай і лацінскай)» [7, арк. 3–4]. Польскай і лацінскай мовай карысталіся айцы дамініканцы; былі выпадкі, калі ведалі яшчэ рускую (Назарый Алескі) і нямецкую мовы (Фрыдрых Іагансон). А звычайныя манахі наогул не ведалі моў [7, арк. 33, 36].

Важным аспектам уплыву на дзейнасць полацкіх дамініканцаў была яго сувязь з Забельскім кляштарам таго ж ордэна. Па-першае, асноўная частка даміканцаў, якія знаходзіліся ў кляштары ў Полацку на працягу пазначанага перыяду, навучалася ці працавала пэўны час у Забелах (в. Валынцы, сучасны Верхнядзвінскі раён). Напрыклад, айцец Гіацынт Цярлецкі ўступіў у ордэн у Забельскім кляштары, быў настаўнікам клерыкаў у тым жа месцы і прыехаў у Полацк таксама адтуль [7, арк. 32]. Курат кляштара ў Полацку айцец Назарый Алескі на працягу 1837–1839 гг. выкладаў у Забельскім вучылішчы [1, с. 9]. Па-другое, менавіта з гэтым кляштарам звязана і гісторыя адкрыцця навучальнай установы дамініканцаў у Полацку.

Першапачаткова планавалася перадаць Полацкае езуіцкае вышэйшае вучылішча дамініканцам. Але А. Галіцын, на той момант міністр народнай асветы (1816–1824 гг.), вучылішча ў Полацку перадаў піярам, а Забельскаму вучылішчу надаў роўныя правы і прывілеі з Полацкім. Піяры былі вымушаны прыняць вучылішча, хаця правінцыя ордэна мела нестабільную фінансавую сітуацыю, бо ўтрымлівала яшчэ тры такія ж навучальныя ўстановы [8].

У 1810–1820-х гг. у Літоўскай правінцыі дамініканцаў назіраўся пастаянны наплыў новых кандыдатаў. Ордэн знаходзіўся ў стане амалоджвання і абнаўлення. Штогод у Літоўскай правінцыі манаскія зарокі прымалі 20–30 чалавек. Сярэдні ўзрост манахаў складаў 34,8 гадоў (у Полацку ў 1843 г. – 43,1 г.; 1845 – 46,2 г.) [7, арк. 3–38]. Манаскія студыі* дамініканцаў мелі багатую традыцыю і захоўвалі свой патэнцыял. Пасля выгнання езуітаў дамініканцы занялі месца першага і найважнейшага ордэна ў Расійскай імперыі [3, с. 76].

Згодна з канстытуцыяй дамініканскага ордэна, браты прапаведнікі павінны былі выконваць дзве найбольш важныя функцыі: літургічнай малітвы і шырокае распаўсюджанне прапаведніцтва. Выкананне літургіі (імша, святарскія малітвы і іншыя набажэнствы) аб'ядноўвала музычнае жыццё манастыроў. Аб узроўні музычнага прыстасавання ў літургіі сведчылі: колькасць манахаў, прысутнасць кантара і арганіста, а таксама доступ да дасягненняў музыкі пазначанага перыяду. У штодзённай манастырскай літургіі пераважаў грыгарыянскі харал. З часам дамініканцы падчас набажэнстваў сталі выкарыстоўваць арган. Згодна з даследаваннем Т. Ліхач, у касцёле Маці Божай Ружанцовай у Полацку на пачатку XIX ст. быў 12-галосны арган [6, с. 39].

Такім чынам, асноўнай дзейнасцю ордэна прапаведнікаў у Полацку ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. была душпастырская праца. Дамініканцы абслугоўвалі не толькі сам горад, але і наваколле: 5 святынь і 13 капліц. Акрамя таго, пры полацкім касцёле існавала Ружанцовае дабрачынна-малітоўнае брацтва з багадзельняй.

* Манаская студыя – навучальная ўстанова для манахаў, у якой у адпаведнасці са схаластычнай традыцыяй выкладаліся дзве вышэйшыя галіны ведаў – філасофія і тэалогія.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Антановіч, З. В. Архіў Полацкага дамініканскага кляштара ў сярэдзіне XIX ст. / З. В. Антановіч // *Архіварыус : зб. навук. паведамл. і арт.* — Мінск, 2007. — Вып. 5. — С. 8–14.
2. Габрусь, Т. Храмабудаўніцтва ордэна дамініканцаў у плыні віленскага барока // Т. Габрусь // *Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі ; навук. рэд. А. І. Лакотка.* — Мінск : Права і эканоміка, 2015. — Вып. 19. — 338 с.
3. Ганчарук, І. Г. Рымска-Каталіцкі Касцёл у Беларусі (1772–1830 гг.) : манагр. / І. Г. Ганчарук, А. І. Ганчар. — Гродна : ГДАУ, 2012. — 382 с.
4. Грывянёў, А. Л. Полацкі касцёл Святога Ружанца і яго парафія ў другой палове XVIII — пачатку XX ст. (па матэрыялах НГАБ) / А. Л. Грывянёў // *Архіварыус : зб. навук. паведамл. і арт.* — Мінск, 2012. — Вып. 10. — С. 168–187.
5. Зянюк, Р. Ордэн прапаведнікаў на землях Беларусі / Р. Зянюк // *Наша вера.* — 2015. — № 2. — С. 8–13.
6. Ліхач, Т. Ордэн дамініканцаў і развіццё музычнай культуры Беларусі / Т. Ліхач // *Наша вера.* — 2000. — № 2 (12). — С. 34–41.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). — Ф. 2818. Воп. 1. Спр. 1.
8. Спробы стварэння дамініканскай акадэміі ў Заблялах: асобы, падзеі, дакументы [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступу: <https://catholicnews.by/sproby-stvarjennja-daminikanskaj-akademii-zabjalah-asoby-padzei-dakumenty>. — Дата доступу: 06.12.2023.
9. Сяргееў, Н. А. Мошчы святога Андрэя Баболі ў Полацку / Н. А. Сяргееў // *Матэрыялы гісторыка-краязнаўчай канферэнцыі : (да 80-годдзя Полацкага краязнаўчага музея) / уклад. В. Д. Краско.* — Полацк : НПКМЗ, 2008. — С. 189–197.
10. Brzozeki, S. Litewska prowincja dominikanów [Zasób elektroniczny] / S. Brzozeki. — Tryb dostępu: <http://www.astn.pl/r2004/lit.htm>. — Data dostępu: 16.01.2024.
11. Giżycki, J. M. A. Wiadomości o Dominikanach prowincji Litewskiej / J. M. A. Giżycki, zebr. Wołyniak ; poprzedził przedm. O. Woroniecki. — Kraków : nakł. OO. Dominikanów, 1917. — 320 s.
12. Miławicki, M. Dominikanie na kresach wschodnich Rzeczypospolitej Obojga Narodów (teren dzisiejszej Białorusi) / M. Miławicki // *Folia Historica Cracoviensia.* — 2014. — № 20. — С. 95–153.
13. Wieczorek, A. Sławomir Brzozeki OP, Misje ludowe dominikanów prowincji litewskiej 1751–1826 / A. Wieczorek // *Artykuły recenzyjne i recenzje.* — Lublin : Oficyna Wydawnicza EL—Press, 2009. — S. 241–245.

Аўсейчык Юлія Аляксандраўна,
магістр гістарычных навук,
старшы навуковы супрацоўнік Краязнаўчага музея — філіяла НПКМЗ

Ю. А. Овсейчик

ОРДЕН ДОМИНИКАНЦЕВ В ПОЛОЦКЕ (КОНЕЦ XVIII — СЕРЕДИНА XIX в.)

Рассмотрены основные виды деятельности ордена доминиканцев в Полоцке в конце XVIII — середине XIX в. Охарактеризована приходская и миссионерская работа монахов доминиканского ордена. Источниками для исследования стали архивные и ранее опубликованные материалы.

Ключевые слова: доминиканцы, проповедники, конвент, приор, пастырская деятельность, приходы, братство розария.

Овсейчик Юлия Александровна, магистр исторических наук, старший научный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ.

ДАДАТАК

Табліца – Асабісты склад кляштара дамініканцаў у Полацку ў 1845 г.*

№	Прозвішча і імя	Узрост	Уступіў у ордэн	Рукапалажэнне	Прыбыццё ў Полацк	Дадатковыя звесткі
1.	Вяржхоўскі Вацлаў	54 г.	1813	1818		Прыёр кляштара. Ведаў дзве мовы: польскую, латынь. Працаваў у Забэльскім кляштары, Віцебску, Ашмянах, Слоніме, Вільні, Васілішках, Коўне, Дунілавічах.
2.	Цярлецкі Гіацынт	56 г.	1805	1813	1842	Працаваў настаўнікам фізікі ў Нясвіжскім і Навагрудскім вучылішчах, быў прэфектам Забельскай гімназіі, узначалваў кляштар у Гродне.
3.	Алескі Назарый	36 г.	1824	1834	1839	Выконваў функцыі ў Полацку субпрыёра і куратара кляштара. Ступень лектара багаслоўя.
4.	Вяндалоўскі Казімір	48 г.	1818	1822	1843	Прыбыў з Забэльскага кляштара, віцэ-куратар канвента ў Полацку.
5.	Кеўліч Казімір	44 г.	1821	1825	1842	Паходзіў з Полацкага павета. Прыехаў у Полацк з Забэльскага кляштара.
6.	Верляхоўскі Пётр	39 г.	1825	1834	1842	Прыехаў у Полацк з Забэльскага кляштара. Выконваў функцыі прэфекта касцёла. Дваранін.
7.	Менжык Вацлаў	40 г.	1827	1833	1835 (1836)	Прыехаў у Полацк з дамініканскага кляштара ў Вільні. Дваранін.
8.	Пятроўскі Аляксандр	34 г.	1826	1837	1841	Прыехаў у Полацк з Забэльскага кляштара.
9.	Кітлоўскі Мельхіор	40 г.	1828	1835	1838	Прыехаў у Полацк з Забэльскага кляштара. На працягу васьмі год быў прапаведнікам у Полацкім касцёле.
10.	Іагансон Фрыдрых	58 г.	1825	1827		Паходзіў з Інфлянскай губерніі, г. Рыгі. Дваранін. Памёр у 1845 г. Валодаў польскай, нямецкай, лацінскай мовамі.
11.	Сталыгва Рамуальд	48 г.	1819	1823	1844	Выконваў функцыі прапаведніка ў Полацку. Дваранін.
12.	Сівіцкі Карл	46 г.	1818	1823	1844	
13.	Сепніцкі? Варфаламей	55 г.	1808	1814	1844	
14.	Буткевіч Хрыстафор	45 г.	1817	—	1838	Манах. Прыбыў у Полацк з Віцебскага кляштара. Паходзіў з Крэўскай парафіі, Ашмянскага павета. Ведаў толькі польскую мову.
15.	Сініцкі Фама	59 г.	1821	—	1842	Манах. Паходзіў з Экіманьскай парафіі, дваранін. Навучаўся ў Полацкім езуіцкім вучылішчы. Ведаў толькі польскую мову.

* НГАБ. — Ф. 2818. Оп. 1. Спр. 1.

УДК 929(476)(091)

В. Я. Ашугева

**ДЫСЕРТАЦЫЯ М. І. ПРАШКОВІЧА «ПАЭЗІЯ СІМЕОНА ПОЛАЦКАГА
(РАННІ ПЕРЫЯД — 1648—1664 гг.)» ЯК ПЕРШАЕ АЙЧЫННАЕ ДАСЛЕДАВАННЕ
ЖЫЦЦЯ І ТВОРЧАСЦІ СЛАВУТАГА ПАЛАЧАНІНА**

Разглядаецца дысертацыйнае даследаванне М. І. Прашковіча, прысвечанае ранняй творчасці Сімяона Полацкага, з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка. Адзначаецца каштоўнасць працы як першай дысертацыі на падобную тэму, якая была абаронена беларускім вучоным.

Ключавыя словы: Сімяон Полацкі, літаратурная спадчына, унікальная крыніца, першае айчыннае даследаванне, беларускае літаратуразнаўства, старажытная беларуская літаратура, стыль барока.

У 2019 г. у фонды Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка паступіў унікальны рукапіс — дысертацыя Міколы Прашковіча «Паэзія Сімеона Полацкага (Ранні перыяд — 1648—1664 гг.)». Прадмет быў перададзены кандыдатам філалагічных навук, дацэнтам кафедры гісторыі беларускай літаратуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзімірам Георгіевічам Кароткім падчас V Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Сімяон Полацкі: светапогляд, грамадска-палітычная і літаратурная дзейнасць». Дысертацыя на атрыманне навуковай ступені кандыдата філалагічных навук была падрыхтаваная і абароненая М. Прашковічам яшчэ ў 1964 г. Але з шэрагу прычын яго цікавая і грунтоўная праца так і засталася неапублікаванай, а значыць, мала вядомай шырокай навуковай грамадскасці.

Дысертацыя ўяўляе сабой два тамы машынапіснага тэксту. Першы том змяшчае асноўны тэкст дысертацыі і ўключае тры раздзелы. У першым з іх разглядаецца працэс развіцця беларускай і ўкраінскай паэзіі, пачынаючы з самых ранніх яе ўзораў і заканчваючы сучаснікамі Сімяона Полацкага. Другі і трэці раздзелы прысвечаны разгляду асаблівасцей панегірычных вершаў паэта на пачатковым этапе і жанравай разнастайнасці яго паэтычнай творчасці.

Другі том з'яўляецца дадаткам, што змяшчае тэксты ранніх вершаў Сімяона Полацкага, якія на той час яшчэ не былі, за рэдкім выключэннем, апублікаваныя. У. Г. Кароткі ацэньвае яго як «па сутнасці, першы збор твораў Сімяона Полацкага беларускага перыяду яго творчасці» [1, с. 104].

Каштоўнасць дысертацыйнага даследавання заключаецца не толькі ў тым, што гэта першая праца беларускага навукоўца, прысвечаная Сімяону Полацкаму. Важна яшчэ і тое, што ў сваім даследаванні Мікола Прашковіч разглядае ранні перыяд творчасці беларускага і рускага пісьменніка, які да таго часу іншымі даследчыкамі практычна не закранаўся, у адрозненне ад маскоўскага перыяду. Апошняму шмат увагі прысвяцілі расійскія навукоўцы, сярод якіх можна назваць І. П. Яроміна, Л. І. Сазонаву, Л. У. Званарову і іншых.

Сам Мікола Прашковіч тлумачыць неабходнасць заняцца вывучэннем ранняй паэтычнай спадчыны Сімяона Полацкага наступнымі прычынамі: «Па-першае, Полацкі як паэт ужо ў Беларусі поўнасьцю сфарміраваўся, і нельга па-належамаму ацаніць яго творчасць маскоўскага перыяду, не ўлічыўшы тую глебу, на якой ён вырас. Па-другое, творчасць Полацкага ранняга перыяду настолькі багатая і арыгінальная з'ява ў гісторыі старай беларускай літаратуры, што патрабуе спецыяльнага даследавання. І нарэшце, па-трэцяе, творчасць Сімеона Полацкага дае найбольш яскравы прыклад таго, як культурныя дзеячы Беларусі і Украіны таго часу засвойвалі лепшыя дасягненні перадавой еўрапейскай думкі» [2, с. 4].

Прашковіч паказвае свайго героя як выдатнага паэта і аднаго з найбольш відных прадстаўнікоў гуманізму, які ўпісаў бліскучую старонку ў развіццё беларускай і рускай культуры, чалавека, які для свайго часу меў глыбокія і ўсебаковыя веды, быў паэтам-наватарам і актыўным грамадзянінам свайго

часу. Зазначае, што Сімяон Полацкі жыў на пераломе дзвюх эпох — Сярэднявечча і Новага часу і ўсімі сіламі свайго розуму і таленту цягнуўся да новага.

Зразумела, што пішучы сваю працу ў часы ваяўнічага атэізму, Мікола Прашковіч вымушаны быў нібыта апраўдвацца за свайго героя: «Пераважная большасць яго паэтычнай творчасці цесна звязана з жыццём, рэчаіснасцю. Нават калі ў некаторых выпадках Полацкі клаў у аснову сваіх вершаў біблейскія сюжэты, то пытанні, пастаўленыя ў гэтых вершах, часта вырашаў у духу гуманізму, не звязваючы з рэлігіяй» [2, с. 1]. Не мог ён не зрабіць акцэнт і на такім моманце: «Полацкі з’яўляецца песняром чалавечай працы, а ў гэтых адносінах яго можна назваць наватарам у беларускай літаратуры» [2, с. 1]. Асноўным жа матывам ранняй творчасці Сімяона Полацкага М. Прашковіч вызначае патрыятызм.

Біяграфія Сімяона Полацкага ў даследаванні пададзена вельмі сцісла. Паводле Прашковіча: «Пра ранні ж перыяд яго жыцця і творчасці да апошняга часу было вядома вельмі мала. Яно і не дзіўна. У паэта не засталася ніякіх запісак аўтабіяграфічнага характару. Звесткі пра яго жыццё да 1664 года, часу яго пераезда ў Маскву, вельмі скупыя, нават цэлыя перыяды зусім невядомыя» [2, с. 2]. Трэба зазначыць, што многія звесткі пра сям’ю Пятроўскіх-Сітняновічаў і Шараметаў у той час былі яшчэ не адшуканыя, таму не прыходзіцца здзіўляцца, што Прашковіч услед за сваімі папярэднікамі называе яго Самуілам Емяльянавічам, а не Гаўрылавічам.

Пераезд у Маскву тлумачыцца тым, што «з пачатку 1661 года становішча праваслаўнай царквы на Беларусі рэзка пагоршылася, бо беларускія землі зноў канчаткова адышлі да Польшчы. Полацкі, актыўны грамадскі дзеяч, прыхільнік далучэння Беларусі да Расіі, баючыся ганенняў з боку польскіх улад і не знаходзячы прымянення на радзіме сваім выдатным здольнасцям, вясной 1664 года эміграваў у Маскву» [2, с. 2].

Разглядаючы ў сваёй працы дамаскоўскі перыяд творчасці Сімяона Полацкага, Прашковіч заўважае: «Творчасць Полацкага ранняга перыяду вельмі багатая жанрава і тэматычна. Пры знаёмстве з раннімі рукапісамі Сімеона Полацкага становіцца відавочным, што ён пакінуў узоры ўсіх вядомых у тыя часы паэтычных жанраў і формаў: „дэкламацый“, алегорый, элегій, гістарычных твораў і г. д. У большай частцы гэтых твораў Полацкі непасрэдна адклікаўся на тыя або іншыя падзеі часу, выказваў да іх свае адносіны» [2, с. 3].

Адзначаецца даследчыкам і тое, што Сімяон Полацкі, вядома ж, не быў першым беларускім паэтам. «Пачынаючы з вершаў Францішка Скарыны, беларуская паэзія разам з украінскай прайшла досыць доўгі і складаны шлях развіцця. Полацкі, найбольш значны паэт таго часу, апіраўся ў сваёй творчасці як на традыцыі беларускай і ўкраінскай паэзіі, так і польскай. Ён увабраў у сябе як слабыя, так і моцныя бакі сваіх папярэднікаў і пайшоў значна далей» [2, с. 4]. Агульнаму агляду беларускай і ўкраінскай паэзіі да Сімяона Полацкага і прысвечаны першы раздзел дысертацыі.

«Першыя ўзоры вершаскладання ў Беларусі, — зазначае Прашковіч, — звязаны з імем Францыска Скарыны, беларускага першадрукара і асветніка» [2, с. 24]. Праўда, ацэньвае ён іх невысока, тлумачычы гэта «навізнай самога жанра ў беларускай літаратуры» [2, с. 28].

Гаворыць ён таксама пра лацінамоўных беларускіх паэтаў, такіх як Ян з Вісліцы, Мікола з Гусова, прапануючы разглядаць іх творчасць у межах старажытнай беларускай літаратуры. Найбольш цікавай і арыгінальнай фігурай Прашковіч называе Гусоўскага, высока ацэньваючы яго «Песню пра зубра».

Даследчык даволі падрабязна разглядае развіццё паэзіі ў канцы XVI — першай палове XVII стст., вылучаючы некалькі культурных цэнтраў на беларускіх і ўкраінскіх землях. Менавіта з культурнымі цэнтрамі Прашковіч звязвае і панаванне тых ці іншых жанраў у тагачаснай паэзіі. Так, у Вільні, якая з’яўлялася буйным выдавецкім цэнтрам, была асабліва развітая панегірычная паэзія, асабліва жанр «эпіграмы». Некаторыя з іх, па словах М. Прашковіча, «служылі віньеткай для кніг» — на граматыкі і палемічныя творы.

А вось у Полацку найбольш развіты быў жанр «дэкламацыі». Тут цэнтрам культурнага жыцця з’яўляўся Богаяўленскі манастыр; у 50-я гады XVII ст. пры ім існаваў своеасаблівы літаратурны гурток,

у які, апрача Сімяона, уваходзілі, як вядома, сам ігумен Ігнацій Іяўлевіч, а таксама Філафей Утчыцкі і іншыя манахі.

Тут варта зазначыць, што менавіта Прашковіч не толькі звязаў творчасць Сімяона Полацкага са стылем барока, але і першым у беларускім літаратуразнаўстве, як сцвярджае У. Г. Кароткі, даў вызначэнне гэтаму стылю.

Паводле Прашковіча, «барока» як літаратурны стыль характарызуецца ў паэзіі наступнымі асаблівасцямі:

- 1) выкарыстанне антычнай міфалогіі;
- 2) ужыванне эпітэтаў-прыметнікаў, якія паказваюць адценні колеру;
- 3) ужыванне ўзмацняльных метафар, якія складаюцца з назоўніка ў назоўным склоне і назоўніка ў родным склоне;
- 4) агульная тэндэнцыя ўскладніць пабудову (кампазіцыю) твору;
- 5) адцягненасць зместу, аперыраванне «касмаграфічнымі» паняццямі;
- 6) часта тэкст суправаджаюць малюнкi [2, с. 75].

Дык вось, першым творам у беларускай паэзіі, поўнасю вытрыманым ў стылі барока, Прашковіч называе дэкламацыю, якая належыць І. Іяўлевічу і адносіцца да 1650 г. Сапраўдны ж росквіт гэтага жанру ў беларускай літаратуры звязаны з творчасцю Сімяона Полацкага.

Наступны раздзел дысертацыі прысвечаны ўжо непасрэдна ранняй творчасці Сімяона Полацкага. Першыя свае творы (акафісты і каноны) Сімяон пачаў пісаць яшчэ падчас вучобы ў Кіеве на польскай мове. Рэлігійны змест твораў не надта цікавіць даследчыка: «Творы Полацкага царкоўнай тэматыкі важна ведаць для таго, каб больш глыбока зразумець яго супярэчнасці, убачыць, як ён побач з прагрэсіўнымі для свайго часу думкамі ў свецкіх вершах часамі заставаўся ў палоне царкоўнай тэмы, далёкай ад жыцця і яго запатрабаванняў» [2, с. 86]. Але ён не мог не адзначыць, што ўжо ў ранні перыяд свайго творчасці Сімяон мог пісаць складаныя па кампазіцыі творы.

Разам з тым, элегіі, зноў жа на царкоўную тэму, Прашковіч разглядае як узоры патрыятычнай лірыкі Сімяона Полацкага. Гаворка ідзе пра элегію, прысвечаную забранню з Полацка да Масквы абраза Прасвятой Багародзіцы («Ао 1663. April. 27. Wzięto obraz naswietszey Bogorodzicy z Połocka do Moskwy...»): «Уся элегія з'яўляецца свайго роду пратэстам С. Полацкага супраць беззаконнага захопу абраза багародзіцы маскоўскім духавенствам. Яна яскрава сведчыць пра адносіны Полацкага да сучасных яму падзей. І хаця прыкладна праз год С. Полацкі быў ужо ў Маскве, у элегіі ён паказвае сябе гарачым патрыётам роднага Полацка» [2, с. 98]. Вельмі падобная да яе і элегія Полацкага «Прилог к преподобной матери Евфросинии». Любоў аўтара да роднай зямлі і роднага горада, на думку М. Прашковіча, у гэтым творы выразілася яшчэ больш яскрава, чым у папярэднім. Уся элегія напоўнена трывогай паэта за лёс беларускіх зямель. Калі ў папярэдняй элегіі аўтар звяртаецца непасрэдна да Багародзіцы з просьбай абараняць беларускую зямлю і горад Полацк, то ў дадзеным творы падобную просьбу паэт выказвае да святой Еўфрасінні.

Найбольш каштоўную і значную частку панегірычнай паэзіі Сімяона Полацкага складаюць менавіта «дэкламацыі». У гэтых творах асабліва яскрава выразіўся патрыятызм паэта, яго любоў да роднай зямлі і роднага горада. «Тэма пераважнай большасці „дэкламацый“ — радзіма. Полацкі клапаціцца пра яе лёс, просіць у зямных і нябесных сіл для яе заступніцтва і абароны. Асабліва шмат увагі паэт удзяляе Полацку і Віцебску, з якімі жыццё яго было асабліва цесна звязана» [2, с. 104].

Самым вядомым творам Сімяона да пераезду ў Маскву лічацца яго «Метры», якія былі прачытаны ў 1656 г. перад царом Аляксеем Міхайлавічам. Але, мабыць, ні пра які іншы твор Полацкага не было выказана столькі супярэчлівых думак, як пра гэтыя «Метры». Справа ў тым, што ёсць два вершы з падобнай назвай, прычым адзін напісаны Сімяонам, а другі — айсцамі Богаяўленскага манастыра, дзе Сімяон выступае толькі сааўтарам. У дачыненні да першых «Метраў» яшчэ да Прашковіча даследчыкі заўважалі, што першая палова твора напісана на царкоўнаславянскай мове, другая — на беларускай.

М. Прашковіч устанавіў, што прыкладна палова «Метраў» з вельмі нязначнымі адхіленнямі і зменамі, капіруе «Просфониму», выдадзеную ў Львове ў 1591 г. «Просфонима» таксама адносіцца да жанру «дэкламацый», яна пісалася і чыталася ў гонар прыезду ў Львоў мітрапаліта Кіеўскага і Галіцкага Міхаіла Рагозы. Сімяону Полацкаму было вельмі лёгка выкарыстаць некаторыя часткі гэтай «дэкламацыі». Толькі ў асобных месцах ён замяняе імя мітрапаліта Міхаіла на імя цара Аляксея Міхайлавіча ды некаторыя радкі выкідае або дабаўляе свае. Каб паказаць гэтую рэдактарскую работу больш наглядна, даследчык прыводзіць паралельна сходныя часткі абодвух вершаў і прыходзіць да высновы, што 6–12 часткі «Метраў» напісаны Сімяонам Полацкім самастойна і менавіта там выяўляецца «беларуская тэма»: «Гэта „дэкламацыя“ ўзнімала надзённыя пытанні таго часу, была творам грамадскага гучання. У цэнтры яе стаіць тэма радзімы. Полацкі вітае цара, бо спадзяецца, што з прыходам рускіх войск палепшыцца жыццё яго суайчыннікаў. Ён заклікае цара быць літасцівым для беларускіх зямель і асабліва для горада Віцебска. Гэтыя „Метры“ з’яўляюцца глыбока-патрыятычным творам, у якім аўтар выказаў і сваю любоў да роднай зямлі і свае спадзяванні, што становішча беларусаў зменіцца ў лепшы бок» [2, с. 116].

Вельмі падобныя па змесце з першымі «Метрамі», чытанымі ў Віцебску, і другія, што чыталіся 5 ліпеня 1656 г. у Полацку. Зноў жа, як лічыць Прашковіч, «Метры» з’яўляюцца найбольш яскравым прыкладам глыбокага патрыятызму аўтара, яго любові да сваёй радзімы. Так, паэт усхваляе цара, бо спадзяецца, што той прынёс вызваленне беларускай зямлі (у першую чаргу — праваслаўным), галоўная ж думка «дэкламацыі» — пажаданне шчасця і росквіту беларускай зямлі і гораду Полацку. Сустрэча з царом, на думку даследчыка, і паслужыла паэту прычынай для напісання гэтага патрыятычнага гімна ў гонар роднай зямлі.

У трэцім раздзеле даследавання разглядаецца жанравая разнастайнасць паэтычнай творчасці Сімяона Полацкага. Даследчыкам адзначаецца, што «ў жанравых адносінах паэзія Сімеона Полацкага вельмі багатая і разнастайная. Ён пакінуў узоры ўсіх вядомых у той час паэтычных жанраў і формаў: сатырычныя і гумарыстычныя вершы, вершы на тэмы антычнай міфалогіі і сучаснай паэту гісторыі і г. д. <...> Ва ўсіх гэтых творах Полацкі ўздымае самыя разнастайныя пытанні і вырашае іх у прагрэсіўным духу. <...> У некаторых з гэтых вершаў маецца аўтарская маралізацыя, якая некалькі зніжае іх ідэйнае гучанне. У многіх жа сваіх алегарычных вершах С. Полацкі ўзняўся да вялікіх мастацкіх абавольненняў» [2, с. 164].

У якасці прыкладаў сатырычных вершаў прыводзіцца «Віншоване...» Амфінагена Крыжаноўскага. Сатыра гаворыць пра дасціпнасць аўтара, яго ўменне даць рэзкую і трапную характарыстыку свайму праціўніку [2, с. 169].

Самы вядомы гумарыстычны верш Сімяона Полацкага — «Стихи утешные к лицу единому», які, на думку Прашковіча, «гаворыць пра новыя рысы характару Сімеона Полацкага як чалавека, пра яго дасціпнасць, вясёлы гумар. Але за гэтымі жартаўлівымі словамі крыецца вялікі роздум пісьменніка над сваім жыццём» [2, с. 171]. Прыняцце манаства даследчык тлумачыць не празмернай рэлігійнасцю Сімяона, а жаданнем мець большую магчымасць займацца літаратурай.

Але Прашковіч адшукаў яшчэ адзін мала вядомы гумарыстычны верш Сімяона Полацкага, які называецца «Trudno wszystkim wygodzić» («Цяжка ўсім дагадзіць»). У аснове яго ляжыць агульнавядомы сюжэт усходняга паходжання пра падарожжа старога і малага з аслom [2, с. 172].

Асобную невялікую па колькасці групу складаюць вершы Сімяона Полацкага на астранамічныя тэмы. Менавіта гэтыя вершы Прашковіч асабліва ўхваляе як спробу даць праўдзівую карціну жыцця. Як сцвярджае даследчык, астранамічныя і астралагічныя веды паэт выкладае для таго, каб паказаць занятакі чалавека ў той або іншы перыяд сутак, года, наогул, яго жыцця. З гэтых вершаў таксама відаць, што паэт не быў у баку ад тых ведаў, якія бытавалі ў яго час. А таксама «ва ўсіх гэтых вершах С. Полацкі паэтызуе працу, паказвае, як яна ўзвышае чалавека і робіць яго высакародным. Праца пры-

носіць чалавеку радасць і шчасце — такая думка паэта. Як ужо адзначалася, тэма працы ў паэзіі ўсходніх славян у Полацкага паднімаецца ўпершыню. У гэтым вялікая заслуга паэта» [2, с. 182].

Характэрнай асаблівасцю лексікі гэтых твораў Прашковіч адзначае адсутнасць царкоўнаславянізмаў, затое значнай у працэнтных адносінах у іх з'яўляецца лексіка навуковай тэрміналогіі, а таксама паняцці, звязаныя з сельскагаспадарчымі работамі і г. д. Моўным асаблівасцям ранняй творчасці Сімяона Полацкага ў дысертацыі наогул ўдзяляецца вялікая ўвага, падрабязна аналізуецца кожная група вершаў, разглядаецца іх лексіка і мастацкія сродкі. Адзначаецца як непазбежны для таго часу ўплыў польскай мовы, так і свядомае выкарыстанне Сімяонам усё больш мовы царкоўнаславянскай, што будзе потым уласціва для яго творчасці маскоўскага перыяду.

Ухваляе даследчык за «чыста свецкую тэматыку» і верш Сімяона «Siedm nauk wyzwolonych». Змест твора зразумелы з яго загаловка: паэт тлумачыць сэнс і прызначэнне сямі вольных навук, якія складалі аснову навучання сярэдневяковых універсітэтаў і акадэміі. Паэт стараецца вельмі лаканічна паказаць значэнне кожнай навукі, «<...> гаворыць пра значэнне навукі вельмі дакладна, г. зн., схоплівае асноўнае, што з'яўляецца для яе характэрным» [2, с. 184].

Адной з найбольш значных частак ранняй творчасці Сімяона Полацкага з'яўляюцца алегарычныя вершы, у якіх М. Прашковіч, адзначаючы іх дыдактызм і царкоўную тэматыку, ухваляе багацце і разнастайнасць выкарыстаных паэтам матэрыялаў: «Некаторая частка алегорый Сімеона Полацкага звязана з імем бога і рэлігійнай тэматыкай. Але для таго, каб даць паэтычную ілюстрацыю той або іншай рэлігійнай думкі, паэт робіць экскурсы ў антычную міфалогію і гісторыю, закранае пытанні мастацтва, быта, маралі, чалавечых узаемаадносін і г. д. Асноўнай рысай гэтых твораў з'яўляецца дыдактызм, <...> але прыклады для павучання паэт выкарыстоўвае самыя разнастайныя, а таму яго алегарычныя творы вельмі багатыя тэматычна» [2, с. 199].

У заключэнні даследчык прыходзіць да высновы: «Па сутнасці, за паўтара дзесятка гадоў літаратурнай дзейнасці на Беларусі С. Полацкі пакінуў велізарную колькасць паэтычных твораў самых разнастайных і арыгінальных па жанру і стылю. Значэнне творчасці Сімеона Полацкага ў развіцці старажытнай беларускай літаратуры выключнае. Зыходзячы з наяўных у літаратурным ужытку матэрыялаў, можна сказаць, што ў асобе Сімеона Полацкага мы маем буйнага беларускага паэта старажытнага перыяду» [2, с. 240].

Гэтак жа можна зазначыць, што ў асобе самога Мікалая Іванавіча Прашковіча мы маем талентавага беларускага літаратуразнаўцу сярэдзіны ХХ ст., які грунтоўна і шмат у чым апрадэжваўчы свой час, даследаваў раннюю творчасць Сімяона Полацкага і звязаў яе са стылем барока. А таксама прасачыў гісторыю развіцця беларускай паэзіі XVI—XVII стст. у цеснай сувязі з украінскай і польскай літаратурай таго часу. Пры гэтым ён значна пашырыў абсягі старажытнай беларускай літаратуры, уключыўшы ў яе лацінамоўных паэтаў. Разам з тым, мы бачым як у некаторых адносінах даследчык праяўляе сябе цалкам у духу свайго часу (у першую чаргу гэта датычыцца трактоўкі рэлігійных твораў), аднак гэта не зніжае каштоўнасці дысертацыі як першага айчыннага даследавання жыцця і творчасці славацкага палачаніна.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Кароткі, У. Неапублікаваная спадчына Міколы Прашковіча — першага беларускага даследчыка творчасці Сімяона Полацкага / У. Кароткі // Палымя. — 2020. — № 12. — С. 102—106.
2. Прашковіч, М. І. Паэзія Сімеона Полацкага (Ранні перыяд — 1648—1664 гг.) : дыс. ... канд. філал. навук / М. І. Прашковіч // Фонды НПКМЗ КПЗ-45092/1. — Мінск, 1964. — 255 л.

Ашуква Вера Яўгенаўна,
загадчык аддзела навукова-фондавай работы НПКМЗ

В. Е. Ошуева

ДИССЕРТАЦИЯ Н. И. ПРАШКОВИЧА
«ПАЭЗІЯ СІМЕОНА ПОЛАЦКАГА (РАННІ ПЕРЫЯД – 1648–1664 гг.)»
КАК ПЕРВОЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЖИЗНИ
И ТВОРЧЕСТВА ЗНАМЕНИТОГО ПОЛОЧАНИНА

Рассматривается диссертационное исследование Н. И. Прашковича, посвящённое раннему творчеству Симеона Полоцкого, из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника; отмечается ценность работы как первой диссертации на подобную тему, которая была защищена белорусским учёным.

Ключевые слова: Симеон Полоцкий, литературное наследие, уникальный источник, первое отечественное исследование, белорусское литературоведение, древняя белорусская литература, стиль барокко.

Ошуева Вера Евгеньевна, заведующий отделом научно-фондовой работой НПИКМЗ.

УДК 908(476)+614.842/.847"1877-1909"

І. П. Воднева

ИСТОРИЯ ПОЛОЦКОГО ВОЛЬНО-ПОЖАРНОГО ОБЩЕСТВА (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЧЁТОВ ЗА 1906–1909 гг.)

Сегодня в фондах Российской государственной исторической библиотеки хранятся отчёты Полоцкого вольно-пожарного общества за 1906–1909 гг., являющиеся ценным письменным источником по истории городских общественных организаций Полотчины дореволюционного времени. Четыре небольшие брошюры содержат краткие сведения о деятельности общества, подробные списки всех членов, а также суммы прихода и расхода денежных средств. Анализ данных печатных изданий позволил выявить новые сведения о деятельности Полоцкого вольно-пожарного общества (ПВПО), появление которого стало своевременным решением, позволившим «вложить возможности обывателей в формирование городского пожарного хозяйства и улучшить противопожарное дело в Полоцке».

Ключевые слова: Витебская губерния, Полоцкое вольно-пожарное общество, правление, отчёт.

Ещё со времён ВКЛ в Полоцке существовала так называемая «пожарная повинность», когда сами горожане обязаны были следить за пожарной безопасностью. После вхождения Полоцка в состав Российской империи в конце XVIII в. в организации пожарного дела стали происходить коренные изменения. Тушение пожаров возлагалось на специальные пожарные команды, состоящие в штате городской полиции. Однако этих усилий для локализации в городе крупных пожаров было недостаточно. Так, в 1871 г. в Полоцке произошёл очередной крупный пожар. Из рассказа очевидцев: «<...> Летом 1871 г. опять страшный пожар истребил часть города около гимназии, причём казённым зданиям угрожала большая опасность. 25 июля вечером загорелось при сильном ветре близ самой гимназии, и через несколько времени море огня окружало здание с трёх сторон; горели городские дома, расположенные близко друг к другу и примыкавшие к гимназическим постройкам <...> Горящие головни силою ветра перебрасывались через плац. Бороться с огнем было нечем: был полный недостаток воды, и доставать её приходилось из реки Западной Двины по крутым, непригодным взвозам. Городской пожарный обоз был ничтожен, а городских бочек оказалось всего десять <...>» [1, с. 252].

Большие материальные убытки, причинённые пожаром, «<...> заставили городское управление обратить внимание на беспомощное положение города, в случае повторения бедствия» [1, с. 253]. Главный начальник военно-учебных заведений генерал-адъютант Н. В. Исаков после посещения пострадавших от пожара зданий (Полоцкой военной гимназии, с 1872 г. — кадетского корпуса) распорядился составить смету на устройство в гимназии водопровода и пожарных кранов, а городское руководство по примеру губернского активно заговорило о создании в Полоцке общественной пожарной организации.

Летом 1876 г. в канцелярию витебского губернатора поступил рапорт полоцкого полицмейстера о желании 22 полочан разных сословий организовать в Полоцке вольно-пожарную команду [8, л. 1–1 об]. Около года шла переписка между Полоцком, Витебском и Санкт-Петербургом, в результате чего был доработан Устав Полоцкого ВПО. В его основу были положены уставные документы Витебского ВПО, созданного в 1872 г. В мае 1877 г. из канцелярии МВД на имя Витебского губернатора поступило разрешение о создании в Полоцке ВПО, целью которого стало «<...> содействовать жителям при тушении пожаров в городе и в предместьях, посредством охотников, добровольно вступивших в общество» [8, л. 11].

К началу XX в. ПВПО стало хорошо организованной и материально устойчивой общественной организацией. Анализ Отчётов общества за 1906–1909 гг. позволяет восстановить его списочный состав. Первыми в списке указывались почётные члены, которые были удостоены подобного звания за поддержку общества или многолетнее ему служение (приложение 1).

Непосредственным руководством ПВПО занималось его правление, которое первоначально насчитывало 3 действительных члена и 3 недействительных члена, а также начальника над всеми охотниками [8, л. 11]. В начале XX в. в состав правления входило от 15 до 20 человек. Это были образованные полочане, имевшие в собственности движимое или недвижимое имущество, занимающие определённые должности на службе. Ежегодно общим собранием всех членов ПВПО избирался председатель, секретарь и казначей правления. Согласно Отчётам в 1906–1909 гг. секретарём был частный поверенный Илья Пинхусович Иоффе (на должности с 1 июля 1893 г.) [5, с. 5]. Полоцкий банкир, владелец городских каменных зданий, председатель Еврейского общества пособия бедным, потомственный Почётный гражданин Бенъямин Лазаревич Баркан исполнял обязанности казначея [2, с. 5]. Также в состав правления входили полоцкие купцы 2-й гильдии Иван Иванович и Степан Киприанович Шпаковы, Мендель Мошевич Лившиц, Моисей Лазаревич Кацнельсон; врачи Мариан Иванович Керсновский, Василий Дементьевич Шутко, Николай Дмитриевич Гнедовский, Александр Моисеевич Именитов, Вильгельм Октавианович Микульский; педагог кадетского корпуса генерал-майор Александр Павлович Аргомаков и др.

Члены правления проводили ежемесячные совещания, утверждали планы мероприятий по пожарной профилактике, заслушивали отчёты ревизионной комиссии, в состав которой обычно входили 3–4 постоянных члена и 1–3 кандидата. В Отчёте за 1906 г. указывались фамилии «жертвователей», которые ежегодно сдавали в кассу по 3–5 рублей. Иногда на счёт ВПО поступали и крупные единовременные взносы. Например, владелец престижной полоцкой гостиницы «Гранд-отель» Э. П. Кулеша в 1906 г. пожертвовал 100 рублей, и столько же в 1909 г. внёс в кассу член правления дворянин Игнатий Осипович Галко. В среднем членские взносы составляли около 30 % всего годового дохода ПВПО. Больше половины средств, которые давали возможность обществу «удовлетворять своим насущным нуждам в инвентаре и одежде для охотников» [2, с. 4], составляли:

- прибыль от катка (в 1904–1905 гг. – 108 руб., 1907 г. – 20 руб.),
- гулянье в саду (4 июня 1906 г. – 132 руб., 1907 г. – 427,66 руб., 21 июня 1909 г. – 148,97 руб.),
- аренда сада Потапием Принцевым – помощником знаменщика ПВПО (1908 г. – 160 руб., 1909 г. – 100 руб.),
- содержание буфета в саду (1907 г. – 200 руб.),
- проведение спектаклей (29 ноября 1906 г. – 129,15 руб., 1 декабря 1907 г. – 55,26 руб., 24 августа 1908 г. – 36,34 руб., 31 августа 1908 г. – 95,34 руб., 30 мая 1909 г. – 56,80 руб.),
- проведение балов-маскарадов (2 января 1908 г. – 127,27 руб., 18 января 1908 г. – 77,85 руб., 3 февраля 1909 г. – 39,90 руб., 27 декабря 1909 г. – 77,96 руб.).

В 1907 г. у ПВПО появился свой пожарный оркестр, который также приносил прибыль, при этом требуя и вложений [3, с. 11–12]. В 1908 г. доход от оркестра за игру во время гуляний в саду Полоцка составил 220 руб., за игру в городском клубе – 15 руб., а на гуляниях в Ушачах за два дня оркестр заработал 32,34 руб. Свои музыкальные коллективы иметь в те годы пожарным обществам было престижно. В первый год существования полоцкого духового оркестра, который состоял из 12 музыкантов и 14 учеников под управлением капельмейстера Ильи Безродного [3, с. 11], правление общества вложило немало средств. Всего на приобретение 4 кларнетов, 3 корнетов, 4 альтов, 2 барабанов, 2 басов, 2 теноров, 1 баритона, 1 пары тарелок и 15 пюпитров было потрачено около 6,5 тысяч рублей. При этом музыканты за каждое выступление получали вознаграждение (14 мая 1907 г. – 25 руб., 7 декабря 1907 г. – 67,34 руб., всего за 1908 г. – 714,50 руб., всего за 1909 г. – 100 руб.). ПВПО ремонтировало и оплачивало освещение помещений для репетиций, «починку» музыкальных инструментов. В Отчёте за 1909 г. в статье расходов указывается перечисление 125,40 руб. «за музыкальные инструменты Кернеру» [5, с. 3]. Скорее всего, эти деньги были потрачены на приобретение духовых инструментов известной московской фирмы, которая занималась изготовлением техники высокого качества.

В 1899 г. ПВПО стало членом Императорского Российского пожарного общества (ИРПО). Обязательные ежегодные взносы от Полоцка составляли в среднем 8–10 руб. Полочане выписывали также календари Российского ИПО и общероссийский журнал «Пожарное дело». Кроме этого, полочане «за

долголетнюю, отличную, усердную и полезную службу» имели право получать серебряные и бронзовые знаки и медали ИРПО [2, с. 16]. В 1906 г. серебряными знаками были награждены Аверкий Архипович Желудов, Шлема Левин, Пинхус Драбкин, Фома Зубко, Дементий Латышевич и Максимилиан Машек, а старейший член ПВПО, знаменщик Израиль Абрамзон – серебряной медалью для ношения на груди на Анненской ленте. Все эти добровольцы состояли в организации много лет, являясь уполномоченными членами-охотниками в общих городских собраниях, т. е. занимались пропагандой добровольчества и привлечением в ПВПО новых членов и «жертвователей». Кроме этого, Ш. З. Левин в 1906–1907 гг. был начальником 1-й пожарной колонны, членом ревизионной комиссии, а в 1908 г. избирался общим собранием общества помощником начальника команды. Вторым начальником 2-й колонны был П. З. Драбкин, который также числился ещё и кандидатом в члены ревизионной комиссии. Секретарь Полоцкого городского Полицейского управления А. А. Желудов занимал должность помощника начальника пожарной колонны и был членом ревизионной комиссии. Д. Латышевич выполнял обязанности цейхмейстера, т. е. заведовал всем имуществом ПВПО.

Многочисленный состав полоцких «огнеборцев» возглавлял начальник пожарной команды общества, которая была создана в мае 1878 г. В 1906–1911 гг. городской землемер Игнатий Иванович Радзивилович (на должности с 21 мая 1893 г.) числился начальником команды общества [5, с. 5]. Он также входил и в правление ПВПО. Вся команда полоцких добровольцев была разделена на 2 колонны, в среднем по 23–24 «охотника». В основном это была молодёжь иудейского вероисповедания. С 1902 г. в состав общества вошёл ещё и отряд охранителей из 16–17 чел., который в 1906–1908 гг. возглавлял П. М. Пальмбах [3, с. 10]. В их обязанности входило оцепление места происшествия во время пожара, обеспечение спасения имущества и охрана соседних строений от возгорания.

Отчёты, которые выходили в местной типографии Х. В. Клячко, позволяют установить не только численность и финансовое состояние общества, но и узнать о самых ярких событиях в жизни организации. В 1906 г. ПВПО прощалось с секретарём присяжных поверенных Яковом Семёновичем Эльяшевым, который был членом общества около 20 лет. С 1888 по 1906 г. он прошёл путь от простого «охотника» до секретаря и члена Правления. «Его речи и стихотворения, которые он произносил ежегодно в годовую праздник Общества 30 августа, вызывали гром аплодисментов и надолго останутся в памяти всех его любящих товарищей и сослуживцев», – отмечалось в одном из Отчётов [2, с. 16]. За заслуги в деле охраны имущества и человеческих жизней Советом РИПО Я. С. Эльяшев был награждён орденом Святого Станислава 3-й степени.

Слова благодарности от имени общего собрания общества были высказаны и Ивану Ивановичу Долгову, который более 7 лет возглавлял правление ПВПО. Из-за болезни он вынужден был покинуть свой пост, став почётным членом общества [2, с. 17].

В Отчётах указывалось также количество пожаров, тревог и учений (*приложение 2*).

Интересно, что в 1906 г. у добровольцев появилась новая летняя форма: 80 одинаковых костюмов, состоящих из шаровар и блуз. На балансе общества находились тужурки, каски, а также 1 сюртук для начальника команды. В Отчётах указывались фамилии полоцких портных Аксельрода и Алтбрегина и шапочников Гуревича и Зеленова. Сукно для тужурок закупали в мануфактурной лавке у Берки Минца.

Постоянно расширялся и парк пожарной техники и инвентаря ПВПО. Известно, что в 1906 г. на балансе находилась паровая машина завода Буш на рессорном 4-колёсном пароконном ходу и машина фирмы Гуго Гермер-Меер на одиночном ходу. Обслуживали пожарную технику в 1906–1909 гг. машинист Игнатий Вышинский (он же уполномоченный общества), его помощник Михаил Шапкин (кандидат в уполномоченные общества) и два кочегара, Юренков и Цепков. С середины XIX в. стали активно использовать для тушения огня и так называемые заливные трубы, или ручные насосы. В 1906–1908 гг. у ПВПО был гидрофиль № 1 фирмы Густава Листа на парном ходу, а в 1909 г. появилась ещё и ручная машина фирмы «Лангезипен и К» с пятью саженым поливным рукавом и пятью аршинами забирного рукава. С приобретением ручной машины среди добровольцев стали выбирать

ствольщиков. В 1909 г. эту должность занимали Ицык Сегал (1-я колонна) и Борух Ильев (2-я колонна). Помощь в приобретении ручной машины в размере 340,29 руб. оказала Витебская губернская управа, которая, как отмечалось в годовом Отчёте за 1909 г., вместе с Полоцкой городской управой получила «особую благодарность за материальную поддержку» [2, с. 12–13]. На балансе общества числились также рукава, гайки, лестницы, верёвки, топоры, рожки и др. За отдельную плату повреждённый инвентарь ремонтировали и из общих средств оплачивали работу слесарю Ильеву и частным мастерам Брейдо и Вышинскому.

Из Отчёта 1909 г. можно было узнать и о разразившейся в городе холере, которая унесла несколько сотен жизней полочан «не щадя ни стара, ни мала, ни бедно, ни богатого» [5, с. 12].

Таким образом, деятельность ПВПО, согласно Отчётам, была направлена на предотвращение так называемого «красного петуха», который был беспощадным врагом жителей города. Однако «как бы ни был страшен этот враг людей и их состояния, но члены Полоцкого Вольно-Пожарного Общества всегда стойко побеждают его. С поразительной быстротой и самоотверженностью наши дружинники, во исполнение святого долга умело бросаются на своего неприятеля и локализуют огонь в самом его зачатке. Загудит сирена, ударит набат и мгновенно со всех сторон города бегут добровольцы на бой, хотя опасный, но зато святой и правый» [5, с. 12]. Добровольное участие представителей общественности в тушении пожаров оказывало неоценимую помощь профессиональной пожарной команде города. Кроме этого, в 1914 г. в состав Полоцкого ВПО входило и 6 сельских пожарных дружин в Струнье, Оболе, Шумилино, Сиротино, Любичах, Мишковичах (Витебское направление). Деятельность добровольцев-охотников на селе была единственной помощью сельчанам в случае пожара.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Викентьев, В. П. Полоцкий кадетский корпус: к 75-летию учебного заведения / В. П. Викентьев. — Полоцк, 1910 г. — 461 с.
2. Отчёт Полоцкого вольно-пожарного общества за 1906. 29-й год существования общества. — Полоцк : Тип. Х. В. Клячко, 1907. — 18 с.
3. Отчёт Полоцкого вольно-пожарного общества за 1907. 30-й год существования общества. — Полоцк : Тип. Х. В. Клячко, 1908. — 12 с.
4. Отчёт Полоцкого вольно-пожарного общества за 1908. 31-й год существования общества. — Полоцк : Тип. Х. В. Клячко, 1910. — 12 с.
5. Отчёт Полоцкого вольно-пожарного общества за 1909. 32-й год существования общества. — Полоцк : Тип. Х. В. Клячко, 1910. — 13 с.
6. Памятная книжка Витебской губернии на 1903 год. — Витебск : Губернская типография, 1903. — 502 с.
7. Памятная книжка Витебской губернии на 1902 год. — Витебск : Губернская типография, 1902. — 503 с.
8. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). — Ф. 1430. Оп. 1. Д. 35979.

Воднева Ирина Петровна,
магистр исторических наук,
заведующий Краеведческим музеем — филиалом НПИКМЗ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Фамилия	Годы жизни	Должность	С какого года почётный член ПВПО	Дополнительные сведения
д. с. с. Владимир Александрович Левашёв	1850–1912	бывший витебский губернатор (1894–1899)	31.08.1898	
д. с. с. Иван Ильич Чепелевский	1842 – после 1909	бывший витебский губернатор (1899–1904)	30.08.1899	был официально приглашён на празднование 25-летия ПВПО 30.08.1902
д. с. с. барон Бернгард Бернгардович Гершау-Флотов	1853–1911	витебский губернатор (1909–1911)	1904	
граф Людвиг Игнатьевич Парравичини	1844 – после 1907	С 1892 г. заседатель Дворянской опеки	16.12.1903	итальянский подданный, заседа- тель дворянской опеки, в Полоц- ке с 1891 г., член правления, с мая 1909 г. – председатель правления ПВПО
Андрей Николаевич Ваулин	1860 – после 1918	директор Полоцкого кадетского корпуса	08.07.1908	его считали одним из самых об- разованных военных педагогов своего времени
Модест Григорьевич Чигирь	1863–1918	директор Полоцкого кадетского корпуса	1909	
Эдуард Петрович Корвин-Кулеша		землевладелец, гласный уездной управы	1907	окончил Санкт-Петербургский уни- верситет, член правления, с де- кабря 1907 по май 1909 г. – председатель правления ПВПО
Александр Карлович Зильберсдорф		окружный акцизный надзиратель	10.05.1909	немецкий мещанин, 1902–1909 г. – член правления, в 1907 г. был награждён «за долголетнюю, от- личную, усердную и полезную службу» серебряным знаком Вели- кого Князя Владимира Александр- овича
ст. с. Иван Иванович Долгов	1857–1911	преподаватель Полоцкого кадетского корпуса	19.03.1906	15.08.1899–19.03.1906 – предсе- датель правления ПВПО

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Год	Количество пожаров	Количество тревог	Количество учений
1907	5	11	12
1908	4	12	8
1909	6	6	8

УДК 069.01

Е. В. Говенько

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СРЕДСТВ В РАБОТЕ ДЕТСКОГО МУЗЕЯ

Рассматриваются основные аспекты использования мультимедийных средств в экспозиции Детского музея, филиала Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, применение мультимедиа в работе как с индивидуальными, так и организованными в группы посетителями музея.

Ключевые слова: мультимедиа технологии, мультимедийные средства, информационные технологии, Детский музей, планшет, интерактивный стол, видеопроектор.

Современное общество насыщено новинками научно-технического прогресса. Отвечая современным требованиям, учреждения культуры ищут новые формы и методы эффективной работы с аудиторией.

В современных музеях повсеместно используются мультимедиа технологии. Это совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько средств: графику, текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение [1].

Мультимедиа технологии прочно вошли в пространство и жизнь музея. Мультимедийное оборудование расширяет границы экспозиции, даёт возможность более детально погрузиться в экспозиционную тематику и получить расширенную информацию об экспонатах [4].

В настоящее время доступна масса вариантов программного и аппаратного обеспечения мультимедиа в музее: телевизоры, видеопроекторы, информационные киоски, интерактивные сенсорные панели и др. Они могут служить не только фоном экспозиции, но и готовить зрителя к восприятию информации, создавать элемент загадочности и игры, обеспечивая информационную функцию [5, с. 115–116].

В сфере культурно-образовательной деятельности мультимедийные технологии обладают практически безграничными возможностями, являясь для посетителя эффективным инструментом получения впечатлений и глубокого усвоения информации.

Прежде всего, необходимо знать, для какой аудитории создаётся компьютерный продукт, каковы её интересы и запросы. В реальной экспозиции могут быть использованы два типа интерактивных компьютерных разработок:

- «информационные», позволяющие передать различный объём информации, адаптированной для самых разных категорий пользователей, разнообразные по концептуальной направленности – от простого рассказа о предметах из коллекций до их подробного описания;
- «коммуникативные», организованные как тесты, викторины, игры и т. д., позволяющие осуществлять проверку восприятия аудиторией замысла экспозиционеров.

Чаще всего интерактивные компьютерные системы в экспозиции музея носят комплексный характер [6, с. 62–63].

Рассмотрим использование средств мультимедийных технологий в деятельности Детского музея. Основными формами работы с посетителем в Детском музее являются: обзорные экскурсии с игровыми элементами для детей дошкольного и младшего школьного возраста, обзорные экскурсии для учащихся старших классов и студентов, музейно-педагогические занятия, познавательно-развлекательные мероприятия.

Так как основная аудитория Детского музея – это дети дошкольного, младшего и среднего школьного возраста, то при подборе материала, воспроизводимого с использованием мультимедиа технологий, сотрудники музея учитывают возраст, уровень развития и подготовки детей, их интересы и психологические особенности.

На многих познавательно-развлекательных мероприятиях («День рождения в музее», «Посвящение в первоклассники» и др.) и музейно-педагогических занятиях («Звонкая песнь металла», «В торговой лавке у Лисы», «Остановись, мгновенье» и др.) музейные сотрудники активно используют видеопроек-

тор, с помощью которого воспроизводят фильмы, заставки, слайд-шоу, презентации, содержание которых дополняет информационный материал. Как известно, большинство современных детей лучше воспринимает информацию визуально, чем на слух. Групповой просмотр видеоматериала повышает общую вовлечённость детей в тему занятия или мероприятия, поддерживает продуктивную коммуникацию.

Рисунок 1 – Фрагмент музейно-педагогического занятия «Остановись, мгновенье» с использованием видеопроектора

В качестве «портфеля экскурсовода» сотрудники используют планшет, в котором представлен дополнительный визуальный и аудиоматериал, используемый в тематических комплексах музея.

Рисунок 2 – Использование планшета во время экскурсии

Например, при проведении обзорной экскурсии по Детскому музею в тематическом комплексе «Часы и Время» на планшете демонстрируется фотография не существующего сегодня в нашем городе Николаевского собора с башенными часами XVIII века. В тематических комплексах «Звуковоспроиз-

водящие аппараты» и «Фотоаппараты» дети дошкольного и младшего школьного возраста получают возможность увидеть на планшете устройство граммофона или фотоаппарата, а ребята средних и старших классов с интересом изучают принципы работы этих приборов. Изображение на экране планшета даёт более яркое, полное представление о конкретном предмете, чем словесное описание, позволяет глубже раскрыть тему экскурсии, расширить зрительный ряд.

Сотрудники Детского музея в качестве мультимедийного средства на музейно-педагогических занятиях для детей младшего школьного возраста используют телевизоры для воспроизведения видеоматериалов, которые в доступной форме раскрывают сложные понятия, например, «Что такое фонограф?», «Как работает „Камера-обскура“», «Как проявляли фотоплёнку» и др.

Рисунок 3 – Использование телевизора на музейно-педагогическом занятии

Тематический комплекс «Путешествия и Приключения» знакомит посетителей с эпохой Великих географических открытий, путешественниками-первооткрывателями стран и материков.

Рисунок 4 – Видеофрагмент «Открытие Антарктиды»

При проведении экскурсии в этом комплексе для детей дошкольного и младшего школьного возраста в качестве мультимедийного средства тоже используется телевизор. Детям демонстрируется видеоматериал об открытии самого холодного и наименее изученного материка — Антарктиды (видеосюжет «Открытие Антарктиды»), демонстрируется иллюстративный материал о современных исследованиях в Антарктиде, проводимых учёными разных стран, в том числе и из Беларуси.

Как показала практика нашей работы, использование сотрудниками музея аудиовизуального материала способствует расширению представлений детей дошкольного и младшего школьного возраста об Антарктиде как о самом малоизученном материке, стимулирует интерес к дальнейшему изучению темы, способствует формированию произвольного внимания.

Современные музеи довольно сложно представить без средств информационных технологий. Одним из таких устройств в Детском музее является интерактивный сенсорный стол.

Интерактивный стол (сенсорный стол, мультитач стол) представляет собой интерактивную поверхность, управляемую касанием руки. Интерактивный стол для детей может быть применён в качестве игрового поля, может трансформироваться в интерактивный экран для просмотра видео [3]. Конструктивные особенности стола позволяют использовать его не только для работы с одиночным посетителем, но и для работы с группами — будь то экскурсии, музейные занятия или мероприятия, проводимые в Детском музее.

Рисунок 5 — Параллельная демонстрация информации на двух устройствах

Интерактивный стол в пространстве Детского музея является неотъемлемой частью тематического комплекса «Путешествия и Приключения». Темы «Великие географические открытия» и «Антарктида» являются достаточно сложными для восприятия, поэтому комплекс был дополнен игровым блоком, разработанным сотрудниками Детского музея и научно-информационного отдела НПИКМЗ [2].

Рисунок 6 — Работа на интерактивном столе

На данный момент игровой блок состоит из шести игр разной тематики, объединённых одной интерактивной оболочкой с развлекательными / игровыми элементами интерфейса. Возможности оболочки интерактивного стола позволяют добавлять новые игры, удалять неактуальные, настраивать игровые интерактивные элементы.

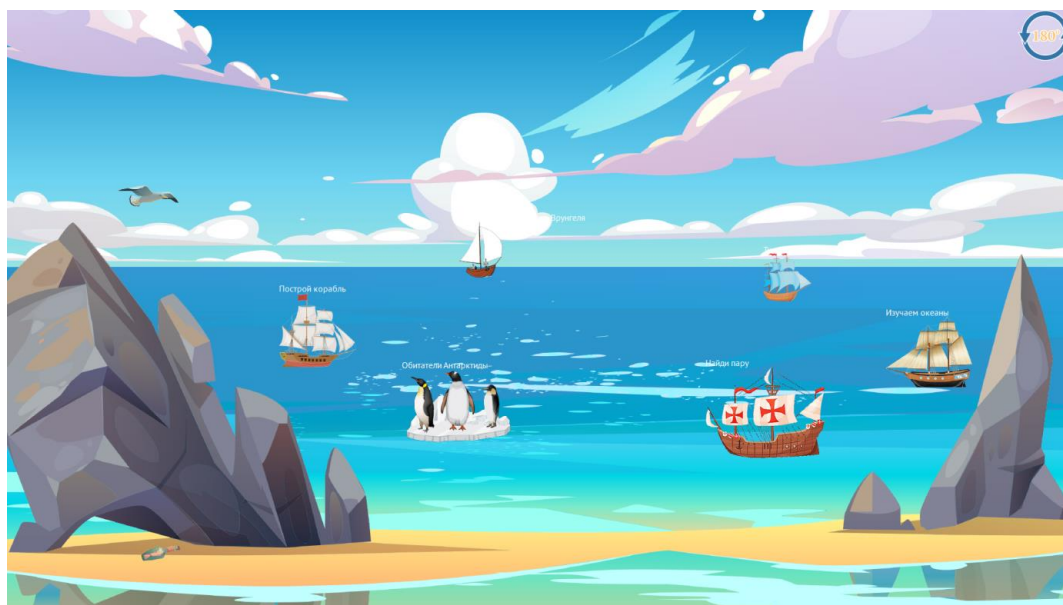

Рисунок 7 — Интерактивная оболочка

Рассмотрим используемые игры.

ИГРА «ОБИТАТЕЛИ АНТАРКТИДЫ»

Цель игры: закрепить и расширить знания посетителей о животном мире Антарктиды (внешний вид, краткая характеристика данного вида).

Ход игры: отгадывая загадку, нужно перевернуть карточку с отгадкой, на обратной стороне которой находится изображение угаданного животного с описанием его внешнего вида и аудиозаписью звука, издаваемого этим животным.

Игра рассчитана на разновозрастную аудиторию и используется как при проведении экскурсий, так и в работе с индивидуальным посетителем.

Исходя из наблюдений сотрудников, данная игра вызывает большой интерес у посетителей, так как она динамична, имеет яркое оформление и лёгкое управление.

Рисунок 8 – Игра «Обитатели Антарктиды»

ИГРА «ТИПЫ КОРАБЛЕЙ»

Цель игры: расширить знания посетителя о типах кораблей эпохи Великих географических открытий.

Ход игры: участникам необходимо определить тип корабля, соотнеся изображение с описанием.

Игра содержит задания повышенного уровня сложности, разработана для детей среднего и старшего школьного возраста.

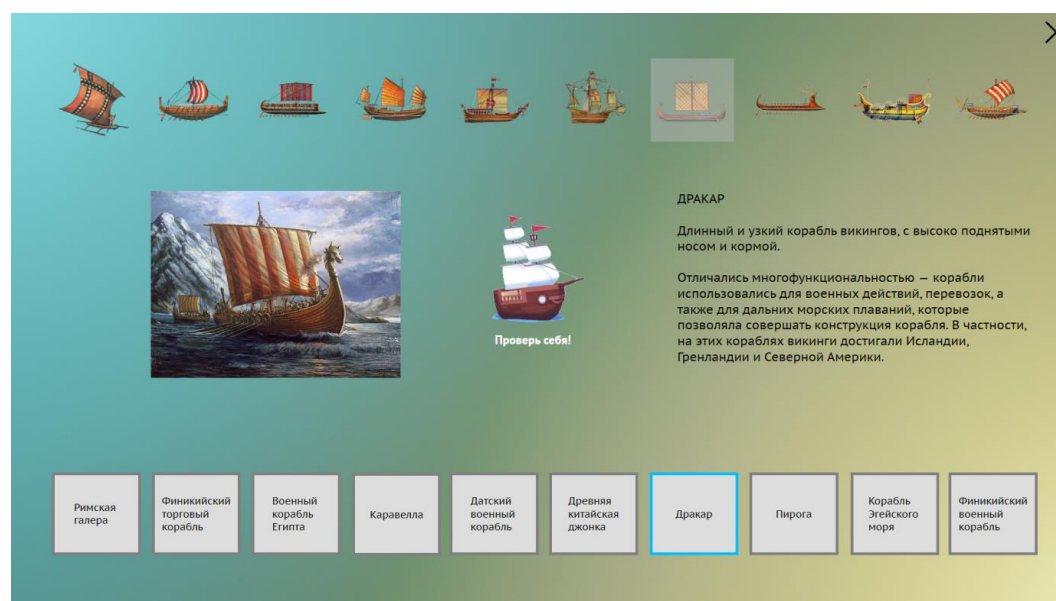

Рисунок 9 – Игра «Типы кораблей»

ИГРА «ПОСТРОЙ КОРАБЛЬ»

Цель игры: познакомить посетителей музея с основными деталями корабля.

Ход игры: участникам необходимо построить корабль из предложенных деталей, соотнеся их название с изображением.

Игра рассчитана на разновозрастную аудиторию, используется как при проведении экскурсий, так и в работе с индивидуальным посетителем. Она даёт возможность более детально изучить строение корабля и расширить знания по данной теме.

Рисунок 10 – Игра «Построй корабль»

ИГРА «ИЗУЧАЕМ ОКЕАНЫ»

Цель игры: расширить знания посетителя об истории возникновения океанов, об особенностях и отличительных чертах разных океанов.

Ход игры: участникам необходимо ответить на вопросы, объединённые одной общей темой – история океанов.

Рисунок 11 – Игра «Изучаем океаны»

Игра разработана для детей среднего и старшего школьного возраста.

Игра «Изучаем океаны» очень информативна, имеет яркое оформление, сопровождается озвучиванием текстовой информации, что помогает погрузить посетителя музея в увлекательный мир океанов, побуждая их задавать вопросы и исследовать различные аспекты морской жизни.

ИГРА «НАЙДИ ПАРУ»

Цель игры: уточнить понятия «прошлое» и «настоящее», обращаясь к визуальному ряду предметов, необходимых путешественникам.

Ход игры: участникам нужно найти пару предмету из прошлого из предметов настоящего.

Игра разработана для детей дошкольного и младшего школьного возраста и используется как при проведении экскурсий, так и в работе с индивидуальным посетителем.

Рисунок 12 – Игра «Найди пару»

ИГРА «ПУТЕШЕСТВИЕ КАПИТАНА ВРУНГЕЛЯ»

Цель игры: на примере повести Андрея Некрасова «Приключения капитана Врунгеля» прививать интерес к чтению и книге в целом.

Ход игры: Чтобы открыть картинку с сюрпризом, участникам нужно следовать за красным кубиком и отвечать на вопросы.

Игра предназначена для детей старшего дошкольного, младшего и среднего школьного возраста, используется в работе с индивидуальным посетителем.

Использование видеосюжетов в игре облегчает восприятие информации и вызывает интерес к печатному изданию повести и одноимённому мультфильму.

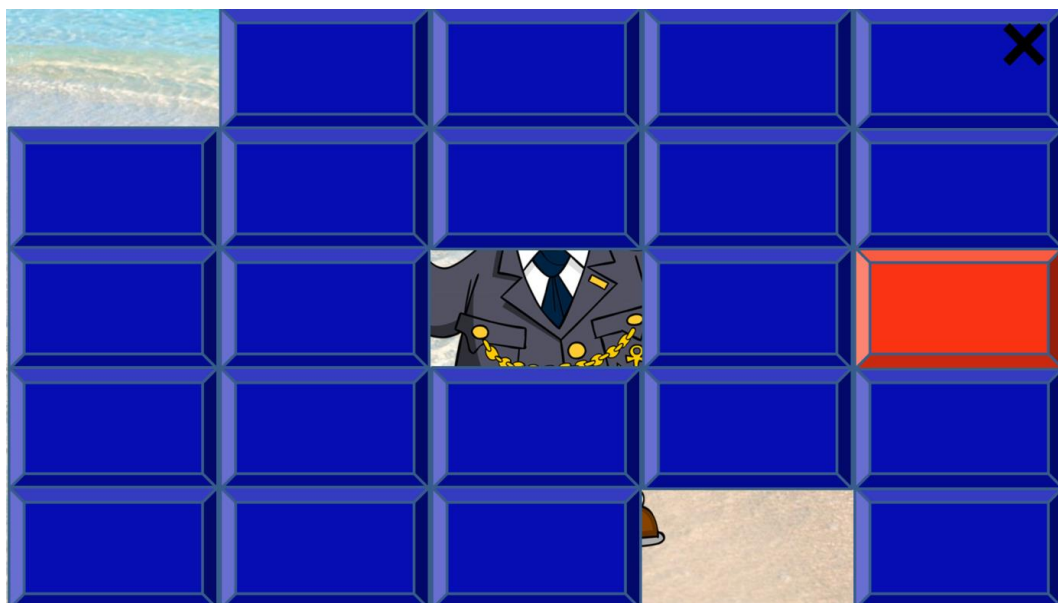

Рисунок 13 – Игра «Путешествие капитана Врунгеля»

Таким образом, применение средств информационных технологий в тематическом комплексе «Путешествия и Приключения» позволяет разнообразить формы и методы работы с аудиторией, увлекательно, в игровой форме знакомит посетителей с экспозицией, активизирует познавательную деятельность детей и подростков.

Собранные и обработанные статистические данные позволили выявить, какая из игр наиболее востребована у посетителей музея в период с 23.10.2023 по 31.12.2023.

Рисунок 14 – Данные статистики игр по количеству запусков

В данный период наиболее востребованной у посетителей музея была игра «Обитатели Антарктиды», она запускалась 155 раз. Она динамична, имеет лёгкое управление, доступна и понятна посетителям разного возраста.

Благодаря техническим возможностям интерактивной оболочки и данным статистики, сотрудники музея определили среднее время, проводимое у интерактивного стола посетителем за 4-й квартал 2023 г.

Таблица 1 – Данные статистики о времени, проведённом у стола одним посетителем

Среднее время, проведённое у стола: 00:08:15				
Количество сессий с длительностью в интервале:	0:00:00 <	30	<= 0:01:30	15,38 %
	0:01:30 <	66	<= 0:05:00	33,85 %
	0:05:00 <	52	<= 0:10:00	26,67 %
	0:10:00 <	21	<= 0:15:00	10,77 %
	0:15:00 <	14	<= 0:20:00	7,18 %
	0:20:00 <	12		6,15 %
		195		

Таблица 2 – Данные статистики о времени, проведённом у стола за играми одним посетителем

Среднее время, проведённое за играми: 00:07:30				
Количество игровых сессий с длительностью в интервале:	0:00:00 <	15	<= 0:01:00	8,38 %
	0:01:00 <	44	<= 0:03:00	24,58 %
	0:03:00 <	41	<= 0:06:00	22,91 %
	0:06:00 <	39	<= 0:10:00	21,79 %
	0:10:00 <	20	<= 0:15:00	11,17 %
	0:15:00 <	8	<= 0:20:00	4,47 %
	0:20:00 <	12		6,70 %
		179		

В среднем один посетитель проводит у интерактивного стола чуть более восьми минут, из них семь с половиной минут он проводит непосредственно за играми.

Согласно данным статистики можно сделать вывод: несмотря на то, что интерфейс интерактивного стола наполнен не только играми, но и интерактивными элементами (бутылка с Джинном, чайка, пиратский корабль), большую часть времени посетитель проводит, играя в игры.

Рисунок 15 – Данные статистики по работе с интерфейсом программной оболочки интерактивного стола за период с 04.04.2023 по 31.12.2023

Примером комплексного использования всех вышеперечисленных мультимедийных средств: видео-проектора, интерактивного стола, планшета, телевизора в пространстве Детского музея стало интерактивное познавательное занятие «Путешествие в страну Мультяндию. Мультфильмы всех времён».

Информационные технологии прочно вошли в жизнь Детского музея. Использование новинок техники и современного информационного обеспечения позволяет создать определённый имидж музея как учреждения, идущего в ногу со временем, органично дополняет экспозиционное пространство музея, позволяет разнообразить формы и методы взаимодействия с музейным посетителем.

В настоящее время сотрудники музея разрабатывают игровые интерактивные элементы для мультисенсорной доски.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баранова, Н. А. Мультимедиа как предмет дидактического исследования [Электронный ресурс] / Н. А. Баранова. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/multimedia-kak-predmet-didakticheskogo-issledovaniya/viewer>. — Дата доступа: 20.12.2023.
2. В кругосветное путешествие с Детским музеем [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://children.polotsk.museum.by/node/72401>. — Дата доступа: 03.12.2024.
3. Детский интерактивный столик Kiddy 32 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://videostena.by/katalog/interaktivnoe-oborudovanie/stol-interaktivnii/interaktivnii_stol_kiddy_32. — Дата доступа: 03.12.2024.
4. Клементьева, Н. В. Информационные технологии в современном музейном пространстве [Электронный ресурс] / Н. В. Клементьева. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-tehnologii-v-sovremennom-muzeynom-prostranstve/viewer>. — Дата доступа: 27.11.2023.
5. Плытнік, Е. Г. Информационные технологии в музее / Е. Г. Плытнік // VIII Машеровские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. — Витебск, 2014. — С. 115–116.
6. Пустовойт, Ю. В. Классифицирование мультимедийных технологий в экспозиционно-выставочном пространстве современного музея / Ю. В. Пустовойт // Культурное наследие России. — 2019. — № 1. — С. 62–68.

Говенько Екатерина Валентиновна,
старший научный сотрудник Детского музея — филиала НПИКМЗ

УДК 614.2(091)(476.5-21)"1930"

Е. П. Гриб

О РАЗВИТИИ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПОЛОЦКЕ В 1930-е гг.

Освещён новый этап в развитии советской системы здравоохранения в г. Полоцке, который охватывает 30-е гг. XX в. Автор уделяет внимание лечебно-профилактическим учреждениям г. Полоцка, работе санитарно-эпидемиологической службы и санитарно-эпидемиологическому состоянию города, а также затрагивает вопрос о медицинских кадрах в учреждениях здравоохранения.

Ключевые слова: Полоцкий окружной отдел здравоохранения, Полоцкая больница им. В. И. Ленина, санитарно-эпидемиологическая служба, медицинский персонал.

Становление советской системы здравоохранения в г. Полоцке происходило в 1918–1924 гг. в условиях изменения государственного устройства, административно-территориальных изменений, военных действий и послевоенного восстановления. Во 2-й половине 1920-х гг. в системе здравоохранения г. Полоцка кроме дальнейшего развития учреждений, оказывающих первичную медико-санитарную помощь населению, были заложены основы для развития специализированной медицинской помощи — открыты кожно-венерологический и туберкулёзный диспансеры. Новый этап развития советской системы здравоохранения в БССР, в том числе и в г. Полоцке, приходится на 30-е гг. XX в., что было связано как с территориально-административными реформами, так и с изменениями в правовом поле.

В первой половине 1930-х гг. разрабатывается ряд директивных документов, в которых были обозначены основные принципы и направления развития здравоохранения в БССР. К ним можно отнести следующие постановления: СНК БССР «О медицинской помощи» от 10 марта 1930 г., «О медико-санитарном обслуживании рабочих промышленных центров» от 31 июля 1931 г., «О состоянии здравоохранения и подготовке медицинских кадров» от 10 января 1932 г.; постановление ЦК КП(б)Б «О работе органов Наркомздрава» 1934 г.; постановление XI Всебелорусского съезда Советов «О состоянии и задачах здравоохранения» от 22 января 1935 г. В это же время произошли структурные изменения органов управления. Так, в 1930 г. окружные инспектуры были преобразованы в районные и городские здравотделы при исполнительных комитетах. В 1938 г., в связи с введением областного административно-территориального деления, были созданы облздравотделы, которым подчинялись отделы здравоохранения на местах. В управлении системой здравоохранения утверждается практика жёсткого администрирования с частым назначением и сменой руководителей здравоохранения по партийному, а не профессиональному принципу [12].

В Полоцке вопросами развития и функционирования учреждений системы здравоохранения в первой половине 1930-х гг. занимались отделы здравоохранения при районном исполкоме и Горсовете. В 1935 г., в связи с образованием Полоцкого округа, данные отделы были подчинены созданному Полоцкому окружному отделу здравоохранения. Однако через три года, с образованием Витебской области, районный и городской отделы здравоохранения вошли в подчинение областному здравотделу.

В 1930-е гг. в системе здравоохранения БССР особое внимание уделялось работе лечебно-профилактических учреждений, которые оказывали стационарную и амбулаторно-поликлиническую помощь. Развитие последней в рассматриваемый период проходило за счёт открытия амбулаторных учреждений (к 1940 г. число городских амбулаторий увеличилось более чем в 3 раза по сравнению с серединой 1930-х гг.), утверждения участкового принципа медицинского обслуживания населения (население города приписывалось к определённому медицинскому участку или медицинскому пункту на основе места проживания или места работы), расширения оказания медицинской помощи на дому, введения специализированных приёмов, прикрепления амбулаторий к больницам, организации санитарной авиации. В это время отмечается также увеличение числа станций скорой помощи. В 1940 г. в восточных областях БССР работало 89 таких станций, на балансе которых числилось 133 автомобиля [12].

В Полоцке служба скорой медицинской помощи появилась ещё в начале 20-х гг. К 1926 г. в городской больнице были учреждены круглосуточные дежурства врачей, введена ставка медсестры для экстренных вызовов, работал пункт скорой помощи при городской амбулатории. В 1930-е гг. в развитии скорой медицинской помощи на территории БССР можно отметить следующие основные тенденции: происходила реорганизация отдельных пунктов при больницах и амбулаториях в полноценные станции скорой помощи, решался вопрос об обеспечении служб скорой помощи автотранспортом. Создание отдельной станции скорой помощи в Полоцке было запланировано на 1930–1931 гг. Однако по состоянию на 1936 г. данная задача оставалась нереализованной. Полноценная станция скорой помощи в Полоцке появилась только в конце 30-х гг. Так, по состоянию на 1939 г. в её штате числилось 5 врачей и 5 медсестер. Автопарк был представлен 3 транспортными средствами, которые за указанный год совершили 4205 выездов [9, с. 147–149].

В период с 1935 по 1938 г. амбулаторное врачебное обслуживание населения г. Полоцка и района осуществлялось в следующих медицинских учреждениях: городской амбулатории (в 1935 г. в штате числились 11 врачей, 6 зубных врачей, 1 фельдшер, 1 акушерка, 5 медсестёр, 5 человек младшего медицинского персонала), «крестьянской» амбулатории (обслуживала сельское население Полоцкого района), трёх специализированных диспансерах и смешанной консультации (учреждение включало в себя детскую и женскую консультации) (таблица 1). Согласно отчёту о деятельности за 1936 г. в указанных учреждениях было зафиксировано 178 027 обращений полочан [2, л. 4, 27, 30, 228; 5, л. 39–41]. Все перечисленные выше учреждения были образованы во второй половине 1920-х гг. Так, в 1936 г. отметил свой 10-летний юбилей туберкулёзный диспансер г. Полоцка. Отдельно Оргкомитетом ЦИК БССР Полоцкого округа был отмечен вклад заведующего тубдиспансером Г. И. Зеликина и вынесена благодарность «за образцовую постановку работы», а также выражена уверенность, что «<...> туберкулёзный диспансер и в дальнейшем будет примерным учреждением по оздоровлению широких масс населения» [4, л. 22–23].

Таблица 1 – Учреждения здравоохранения в г. Полоцке в 1936 г.

Название учреждения	Местонахождение учреждения	Руководитель
Больница им. В. И. Ленина	Верхний замок	Магаршак Вениамин Соломонович
Городская амбулатория	ул. Сакко и Ванцетти	Ильева Т.
Крестьянская амбулатория	ул. Сакко и Ванцетти	Ильева Т.
Ночной санаторий	ул. Скориновская	врач Бернатович
Туберкулёзный диспансер	ул. Скориновская	Зеликин Григорий Львович
Венерологический диспансер	ул. Ленина, 39	Марголин Ефрем Рувимович
Детский диспансер	ул. К. Маркса, 39	Бляхман Бронислава Львовна
Консультация	ул. Войкова, 9	Крупина Анастасия Павловна
Фавозная лечебница	Верхний замок	Марголин Ефрем Рувимович
Санитарная станция	ул. Советская, 16	Демьёночек Иван Васильевич
Здравпункт при кирпичном заводе	ул. Лагерная	лекпом Сапега

Развитие стационарной помощи в БССР в 1930-е гг. происходило за счёт открытия больниц, причём не столько путём строительства новых зданий, сколько размещения их в приспособленных помещениях. В имевшихся больницах часто не соблюдались санитарно-эпидемиологические требования (в том числе по водообеспечению, удалению нечистот, размещению отделений и больных), ощущался недостаток медикаментов, инструментария, мягкого инвентаря, продуктов питания (даже хлеба), существовали проблемы госпитализации, качественного лечения, ведения медицинской документации, взаимодействия с амбулаторными учреждениями [12].

Перечисленные выше проблемы были характерны и для центрального медицинского учреждения г. Полоцка – окружной больницы им. В. И. Ленина. Так, в акте обследования больницы за 1937 г. отмечалось, что в хирургическом отделении «совершенно неудовлетворительно проводится описание состояния больного при поступлении и ведётся дневник истории болезни», «назначения врача записываются в отдельную тетрадь или на температурный листок и не повторяются ежедневно», что приводило к случаям

невыполнения врачебных предписаний со стороны среднего медицинского персонала. При оценке организации питания больных представители комиссии отметили хорошее качество приготовления пищи, но в то же время указали на следующие недостатки: отсутствие меню в отделениях, однообразие в меню и неучастие врачей при его составлении. В ходе работы комиссия выявила значительный недостаток белья во всех отделениях больницы, в акте было отмечено, что «<...> ухаживающие за детьми матери не имеют халатов и косынок», «<...> младший медперсонал ходит в грязных и рваных халатах». Внимание было обращено и на ситуацию с поступлением и приёмом больных в стационар, производившимися «через коридор цокольного этажа, который сообщается ходом со скарлатинозным отделением», что повышало риск распространения внутрибольничных инфекционных заболеваний [6, л. 5–6].

Полоцкая окружная больница размещалась на Верхнем Замке в трёх корпусах. В главном корпусе (так называемой Красной больнице) работали следующие отделения: на первом этаже — скарлатинозное на 30 коек, физиотерапевтический кабинет и рентген-кабинет с амбулаторным приёмом; на втором этаже — хирургическое на 50 коек, гинекологическое на 15 коек и ушное на 7 коек; на третьем этаже — терапевтическое отделение на 52 койки, глазное на 14 коек и детское на 15 коек. В новом инфекционном корпусе, который был построен в 1935–1936 гг., на первом этаже разместили 8 коек для больных брюшным тифом и 2 койки для сыпнотифозных, а второй этаж занимало родильное отделение на 30 коек. В третьем корпусе размещалось скарлатинозное отделение на 30 коек. В акте обследования больницы также упоминается строительство ещё одного здания, куда планировали перевести родильное отделение [6, л. 6–7]. Возглавлял Полоцкую больницу им. В. И. Ленина в 1930-е гг. Вениамин Соломонович Магаршак. Родился он в 1885 г. в Лепеле в семье бедного учителя. Там же окончил курс городского училища. В 1904 г. Вениамин Соломонович освоил специальность ученика аптекаря и два года работал в Лепельской аптеке. В 1910 г. он был зачислен на медицинский факультет Кёнигсбергского университета, однако завершить полный курс обучения не удалось — началась Первая мировая война. Своё образование В. С. Магаршак продолжил в Императорском Юрьевском университете (сегодня Тартуский университет, г. Тарту, Эстония), который закончил в июне 1915 г. По итогам государственного экзамена медицинская испытательная комиссия университета присудила ему степень лекаря. С 1924 г. Вениамин Соломонович работал в медицинских учреждениях г. Полоцка. Сначала он работал акушером-гинекологом в окружной больнице, а в ноябре того же года стал заведующим городской амбулаторией. 1 мая 1925 г. Вениамин Соломонович был назначен на должность главного врача окружной больницы. Эту должность он занимал до 23 июня 1941 г. При нём в больнице появилась лаборатория, стали функционировать рентген-кабинет и физиотерапевтическое отделение [8].

Кроме окружной больницы стационарную помощь населению города и района оказывал ночной туберкулёзный санаторий. В 1935 г. он был рассчитан на 22 койки, из них 5 коек — детские. За 1936 г. в санатории прошли лечение 180 человек, а количество коек было увеличено до 25 [2, л. 41; 5, л. 43].

В 30-е гг. XX в. появились новые медицинские учреждения. Так, в 1933 г. в городе открылась станция по переливанию крови. Первые процедуры переливания крови в нашем городе провёл в 1930 г. хирург Владимир Павлович Матешук, выпускник Московского университета, получивший немалый военнопольной опыт в годы Первой мировой и Гражданской войн. С 1926 по 1933 г. он заведовал хирургическим отделением Полоцкой народной больницы им. В. И. Ленина. Скорее всего, с его именем связана и инициатива открытия в Полоцке филиала Белорусского института гематологии и переливания крови (БИГПК). Его дело в 1930-е гг. продолжил выпускник медицинского факультета Воронежского университета, практикующий хирург городской больницы Михаил Владимирович Дунье. Он был назначен на должность заведующего хирургическим отделением, которое возглавлял с 1933 по 1941 г. Кроме административной работы и проведения операций, М. В. Дунье непосредственно занимался и гемотрансфузией. В одном из отчётов за 1938 г. заведующего Полоцким окружным здравоохранением, врача 2-го ранга Николая Павловича Книги отмечалось, что «Полоцкая станция переливания крови достигла значительных успехов. Наилучшие показатели имели отделения в окружном центре и городе Дрисса» [1].

В 1930-е гг. на территории БССР продолжала развиваться санитарно-эпидемиологическая служба. В первой половине 1930-х гг. в Минске, Витебске и Могилёве были открыты городские санитарные станции, а в других городах страны начали действовать межрайонные и районные санитарно-эпидемиологические станции (СЭС), число которых к 1938 г. составило 34 станции. Однако имелся и ряд проблем в работе СЭС: они размещались в непригодных помещениях, отсутствовали санитарно-бактериологические лаборатории (их не имела половина действующих станций), не хватало санитарных врачей, особенно в районах [12]. В 1933 г. начала свою деятельность межрайонная санитарная станция в Полоцке. Согласно «Положению о межрайонной санитарной станции» Наркомздрава БССР от 12.10.1933 г., санитарная станция являлась самостоятельным учреждением, подчинённым районному отделу здравоохранения соответствующего района и санитарно-эпидемиологическому сектору Наркомздрава. В 1935 г. Полоцкая СЭС была преобразована в окружную санитарную станцию.

Представление о санитарном состоянии г. Полоцка и Полоцкого округа даёт переписка Полоцкого окрздравотдела с Оргкомитетом ЦИК БССР Полоцкого округа в 1935 г. Так, последним было отмечено, что по данным за 11 месяцев 1935 г. Полоцкий округ «<...> в эпидемическом отношении является опасным». За указанный период были отмечены случаи («в небольших цифрах») сыпного тифа, брюшного тифа, паратифа, дизентерии и дифтерии. Этому в немалой степени способствовало плохое обеспечение населения г. Полоцка водой. Так, водопроводной водой было обеспечено лишь 25 % населения города, остальные же брали воду из рек, которые были загрязнены канализационными стоками, и колодцев. Особое внимание было уделено вспышке заболеваний скарлатиной. Так, на 1 декабря 1935 г. в стационарах города продолжали лечение 168 человек, и было зафиксировано 17 летальных исходов, что составило 7,5 % от числа больных. При этом был отмечен факт сохранения тенденции к росту заболеваний. Для решения этой ситуации Оргкомитет ЦИК предложил окрздравотделу создать штаб по борьбе со вспышкой скарлатины. В состав штаба должны были войти председатели райисполкома и Горсовета, представитель районного отдела здравоохранения, начальник милиции и прокурор. Кроме этого, Оргкомитет указал на необходимость решения вопроса по строительству нового здания для нужд инфекционного отделения окружной больницы, а также на создание изолятора и изоляционной квартиры в здании, где в то время размещался учебный пункт райвоенкомата [3, л. 2 – 6].

Исходя из санитарного состояния региона, определялись и главные задачи, которые ставились перед руководством отделов здравоохранения и работниками санитарных станций. Так, согласно плану Полоцкой окружной станции на 1937 г., к основным направлениям её деятельности можно отнести организационную работу, осуществление дезинфекционных и дезинсекционных мероприятий, иммунизацию населения, лабораторные исследования, работу в области коммунальной санитарии и санитарно-просветительскую работу. Организационная работа заключалась, в первую очередь, в обеспечении санитарных учреждений округа кадрами и необходимыми для их деятельности имуществом и средствами, а также в проведении санитарно-технической и политической учёбы среди персонала, учёта объектов, подлежащих санитарному надзору, работе по подготовке общественных санитарных инспекторов. Что касается вопроса иммунизации, то для наиболее полного охвата населения вакцинацией от оспы, предполагалось организовать в 1937 г. передвижной прививочный пункт при самой санитарной станции и 2 стационарных прививочных пункта при детском диспансере и детской консультации. Также в указанном году были намечены мероприятия по вакцинации взрослого и детского населения Полоцка от таких заболеваний, как брюшной тиф, дифтерия, скарлатина, дизентерия. Работавшая при санитарной станции санитарно-бактериологическая лаборатория за 1937 г. должна была провести 20 тыс. анализов, в том числе: исследования на бациллоносительство всех выздоравливающих больных брюшным тифом, дизентерией и дифтерией; обследования на дифтерийное бациллоносительство обслуживающего персонала детских учреждений; санитарно-гигиенические и бактериологические исследования воды из городского водопровода, колодцев и рек; лабораторные исследования продукции полоцких предприятий. В области коммунальной санитарии окружная санитарная станция вела работу по учёту колодцев, определяла на реках места для купания людей, животных,

полоскания белья и забора воды. Лекции по санитарному просвещению населения должны были организовываться по радио, в кинотеатрах, клубах на предприятиях (на 1937 г. по округу планировалось провести 100 лекций), активно сотрудничала в этом вопросе Полоцкая санитарная станция и с редакцией газеты «Большавік Полаччыны» [5, л. 122–127].

В целом санитарно-врачебное обслуживание населения г. Полоцка и Полоцкого округа во второй половине 1930-х гг. проводили следующие учреждения: окружная санитарная станция (в штат входили 2 врача и 10 лекомов) с санитарно-бактериологической лабораторией и пастеровской станцией (специальное медицинское учреждение для проведения мероприятий по прививанию против бешенства, а также ведению санитарно-просветительной работы по вопросам борьбы с бешенством), дезинфекционная станция, два дезинфекционных пункта и санпропускник (в них было организовано 11 дезинфекционных камер) [5, л. 44].

На протяжении 1930-х гг. в Полоцке, впрочем, как и по всей республике, отмечалась нехватка медицинских кадров, особенно остро это касалось врачебных специальностей. Так, в 1935 г. в медицинских учреждениях города и района из 67,5 штатных ставок врачей заняты были только 39,5, или 58,5 %. Лучше дело обстояло со средним и младшим медицинским персоналом, для которого процент заполнения штатных единиц составлял соответственно 82,8 % и 93,2 %, при этом стоит отметить нехватку акушерок – из 14 штатных единиц было занято 8 [2, л. 4 об.]. Согласно отчёту за 1936 г., в медицинских учреждениях г. Полоцка работали 27 врачей разных специальностей (см. таблицу 2), 5 зубных врачей, 126 человек среднего медицинского персонала [5, л. 45–46].

Таблица 2 – Число врачей по отдельным специальностям и среднего медицинского персонала по должностям. 1936 г.

Название врачебной специальности или должности среднего медицинского персонала	Количество специалистов
<i>Врачи</i>	
Терапевт	7
Хирург	3
Акушер-гинеколог	3
Педиатр	3
Глазной врач	2
По кожно-венерологическим заболеваниям	1
По туберкулёзу	1
Ухо, горло, нос	1
Рентгенолог	1
Бактериолог	2
Санитарный врач (школьный)	2
Судебно-медицинский эксперт	1
<i>Средний медицинский персонал</i>	
Фельдшер	5
Фельдшерица-акушерка	10
Акушерка	7
Помощник санитарного врача	10
Фармацевт	1
Дезинфектор	11
Медицинская сестра	60
Сестра ОЗДП	1
Сестра-воспитательница в яслях	9
Лаборант	10
Оспопрививочник	2

Таким образом, на протяжении 1930-х гг. система здравоохранения г. Полоцка продолжала своё развитие. В это время сформировалась цельная структура учреждений медицинского обслуживания населения, которая охватила различные направления: стационарную и амбулаторную врачебную помощь, стоматологические услуги (работали зубохирургические кабинеты и зубопротезная мастерская), санаторную деятельность (функционировали сезонная санаторная площадка на 50 мест и два пионер-

ских лагеря на 200 мест), службу охраны материнства и детства (в 1936 г. в городе работало 11 яслей на 335 коек, Дом ребёнка на 50 коек и молочная кухня) [2, л. 126; 5, л. 41–42]. Центральным учреждением не только города, но и региона оставалась Полоцкая больница им. В. И. Ленина. К концу предвоенного десятилетия она имела 10 отделений (терапевтическое, хирургическое, гинекологическое, родильное, глазное, ушное, детское, туберкулёзное, инфекционное и венерологическое), а также отдельные койки для больных трахомой и фавусом. В 1930-е гг. были построены родильный дом и инфекционный корпус. При больнице работал рентген-кабинет, где проводили рентгенологические обследования (в том числе флюорографию), а также применяли рентгеновское излучение для лечения отдельных заболеваний (в основном заболеваний кожи). Открылась лаборатория для клинических анализов [10]. Благодаря действиям органов здравоохранения и медицинских учреждений удалось справиться с эпидемиями холеры, тифа, дифтерии, дизентерии, уменьшилось число больных туберкулёзом и венерическими заболеваниями [7, с. 272]. К 1940 г. число коек в стационарах города выросло до 380, что почти в 5 раз больше, чем количество коек, которыми располагали стационары Полоцка в начале 1920-х гг. В медицинских учреждениях города медицинскую помощь населению оказывал 41 врач (с середины 1920-х гг. число врачей выросло более чем в 2 раза), а также 19 фельдшеров и акушеров, 88 медицинских сестёр [11, с. 362].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Воднева, И. П. Работа во имя спасения... / И. П. Воднева // Полацкі веснік. — 2023. — 23 лют. — С. 6.
2. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГАП). — Ф. 113. Оп. 1. Д. 164.
3. ЗГАП. — Ф. 113. Оп. 1. Д. 169.
4. ЗГАП. — Ф. 113. Оп. 1. Д. 172.
5. ЗГАП. — Ф. 113. Оп. 1. Д. 175.
6. ЗГАП. — Ф. 113. Оп. 1. Д. 188.
7. Дэйніс, І. П. Полацкая даўніна / І. П. Дэйніс ; уклад., прадм. і камент. М. Баўтовіч. — Мінск : Медисонт, 2007. — 330 с.
8. Ильницкий, А. Н. «Дай доверие больных ко мне и моему искусству...» (краткие заметки об истории медицины Полоцка) [Электронный ресурс] / А. Н. Ильницкий, К. И. Прощаев, О. В. Козел. — Режим доступа: http://samlib.ru/p/purtow_a_w/pav13.shtml. — Дата доступа: 27.01.2023.
9. Каплиев, А. А. Особенности формирования службы скорой медицинской помощи на Витебщине (1919–1939 годы) / А. А. Каплиев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. — 2017. — № 9. — С. 140–151.
10. Магаршак, В. Бальніца за 40 год / В. Магаршак // Сцяг камунізма. — 1959. — 27 кастр. — С. 3.
11. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. — Мінск : БелЭн, 2002. — 912 с.
12. Тищенко, Е. М. Основные тенденции в развитии здравоохранения БССР в предвоенное десятилетие [Электронный ресурс] / Е. М. Тищенко, С. А. Ситкевич. — Режим доступа: <http://e-lib.mslu.by/handle/edoc/3272>. — Дата доступа: 23.01.2024.

Гриб Евгений Петрович,
ведущий научный сотрудник Краеведческого музея — филиала НПИКМЗ

УДК 355.48[091][476.5-21Полоцк]"1941"

С. П. Копыл

6-й АРМЕЙСКИЙ КОРПУС ВЕРМАХТА В БОЯХ ЗА г. ПОЛОЦК ЛЕТОМ 1941 г.

Рассматриваются место и роль 6-го армейского корпуса Вермахта в штурме южного фаса Полоцкого укрепленного района в июле 1941 г. Обращается внимание на частичное выполнение им боевой задачи, что явилось следствием грамотных действий советского командования и героизма его личного состава.

Ключевые слова: Полоцк, армейский корпус, долговременные огневые точки, мосты через Западную Двину.

Летом 1941 г. в ходе Смоленского сражения у стен древнего Полоцка сошлись в смертельной схватке корпуса трёх армий: с одной стороны — советской 22-й армии, с другой — немецкой 9-й пехотной и 4-й танковой армий. Учитывая упорное и активное сопротивление Полоцкого боевого участка, германское командование к 13.07.1941 на сравнительно небольшой территории сформировало две группы войск: «Полоцк» и «Дисна».

В состав последней вошли соединения и части 6-го армейского корпуса. С воздуха его пехоту поддерживал 8-й воздушный корпус.

История 6-го армейского корпуса началась в мае 1935 г. в VI военном округе на западе Германии (г. Мюнстер), когда было сформировано Управление корпусом. В мае — июне 1940 г. под командованием генерала инженерных войск Отто Вильгельма Фёрстера (Förster, Otto-Wilhelm) корпус участвовал в захвате Бельгии и Франции. В разное время несения оккупационной службы на севере Франции в его состав входили различные пехотные дивизии. В марте 1941 г. корпус совершил марш по железной дороге в Восточную Пруссию, а оттуда — в Сувалковский выступ на границу с СССР. На момент вторжения в Советский Союз в его состав входили 6-я и 26-я пехотные дивизии. Командир 6-й Рейн-Вестфальской пехотной дивизии — генерал-лейтенант Хельге Аулеб (Auleb, Helge), командир 26-й Домской пехотной дивизии — генерал-лейтенант Вальтер Отто Вейс (Weiss, Walter-Otto).

Все три генерала начинали военную службу в кайзеровской армии в начале XX века — участники Первой мировой войны, награждены боевыми орденами, последовательно прошли командные и штабные должности. Как перспективные офицеры для вооружённых сил были оставлены в числе 100 тыс. военнослужащих рейхсвера. Карьеру сделали при нацистах. Их дивизии относились к так называемым дивизиям первой волны и были сформированы в VI военном округе.

6-я пехотная дивизия формально была создана в октябре 1934 г. в г. Билефельде, официально — 15.10.1935, когда рейхсвер юридически был переименован в вермахт. Она была одной из шести дивизий Сухопутной армии Германии, имевших персональных шефов — почётных командиров. В её 18-м пехотном полку таковым был генерал-фельдмаршал Карл Рудольф Герд фон Рундштедт (Rundstedt, Karl Rudolf Gerd, von), на 22 июня 1941 г. — командующий группой армий Юг.

26-я пехотная дивизия была сформирована в апреле 1936 г. в Кёльне. Своё название «Домская» она получила от городского кафедрального собора.

Обе дивизии в августе 1939 г. были отоброшены по штатам военного времени. Обе численностью 16 859 человек, каждая без учёта запасного пехотного батальона, который давал ещё около 700 человек [3, с. 604].

Для сравнения: советские стрелковые дивизии 22-й армии Уральского военного округа прибывали в Калининскую и Витебскую области, развёрнутые по штатам мирного времени, и имели в своём составе: 153-я стрелковая дивизия — 12 655 человек (на 29.06.1941) [6, с. 28], 170-я стрелковая дивизия — 11 134 человека (на 19.06.1941) [7, с. 5]. Можно предположить, что и остальные уральские дивизии были укомплектованы подобным образом.

В Восточной Пруссии день солдат до предела был заполнен тренировками. Рядовой Ф. Бельке вспоминал: «На холмистой, большей частью открытой местности, отрабатывается нападение. Ни-

чего не прощается нам; от каждого требуется до последнего: отработка упражнений под обстрелом врага, в коротких, быстрых прыжках, ползание по-пластунски, по-тюленьи, скольжение; препятствия, трамплины по-зимнему на сырой земле, частично с приспособлениями против газовой атаки» [4].

Для преодоления долговременных фортификационных сооружений создавались временные штурмовые отряды из солдат различных подразделений и частей. При этом творчески перерабатывался опыт Первой мировой войны по преодолению кризиса позиционной борьбы при прорыве укрепленных районов. Отряд, как правило, состоял из групп по уничтожению противопехотных заграждений и проделыванию проходов в минных полях, по уничтожению огневых точек, боевого прикрытия от контратак, постановки дымовых завес, всестороннего обеспечения и, при необходимости, резервной группы. Помимо стрелкового оружия, их личный состав имел по три ручных гранаты, сапёрные лопаты, ножницы для резки колючей проволоки, топоры с гвоздодёрами, мешки для песка, удлинённые подрывные заряды по счёту заграждений и штатное холодное оружие: окопные ножи, несколько подрывных зарядов (3 кг) с детонаторами и шестами, мешки с песком для блокирования амбразур, дымовые шашки и огнемёты. Кроме того, отряд поддерживали расчёты ручных пулемётов и 37-мм орудия из противотанковой роты. Штурмовым отрядом командовал командир взвода [1].

После выхода в мае 1941 г. дивизий на бывшую польско-советскую границу изменилась вся служба. Теперь, как правило, личный состав в дневное время осуществлял визуальную разведку за сопредельной стороной, а ночью патрулировал вместе с пограничниками. В первой декаде июня дивизии вышли в районы сосредоточения, а затем и развёртывания. 15.06.1941 в штаб 9-й армии поступило распоряжение Верховного командования Сухопутной армии № 2550/41. На нём стоял гриф «Секретно. Для командования». Текст гласил: «<...> назначаю:

- 1) 22.6 днём „Б“;
- 2) 18.6 последним днём принятия решения, после которого невозможна отмена вторжения;
- 3) 21.6 в 13.00 будет передан:
 - а) сигнал „Дортмунд“. Что означает, что наступление начнётся 22.6, как и было запланировано. Одновременно разрешается использовать открытые наименования или
 - б) сигнал „Альтона“. Что означает приостановку наступления. При этом будет принято решение о полной маскировке приготовлений;
- 4) Начало наступления Сухопутной армии и Военно-воздушных сил 22.6 в 3.30. Начало наступления Армии последует независимо от готовности BBC по погодным условиям» [9, Fr-7854894].

Хотя большинство военнослужащих германской армии и не подозревали о близкой войне, тем не менее слухи доходили и до солдат. Во второй половине дня 20 июня начальник штаба советской 11-й армии, развёрнутой в этом районе с другой стороны границы, генерал-майор И. Т. Шлемин докладывал в штаб округа: «<...> Задержанный в ночь на 20.06.1941 перебежчик из 13-й роты 58-го пехотного полка 6-й пехотной дивизии сообщил, что его рота расположена в Пшеросле (рота тяжелых 150-мм пушек). В конце мая 6-я пехотная дивизия была передислоцирована эшелонами из Парижа в район Сувалок <...> В Сувалках, по словам перебежчика, сосредоточено большое количество сил. Все войска начали выдвижение к границе. Пехотные части расположены в 5 километрах от границы, артиллерия готова к открытию огня, но никаких крупных танковых частей перебежчик не видел. Перебежчик сообщил, что немецкие войска не роют близ границы окопов, думая идти в наступление <...>» [2, с. 375].

Для усиления ударной мощи 9-й армии в её оперативное подчинение была передана 3-я танковая группа. Командующий армией принял решение создать глубокую эшелонированную войсковую группировку, на левом фланге которой отводится место 6-му армейскому корпусу. В 13.00 21.06 поступил сигнал «Дортмунд». Скорректировано было и время начала атаки. Оно переносилось на 03.05 [10, Fr-000477]. Время берлинское. Тот же Франц Бельке писал: «С наступлением темноты пробил наш час. В 22 часа рота становится в строй, готовая к военному походу. Наш командир роты зачитывает приказ фюрера: „В этот момент происходит военное выступление, которое по масштабам и объёму является самым грандиозным, которое до сих пор видел мир. Задача фронта теперь больше не

защита отдельных стран. А сохранение Европы и, вместе с тем, спасение всех <...> Поэтому я сегодня вновь решил отдать судьбу и будущее немецкого рейха и нашего народа в руки наших солдат. Да поможет нам Господь Бог как раз в этой борьбе!».

А дальше началось наступление германской армии. Путь 6-го армейского корпуса по территории современной Республики Беларусь можно проследить по местам расположения его командного пункта: 04.07 — Ошмяны (50 км южнее Вильнюса), 07.07 — Новый Мядель (5 км восточнее озера Нарочь), 10.07 — Плисса (20 км северо-восточнее Глубокого), 14.07 — Бобыничи (35 км юго-западнее Полоцка) и, наконец, 17.07 — Полоцк [9, Fr-7854269]. Отдельные стычки с отступающими частями Красной Армии общей победоносной картины не портили. Однако война с русскими отличалась от предыдущих кампаний. Там, на западе, сдавались в плен целыми полками, здесь же сражались до последнего. Уже в первый день четверо красноармейцев во главе со своим командиром из засады атаковали батальон 6-й пехотной дивизии. Ассистензарц Генрих Хаапе (врач этого батальона) писал: «*Нам еще предстояло узнать на собственной шкуре, что эти маленькие кучки русских окажутся одной из наших самых больших головных болей <...> Как правило, верховодили у них фанатичные комиссары, и мы никогда не знали, откуда и, главное, когда раздадутся их выстрелы*» [5, с. 18]. Отстать от колонны — означало погибнуть. Поэтому в клубах пыли дивизии упрямо шли в восточном направлении.

Рано утром 04.07.1941 командование 9-й армии издало Оперативный приказ № 6 на продолжение операции. В нём 6-му армейскому корпусу ставилась задача «<...> продвигаться по обе стороны озера Нарочь в направлении на Полоцк <...>» [10, Fr-000818]. Разведданные рисовали не совсем понятную картину ближайшего будущего: с одной стороны, на дисненском плацдарме и южнее Полоцка немецкие войска пытались наступать, с другой стороны, ощутимого успеха нигде добиться не удалось. Более того, части Красной Армии непрерывно контратаковали, вынуждая 19-ю танковую и 18-ю моторизованную дивизии переходить к обороне. Для их срочного усиления командование 9-й армии приказало корпусу выделить передовой отряд и на машинах направить его к южному фасу Полоцкого укрепленного района. В 22.00 06.07.1941 предварительное распоряжение об этом из оперативного отдела корпуса по телефону поступило в 26-ю пехотную дивизию. До 24.00 были отданы соответствующие приказы и указания по дивизии. В передовой отряд корпуса вошли: штаб 77-го пехотного полка, 1-й пехотный батальон в полном составе и 5-я рота 2-го батальона этого полка, 26-й дивизионный разведывательный батальон без усиленного самокатного эскадрона, две батареи 26-го противотанкового артиллерийского дивизиона, одна моторизованная сапёрная рота 26-го сапёрного батальона. В качестве группы непосредственной поддержки пехоты им придавалось 126-е артиллерийское командование (АРКО) с моторизованным 848-м тяжёлым артиллерийским дивизионом и 2-м дивизионом 57-го артиллерийского полка. Автомобильный транспорт выделялся от артиллерийского командования. Общее командование возлагалось на командира 77-го пехотного полка полковника Фрица Херцша (Hertzsch, Fritz) [11, Fr-000158]. С этого момента отряд стал именоваться «группой Херцша» с боевой задачей «отвлечь внимание противника» от 18-й моторизованной дивизии и позволить 19-й танковой дивизии осуществить намеченный удар на Полоцк. В 3.30 07.07.1941 группа начала движение. Насколько важное значение придавалось отряду, говорит тот факт, что ему освобождала дорогу 206-я пехотная дивизия 23-го армейского корпуса. К 24.00 группа начала прибывать в район обороны мотострелков, где оборону уже держал передовой отряд 23-го армейского корпуса, и утром меняет его на участке Дубровка — Лозовики — р. Нача до впадения в Западную Двину. Перемещение не остаётся незамеченным и 3-й дивизион советского 56-го корпусного артполка укрепрайона по заданию штаба артиллерии 174-й стрелковой дивизии выпускает 60 гранат по району Горчаки — Фариново [8, с. 8]. Впрочем, немцы отмечают его как несильный заградительный огонь, который не нанёс ущерба.

В этот день основные силы 6-й пехотной дивизии достигли н. п. Городище, 26-й пехотной дивизии — района Лучай. Их командные пункты разместились в Новосёлках и Кобыльниках соответственно.

В 14.30 08.07.1941 на КП корпуса прибыл командующий 9-й армией генерал-полковник Штраус (Strauß, Adolf). В своей оценке обстановки он указал, что на данный момент создаётся впечатление о готовности противника защищать Днепровско-Двинскую позицию. Уже поздно вечером на основании телефонного разговора между начальниками штабов 6-го армейского и 57-го моторизованного корпусов обстановка на участке Полоцк — Дисна более прояснилась: «Атака 57-го МАК с образовавшегося плацдарма восточнее Дисны, произведенная 19-й танковой дивизией на Полоцк, натолкнулась на линию ДОТов, расположенную западнее Боровухи, и остановилась» [10, Fr-000856]. На следующее утро начальник штаба 6-го АК принял участие в совещании в штабе армии по поводу планов на ближайшие несколько дней. Была подтверждена прежняя задача: продолжить намеченное наступление на Двину с упором на Полоцк. В распоряжение корпуса дополнительно передавались 131-е артиллерийское командование с частями усиления. К 22.00 и в штабе корпуса приходят к выводу, что план лёгкой прогулки по восточному берегу Двины, в районе юго-восточнее Полоцка, кажется неосуществимым, поскольку разведка 6-й пехотной дивизии обнаружила вражеские ДОТы в районе м. Гомель и на берегу озера по обе стороны от местечка. Поэтому потребует спланированная атака на оборонительные сооружения. После обращения в штаб армии вышестоящее командование обещает доставить вовремя запрошенные дивизией зенитные орудия. Готовая к бою группа Херцша по-прежнему не имеет соприкосновения с противником, испытывая только слабый артиллерийский огонь на правом фланге.

10.07.1941 генерал инженерных войск Фёрстер в беседе с командирами дивизий в общих чертах поставил им предварительные задачи. Согласно его указаниям, 6-я пехотная дивизия, не дожидаясь подхода 26-й дивизии, должна атаковать Полоцк и прорваться через линию озёр южнее м. Гомель в направлении Двины. Часть этого плана возможно было выполнить уже 13.07.1941. Начало атаки 26-й пехотной дивизии намечено на день позже, на 14 июля. Итогом этого совещания в 21.30 стал «Корпусной приказ № 26 о подходе к Двине и овладении укрепленным районом юго-западнее Полоцка».

В военных дневниках отмечалось, что по разбитым дорогам и в условиях усиливающейся жары дивизии достигли своих дневных целей. Но в результате экстремальной эксплуатации конного парка в 26-й дивизии было выведено из строя большое количество лошадей.

Армейский приказ (по оперативному отделу № 3390/41 секр. от 11.07.1941) окончательно всё расставил на свои места. Задачи корпуса были сформулированы следующим образом: 6-му армейскому корпусу в составе 6-й и 26-й дивизий 14.07 атаковать и прорвать укрепления противника западнее и южнее Полоцка, захватить город и расположенные там мосты через Двину, а также зачистить вражеский плацдарм на западном берегу Двины [10, Fr-001080]. В качестве средств артиллерийского усиления корпусу придавались: второй дивизион 105-мм пушек 57-го артиллерийского полка, 848-й отдельный дивизион и 2-й дивизион тяжёлых полевых гаубиц 44-го артполка, по одной моторизованной батарее 210-мм мортир из 608-го и 860-го артиллерийских дивизионов, два дивизиона (6-й и 22-й) артиллерийской инструментальной разведки (АИР), четыре взвода 6-й батареи привязных аэростатов. Появилась и артиллерийская новинка — 3-й дивизион химических (реактивных) миномётов. Руководить всем этим хозяйством поручалось 126-му и 131-му артиллерийским командованиям, штабам 677-го и 802-го полков, а также штабу 1-го полка химических миномётов [10, Fr-001033]. С учётом отвратительного состояния дорог и предстоящего форсирования достаточно большой водной преграды в оперативное подчинение корпуса переходил штаб особого назначения инженерных и строительных войск «Bolmann — Боллман». Ему подчинялись 743-й и 754-й сапёрные батальоны на конной тяге, части шести моторизованных мостостроительных колонн, дорожный и два строительных батальона (один — моторизованный, другой — на конной тяге) [10, Fr-001034].

В 11.00, по сообщению 57-го моторизованного армейского корпуса (МАК), противник начал покидать ранее удерживаемые позиции у Боровухи и, по-видимому, отходить к Полоцку. Трудно сказать, почему немецкие командиры сделали такое предположение. Возможно, какие-то перемещения подразделений 174-й зыгинской дивизии совпали с их предварительными расчётами. Но они повлияли и

на решение командира 26-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Вейса, который в 12.30 отдал приказ о выходе группы Херцша на рубеж реки Ушачи и немедленной подготовке подвижного резерва для захвата Полоцка. Однако атака танкистов в районе Боровухи 1-й наткнулась на организованный огонь русских. И стало ясно, что противник продолжает обороняться большими силами. В это время на правом фланге корпуса разведывательный батальон 6-й пехотной дивизии сумел просочиться через очаговую вражескую оборону в районе д. Тетчи и выявил пригодный путь к Двине. На основании результатов разведки дивизиона АИР на карты были нанесены позиции 9 вражеских батарей. В корпусе был сделан вывод, что Полоцк представляет собой укрепленный район с самыми тяжёлыми и многоэтажными ДОТами.

В первой половине дня 12.07 в корпус прилетел командующий 9-й армией. Корпус выразил своё мнение о трудностях взятия крепости Полоцк в лоб и высказал предложение об атаке на город с тыла, т. е. со стороны Боровухи 1-й. Одновременно корпус готов был сосредоточить основные усилия на ударе внутренними флангами дивизий в направлении Экимани. При этом планировалось на их флангах нанести вспомогательные удары. Захват Полоцка и его мостов возлагался на 26-ю пехотную дивизию. Её командному составу, до командира роты включительно, были выданы планы города (рис. 1).

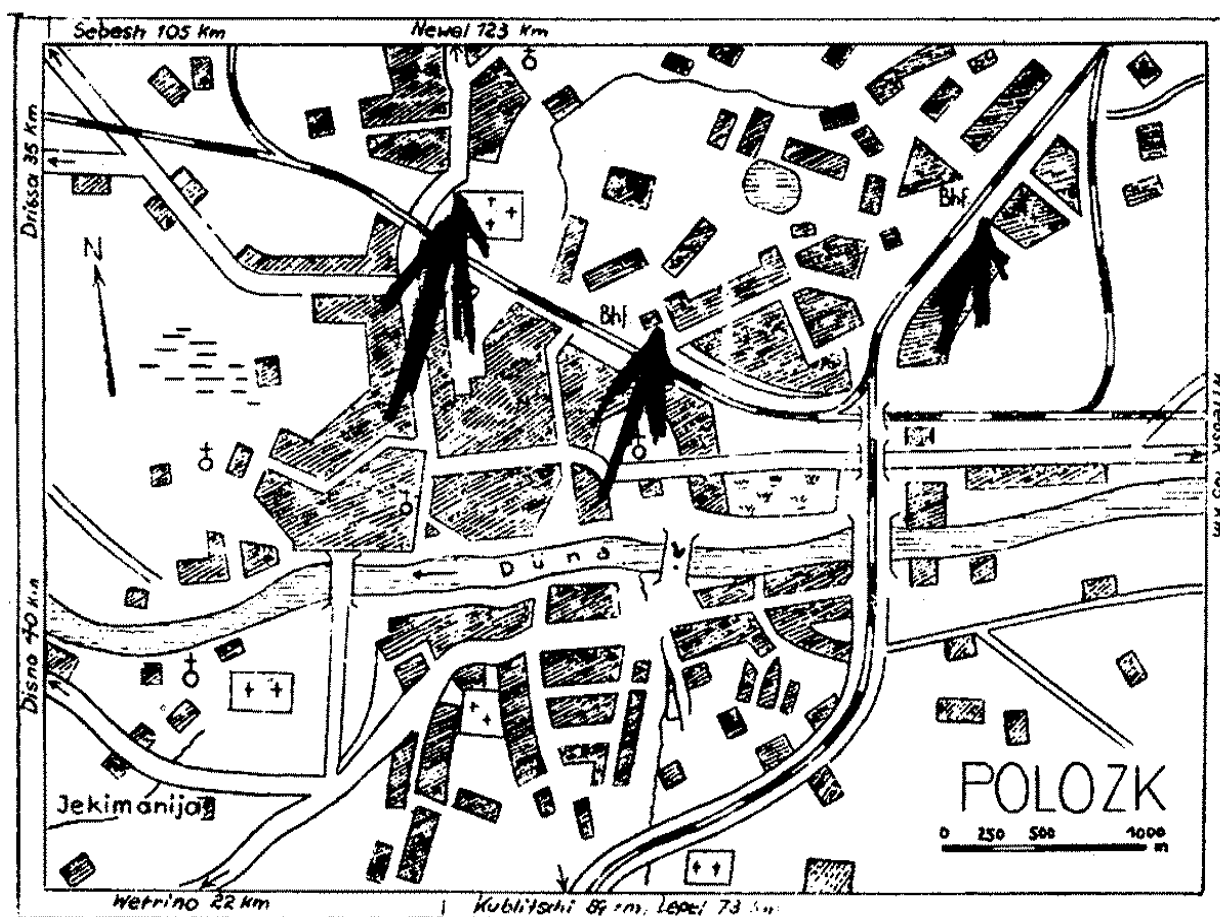

Рисунок 1 — План г. Полоцка [10, Fr-001090]

6-я дивизия после прорыва линии ДОТов поворачивала бы на юго-восток, в направлении Двины. В связи с отставанием дивизионных тылов командир корпуса попросил перенести наступление на 15.07. Также на совещании поднимались вопросы участия пикирующих бомбардировщиков и применения тяжёлых метательных устройств, обращалось внимание на недостаточное количество выстрелов тяжёлой артиллерии. Командующий обещал помочь и дополнительно выделил дивизион К-3 (9 орудий

калибра 240-мм с дальностью стрельбы 37 км). Было утверждено и время атаки: 6.00 15.07.1941. На основании этого решения в 20.15 дивизиям были отданы предварительные частные приказы на подготовку к предстоящему наступлению [10, Fr-000847-001037].

13 июля в дивизиях начинается непосредственная подготовка к штурму: разрабатываются и доводятся до командиров частей соответствующие приказы, артиллерия занимает назначенные ей позиции, на которые подвозится и складывается на грунт боезапас, пехота занимает свои районы развертывания. 131-е и 126-е артиллерийские командования (АРКО) отрабатывают планы артиллерийского наступления. В 26-й дивизии все артиллерийские части непосредственного подчинения 126-го АРКО были разделены на четыре группы:

- 1) Группа подполковника Бергера (штаб 1-го полка химических миномётов) для взаимодействия с усиленным 77-м пехотным полком. В неё вошли:
 - третий дивизион 26-го артиллерийского полка;
 - третий дивизион химических миномётов (без одной батареи);
 - две мортиры 808-го мортирного дивизиона.
- 2) Группа полковника Грассмана (штаб 26-го артиллерийского полка) для взаимодействия с усиленным 78-м пехотным полком:
 - первый и второй дивизионы 26-го артиллерийского полка;
 - первый дивизион 62-го артиллерийского полка;
 - одна мортира 808-го мортирного дивизиона.
- 3) Группа подполковника Вальтера (штаб 802-го артиллерийского полка особого назначения) оставалась в подчинении командира дивизии и состояла из:
 - второго дивизиона 57-го артиллерийского полка;
 - 848-го дивизиона тяжёлых полевых гаубиц;
 - 808-го мортирного дивизиона (без пяти мортир);
 - первого пушечного дивизиона «К-3» 84-го артиллерийского полка.
- 4) Артиллерийская группа контрбатарейной борьбы:
 - 6-й дивизион АИР;
 - 6-я батарея привязных аэростатов;
 - вторая батарея 103-го дегазационного дивизиона (тяжёлых метательных установок);
 - первая батарея 88-мм зенитных орудий 701-го зенитного артиллерийского дивизиона.

В отдельные две группы выделялась артиллерия непосредственной поддержки пехоты:

- 1) Усиленного 77-го пехотного полка:
 - две мортиры 808-го мортирного дивизиона;
 - два орудия первой батареи 701-го зенитного артиллерийского дивизиона;
- 2) Усиленного 78-го пехотного полка:
 - вторая батарея 103-го дегазационного дивизиона;
 - одна мортира 808-го мортирного дивизиона;
 - два орудия первой батареи 701-го зенитного артиллерийского дивизиона.

За два часа до атаки пехоты артиллерия должна стремиться подавить вражескую артиллерию, нанести удары по штабам и коммуникациям, вести прицельный огонь по ДОТам и беспокоящий огонь по тылам противника. За десять минут до атаки она наносит сосредоточенные удары по целям и обнаруженным полевым укреплениям. С началом атаки поддерживает пехоту в прохождении через лес

и ведёт борьбу с вражескими ДОТами и полевыми укреплениями, подавляет вновь выявленные батареи противника и продолжает вести огонь по ранее определённым вражеским батареям. Кроме того, продолжает обстреливать тылы противника беспокоящим огнем [10, Fr-001079-001081] (рис. 2).

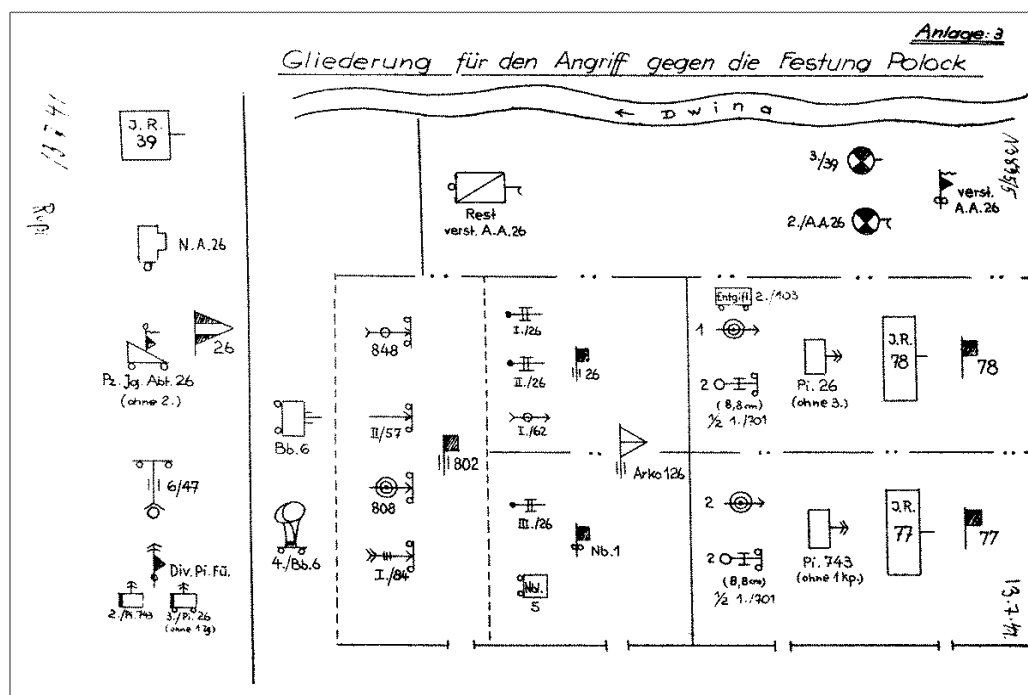

Рисунок 2 – Боевой порядок 26-й пехотной дивизии на 13.07.1941

Аналогичная работа проводилась и в 6-й пехотной дивизии.

Во всех командных инстанциях организовывалась проводная и радиосвязь, уточнялся порядок взаимодействия с 8-м воздушным корпусом и со 2-й эскадрилей 12-й группы тактической воздушной разведки, устанавливались световые сигналы, которые показывали следующие значения:

- белого огня — «Свои войска»;
- красного огня — «Атака противника»;
- зелёного огня — «Перенесите огонь вперед»;
- фиолетового огня — «Танковая атака противника».

26-я пехотная дивизия получила на станции Прозороки 26-й переправочный парк из 24-х плотов и поровну распределила их между полками первого эшелона (77-й и 78-й пп). 39-й пехотный полк выделялся в резерв командира дивизии. Его прибытие ожидалось только вечером [10, Fr-0001083-001086].

14.07.1941 командный пункт корпуса перебрался ближе к дивизиям и был развернут в д. Бобыничи. Несколько позднее туда прибыл командующий армией, который проинформировал, что если атака 23-го армейского корпуса с Дисненского плацдарма не получит своего развития, то он рассматривает возможность переноса атаки 6-го корпуса на 16.07. Однако всё в конечном итоге сложилось благополучно: 86-я пехотная дивизия (23-го АК) прорвала линию укреплений, состоящую примерно из 40 тяжёлых и самых тяжёлых ДОТов, и стала развивать наступление в восточном направлении. На 4.00 15.07 была запланирована её атака на Полоцк с севера.

В 20.00 на КП 6-го корпуса стали поступать донесения о готовности к предстоящему штурму южного фаса Полоцкого укрепленного района. Один из героев последующего дня, 18-й пехотный полк 6-й дивизии, вышел в район м. Гомель Полоцкого района. «Впереди и справа от нас, — вспоминал Г. Хаапе, — насколько хватает взгляда, раскинулось первое довольно большое озеро; узенькая полоска воды соединяет со вторым озером — тем, что поменьше и что находится слева от нас. За Гомелем и озерами просматриваются многочисленные противотанковые рвы, блиндажи и оборонительные заграждения из ко-

лучей проволоки сталинской линии обороны, которую нам и предстоит прорвать» [5, с. 100]. В 20.00 командир 3-го батальона этого полка провёл совещание с офицерами, в том числе и приданных подразделений, с уточнением плана предстоящей атаки. Особое внимание было обращено на ведение огня прямой наводкой противотанковых и лёгких пехотных орудий по амбразурам ДОТов. Под его прикрытием штурмовой отряд должен был переправиться на надувных лодках через узкую часть озера в обход основного направления атаки и ударить по русским оборонительным позициям с тыла.

Командир корпуса генерал инженерных войск Отто Вильгельм Фёрстер принял решение развернуть корпус в один эшелон: справа — 6-я пехотная дивизия (КП — Марианполь), слева — 26-я пехотная дивизия (КП — 500 м севернее Ветрино, передовая группа управления — ж. д. вокзал Фариново). Командиры обеих дивизий в свою очередь приняли решения развернуть боевые порядки в два эшелона, с выделением по одному полку во второй эшелон. На правом фланге корпуса оборону занял разведывательный батальон 6-й дивизии, а на левом — разведывательный батальон 26-й дивизии. Около 3.00 15.07.1941 полковые боевые группы вышли на рубежи атаки. К этому времени закончилось развёртывание и артиллерии армейского подчинения. В 5.00 началась артиллерийская подготовка. В 6.00 в атаку пошла пехота. Обе дивизии сначала быстро преодолели предполье укрепленного района, но затем натолкнулись на упорное сопротивление гарнизонов ДОТов. Сначала правой боевой группе 6-й дивизии (18-му пехотному полку) в районе оз. Гомель удалось захватить два ДОТа, в то время как вторая боевая группа (37-й пехотный полк) завязла в бою у Лесин. Такая же картина наблюдалась и в 26-й дивизии, которая к 8.00 двумя боевыми группами захватила отдельные ДОТы на линии Кутяны — Литвиново (Восточное). Час спустя дивизии продолжали вести упорные бои за фортификационные сооружения. «Становится очевидным, что, несмотря на всю разведку, укрепленный район был развит гораздо сильнее, чем можно было предположить. Обе дивизии докладывают, что перед ними самые современные и самой серьёзной постройки сооружения, которые для сравнения превосходят укрепления, обнаруженные в Гродно» [10, Fr-000840].

Примерно в это же время происходит атака 23-го АК в составе 86-й и 206-й пехотных дивизий с севера в направлении Полоцка. Русские ожесточенно отбиваются, временами переходя в контратаки, но часть их сил была уничтожена сосредоточенным огнём армейской артиллерии, и они вынуждены отступать к городу.

К 11.00 после того, как сопротивление противника на линии ДОТов было сломлено, наступление 6-й и 26-й дивизий стало хорошо развиваться. В то время, пока 18-й пехотный полк все ещё находился севернее м. Гомель и вёл бой за отдельные ДОТы и лес, в 13.00 37-й пехотный полк достиг южной окраины Полоцка. Воздушная разведка обнаружила колонны русских, уходящих на восток по мостам через Двину. Приказ командира дивизии взять городские мосты, особенно железнодорожный, не мог быть выполнен, так как в это время русские взорвали все три моста одновременно. Необходимо отметить, что и отступая, они продолжали эффективно отбиваться. На 15.00 обстановка сложилась следующим образом: оборона крепости прорвана, противник отступает или бежит и, прикрываясь арьергардами на правом берегу Двины, стремится уйти в направлении Дретуни. В итоговом донесении дня отмечалось, что корпус занял юго-западную часть города. При этом было захвачено 32 ДОТа современной конструкции (из них 17 — усиленного типа) и ещё 30 забетонированных огневых точек. В ходе штурма было уничтожено несколько танков, взято в плен около 750 человек. Немецкие потери оценивались в умеренных пределах, они составили около 30 убитых и 100 раненых [10, Fr-001130].

В целом задача корпусом была выполнена: укрепленный район прорван, и южная часть города захвачена. Но хотелось бы отметить некоторые нюансы:

- 1) Противнику не достались переправы через Западную Двину. Все три моста были выведены из строя.
- 2) Задвинье и Экимань полностью были захвачены только к вечеру, в то время как 23-й армейский корпус остановился на ближних подступах к городу. Поэтому у частей Красной Армии было несколько часов на организованный отход из города.
- 3) Немецкое командование не догадывалось о запланированном отходе войск Полоцкого боевого участка, назначенном на 15.07.1941.

Командир 174-й стрелковой дивизии комбриг А. И. Зыгин и комендант укрепрайона полковник Н. С. Дэви использовали все средства, которые оказались в их распоряжении. В частности, все неисправные бронемашины и танки из гарнизонной мастерской на окраине Экимани были отбуксированы и вкопаны вдоль дороги совхоз Банонь — м. Экимания, а местность окутана противопехотными заграждениями и заминирована. Поэтому вместо стремительного броска к мостам 26-я пехотная дивизия была вынуждена медленно «прогрызать» оборону защитников Полоцка. Ситуацию в некотором роде исправила инициатива командира 37-го пехотного полка 6-й дивизии. Он, видя, «что атака 26-й дивизии продвигается не так быстро, как хотелось, решает немедленно наступать на Полоцк, чтобы овладеть тамошними мостами через Двину и захватить плацдарм. Моторизованный отряд, состоящий из стрелков, расчётов станковых пулемётов, противотанковых пушек и лёгких пехотных орудий под личным руководством командира полка в 13.15 достигает Полоцка. Однако мосты, подготовленные к взрыву в соответствии с планом, были взорваны в последний момент. Осмотр Полоцка и казарм, расположенных в южной части города, подтверждает планомерную эвакуацию и слаженное отступление противника. Основные силы полка находятся в районе Бельчицы. Потери здесь также отрядно малы и составляют 9 убитых и 34 раненых» [10, Fr-000100].

Окончательные итоги боёв были подведены в течение последующих двух суток. Дивизии представили подробные отчёты (сохранились частично) о планировании, организации и штурме современного укрепленного района с конкретными предложениями по устранению выявленных при этом недочётов. За это время поступили и новые данные по пленным и трофеям. За период с 15 по 17 июля в плен было взято 2868 человек, захвачено 60 автомашин, 28 танков, 11 тяжёлых тягачей, 1 самолёт (все неисправные), 168 станковых и 63 ручных пулемётов, 1056 винтовок, 25 пехотных орудий и 6 противотанковых пушек, а также несколько складов [12, Fr-000009].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Стаценко, Алексей. Штурмовые группы Вермахта [Электронный ресурс] / Алексей Стаценко. — 2014. — Режим доступа: <https://warspot.ru/507-shturmovyye-gruppy-vermahta>. — Дата доступа: 25.02.2024.
2. Гланц, Д. Колосс поверженный. Красная Армия в 1941 году / Д. Гланц. — М. : Яуза, Эксмо, 2008. — 540 с.
3. Лопуховский, Л. Вяземская катастрофа 41-го года / Л. Лопуховский. — М. : Яуза, Эксмо, 2006. — 830 с.
4. Фриц Бельке. Дневник солдата [Электронный ресурс]. — 2012. — Режим доступа: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/1056314-fric-belke-dnevnik-soldata.html>. — Дата доступа: 25.02.2024.
5. Хаапе, Г. Оскал смерти. 1941 год на Восточном фронте / Г. Хаапе. — М. : Яуза-пресс, 2009. — 576 с.
6. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). — Ф. 951. Оп. 1. Д. 42.
7. ЦАМО РФ. — Ф. 951. Оп. 1. Д. 45.
8. ЦАМО РФ. — Ф. 10772. Оп. 1. Д. 7.
9. National Archives and Records Administration USA (NARA). — T-312. R-291.
10. NARA. — T-314. R-0275.
11. NARA. — T-314. R-0299.
12. NARA. — T-314. R-0276.

Копыл Сергей Петрович,
заведующий Музеем боевой славы — филиалом НПИКМЗ

УДК 902.2:739

И. В. Магалинский

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ ХОЗЯЙСТВЕННОГО И БЫТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ X–XVIII вв. С ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ БЕЛАРУСИ

Представлены результаты анализа данных о химическом составе изделий из цветных металлов хозяйственного и бытового назначения X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси. В результате установлено, что основным сырьем для изготовления данной категории артефактов являлись оловянно-свинцовые сплавы и нелегированные легкоплавкие металлы. Определено также, что для периода X–XIV вв., кроме легкоплавких металлов и их сплавов, особенное значение в производстве предметов хозяйственного и бытового назначения из цветных металлов имели оловянно-свинцовые и свинцовые бронзы, а также «чистая» медь. В XV–XVIII вв. возрастает доля высокоцинковых сплавов на медной основе и сокращается количество изделий, изготовленных из оловянно-свинцовых сплавов и нелегированных легкоплавких металлов.

Ключевые слова: ювелирное ремесло, изделия из цветных металлов, материальная культура, археология Полоцка.

Одной из важнейших задач, стоящих перед современными исследователями ювелирного ремесла X–XVIII вв., является установление соответствия между типологическими группами изделий из цветных металлов и типами сплавов, из которых они изготовлены. Решение данной задачи позволит выявить особенности цветной металлообработки, оценить общий технологический уровень местных ремесленников, проследить направления культурно-экономических связей между различными регионами в древности.

Для установления корреляции между типами сплавов и типологическими группами предметов из цветных металлов X–XVIII вв. нами в период с 2009 г. по настоящее время получены и проанализированы данные о химическом составе 1269 предметов, относящихся к различным категориям [1; 2; 3].

Отдельную группу изделий составляют предметы хозяйственно-бытового назначения, которые в нашей выборке являются одной из самых исследованных категорий (121 образец).

В рамках данной группы артефактов нами изучен химический состав следующих предметов: весы (3 экз.), декоративные гвозди (4 экз.), гири (7 экз.), грузики (32 экз.), припой замка (1 экз.), заклёпки (2 экз.), замки сумок (9 экз.), игельница (1 экз.), иголка (1 экз.), капоушка (1 экз.), ключ (1 экз.), фрагменты котелков (12 экз.), крючки рыболовные (2 экз.), ложка (2 экз.), миска (1 экз.), накладки (8 экз.), накладки на сумку (7 экз.), напёрсток (1 экз.), нож (1 экз.), оконная обкладка (1 экз.), обоймица (1 экз.), фрагмент кровельного покрытия (1 экз.), пластины (10 экз.), плomba (1 экз.), подсвечник (1 экз.), ручка сосуда (1 экз.), фитильные трубки (2 экз.). Несмотря на значительный ассортимент продукции, лишь отдельные категории артефактов составляют значимые серии.

Исследования проводились в лабораториях Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой по методу рентгенофлуоресцентного спектрального анализа (РФА) (80 образцов) и оптико-эмиссионного спектрального анализа (ОЭСА) (36 образцов), а также в Институте физики НАН Беларуси имени Б. И. Степанова по методу лазерного спектрального анализа (ЛСА) (15 образцов) [4].

Элементный анализ предметов хозяйственного и бытового назначения выявил в их составе следующие группы сплавов: латуни (18 предметов, 15,3 % выборки), бронзы (26 предметов, 22,2 % выборки), многокомпонентные сплавы (18 изделий, 15,4 % выборки), олово-свинцовые сплавы и нелегированные легкоплавкие металлы (41 предмет, 35 % выборки), «чистая» медь (13 предметов, 11,1 % выборки), сплавы драгоценных металлов (1 предмет, 0,8 % выборки) (*приложение*).

Медно-цинковые сплавы в выборке представлены двухкомпонентной (CuZn), свинцовой (CuZnPb) и оловянной (CuZnSn) латунью.

Двухкомпонентная латунь встречена в составе двух изделий, датированных XVII–XVIII вв. Для предметов характерно значительное содержание в сплаве Zn (14,88 % и 13,07 %), что в целом отличает ювелирное производство на территории Северной и Центральной Беларуси в данный период [1, с. 130].

Оловянная латунь представлена в исследованной выборке двумя образцами XI–XIV вв. (накладка) и XVII в. (рыболовный крючок). Особенно следует отметить высокое содержание цинка в составе металла накладки, которое достигает 23,91 %. При этом содержание олова не превышает 2,34 %. Значительная концентрация в составе данного предмета летучего цинка может свидетельствовать о непосредственном происхождении изделия из мест добычи медно-цинковых руд, которые в данный период известны в Центральной Европе [5, с. 99–111].

Рыболовный крючок, обнаруженный в ювелирном производственном комплексе XVII в., исследованном в Полоцке, содержит 3,62 % цинка и 1,63 % олова.

Свинцовая латунь является наиболее распространённым в выборке медно-цинковым сплавом (14 образцов).

Концентрация цинка в изделиях из данного сплава находится в диапазоне от 3,18 до 24,97 %. При этом содержание Zn в металле образцов существенное, а в составе 8 экземпляров превышает 10 %. Следует также отметить, что высоконцинковые свинцовые латуни особенно характерны для предметов XIV–XVIII вв. (7 экз.).

Содержание свинца в металле исследованных образцов находится в диапазоне 2,08–18,35 %, при этом только в 5 образцах концентрация этого металла превышает 10 %.

Бронзовые сплавы представлены в выборке оловянной (CuSn), оловянно-цинковой (CuSnZn), оловянно-свинцовой (CuSnPb) и свинцовой (CuPb) бронзой.

Оловянные бронзы встречены в составе 3 образцов XI–XIV вв. (2 экз.) и XVII–XVIII вв. (1 экз.). Содержание олова в предметах не превышает 2,25 %.

Оловянно-цинковая бронза представлена единственным образцом пластинки, датированной XVII–XVIII вв., которая содержит 8,97 % олова и 7,82 % цинка.

Свинцовая бронза являлась основным сырьём для изготовления 5 образцов. Все исследованные предметы следует связывать с фрагментами металлической посуды (котелков), которые датируются XII–XIII вв. (4 экз.) и XVII–XVIII вв. (1 экз.). Учитывая, что содержание свинца в сплавах не превышает 4,75 %, возможно предположить, что данные металлы следует считать «грязной» медью, свинец в которую не добавлялся мастерами специально, а мог попасть в состав сплава в ходе технологических производственных операций либо вместе с рудой [6, с. 145].

Наиболее многочисленным сплавом в выборке является *оловянно-свинцовая бронза* (17 экз.).

Содержание олова в 4 экз. зафиксировано в пределах 1–5 %, в составе 5 экз. выявлено Sn в диапазоне от 5 до 10 %, а в составе 8 экз. обнаружено свыше 10 % этого легирующего компонента.

Содержание свинца в сплавах также высокое. Так, в составе 8 образцов выявлено свыше 10 % Pb, а в ещё 6 предметах зафиксировано от 5 до 10 % этого металла.

Среди исследованных образцов преобладают изделия XV–XVI вв. (10 экз.) и X–XIV вв. (16 экз.), только один предмет датируется XVII в.

Сложные **многокомпонентные сплавы** относятся к категории наиболее распространённых металлов, использовавшихся для изготовления предметов хозяйственного и бытового назначения. В выборке данные металлы представлены многокомпонентными бронзами (CuSnZnPb) и многокомпонентными латунями (CuZnSnPb).

Многокомпонентная бронза (12 образцов) представлена преимущественно высокооловянными изделиями с содержанием Sn более 10 % (7 экз.). Концентрация цинка в большинстве исследованных предметов низкая и не превышает 1,75 % (7 экз.). Только в одном предмете содержание этого металла достигает 10,03 %.

Следует также отметить, что среди исследованных артефактов существенно преобладают изделия XV–XVIII вв. (9 образцов), в то время как предметы XI–XIII вв. представлены только 3 образцами.

Многокомпонентные латуни встречены в составе 8 исследованных предметов. Образцы отличаются средними концентрациями цинка, который в металле 5 изделий зафиксирован в диапазоне от 5 до 10 %. Только в составе 3 артефактов обнаружено свыше 10 % Zn. Следует также отметить, что содержание олова в предметах не превышает 4,32 %.

Основное количество исследованных артефактов относится к периоду X–XIII вв. (7 экз.), только один образец может быть датирован XVIII в.

Значительным количеством в выборке представлены изделия из *«чистой» меди* – 13 экз. Предметы отличаются высоким содержанием Cu, концентрация которой в металле 8 образцов превышает 99 %. Изделия преимущественно датируются X–XIII вв. (9 экз.), встречены, однако, и предметы XVII–XVIII вв. (4 экз.).

Особую и самую многочисленную группу артефактов представляют собой *оловянно-свинцовые сплавы* и *нелегированные легкоплавкие металлы* (43 экз.). Среди изделий данной категории преобладают образцы, изготовленные из свинца и сплавов на его основе («чистый» свинец – 21 экз., сплав свинца с медью – 3 экз., сплав свинца с медью и цинком – 3 экз., сплав свинца с оловом – 12 экз.). Встречены, однако, и образцы из олова и его сплавов («чистое» олово – 1 экз., сплав олова со свинцом – 3 экз.). Абсолютное большинство исследованных предметов датируются периодом XI–XIII вв. (42 экз.). При этом только один артефакт отнесен к XVIII в.

Среди *сплавов драгоценных металлов* в выборке встречено одно изделие (накладка XV–XVI вв.), изготовленное из сплава на основе меди с повышенным содержанием серебра (Ag = 2,91 %).

Таким образом, в ходе изучения химического состава изделий из цветных металлов хозяйственного и бытового назначения X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси нами были сделаны следующие выводы:

- 1) Цветные металлы широко использовались для изготовления различных категорий изделий, в том числе предметов хозяйственного и бытового назначения. Данная группа артефактов имела утилитарное назначение, что требовало массового производства изделий стандартизированной формы и обусловило использование для их изготовления определённых сплавов.
- 2) Основным сырьём для изготовления предметов хозяйственного и бытового назначения являлись оловянно-свинцовые сплавы и нелегированные легкоплавкие металлы. Данные металлы были относительно доступными, легко обрабатывались без использования специальных ремесленных приспособлений, а также имели сходство с дорогими серебряными изделиями.
- 3) Установлено, что для периода X–XIV вв., кроме оловянно-свинцовых сплавов и нелегированных легкоплавких металлов, особое значение в производстве предметов хозяйственного и бытового назначения из цветных металлов имели оловянно-свинцовые и свинцовые бронзы, а также «чистая» медь. В XV–XVIII вв. возрастает доля высокоцинковых сплавов на медной основе и сокращается количество легкоплавких металлов и их сплавов. Данное обстоятельство следует связывать с распространением в данный период в цветной металлообработке металлического цинка [7, с. 229].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Магалинскі, І. У. Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў XIV–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі / І. У. Магалинскі // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2021. – № 1. – С. 127–131.

2. Магалинский, И. В. Новые данные по химическому составу изделий из цветных металлов X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси / И. В. Магалинский // Доклады НАН Беларуси. — Минск : Беларус. навука, 2021. — Т. 65, № 2. — С. 241–246.
3. Магалинскі, І. У. Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў X–XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі / І. У. Магалинскі // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. — 2022. — № 1. — С. 2–7.
4. Магалинскі, І. У. Метады даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі / І. У. Магалинскі // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. — 2024. — № 1 (69). — С. 2–15. — DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-2-5.
5. Ениосова, Н. В. Латуни средневекового Новгорода / Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Новгород, 2000. — Вып. 14. — С. 99–111.
6. Ениосова, Н. В. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси / Н. В. Ениосова, Р. А. Митоян, Т. Г. Сарачева // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. — М. : Изд. фирма «Восточная литература РАН», 2008. — С. 107–188.
7. Татаурова, Л. В. Результаты рентгенофлуоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья / Л. В. Татаурова, А. А. Тишкин // Вестн. Ом. ун-та. Сер. «Исторические науки». — 2008. — № 1 (17). — С. 220–231.

Магалинский Игорь Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник научно-реставрационного отдела НПИКМЗ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица – Химический состав изделий из цветных металлов хозяйственного и бытового назначения X–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси

№	Название предмета	Место обнаружения	Датировка	Метод анализа	Cu, %	Sn, %	Zn, %	Pb, %	Ag, %
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	Пластинка	Полоцк	XVII–XVIII вв.	ОЭСА	82,8	0,185	14,88	0,114	0,04
2	Ложка	Полоцк	XIX–XX вв.	РФА	82,13	0,21	13,07	0,19	0
3	Крючок рыболовный	Полоцк	XVII в.	ЛСА	94,57	1,63	3,62	0	0,18
4	Накладка	Полоцк	XI–XIV вв.	ОЭСА	71,3	2,34	23,91	0,273	0,04
5	Весы	Полоцк	X–XI вв.	РФА	82,67	0,176	10,43	3,02	0
6	Накладка	Минск	XV–XVI вв.	РФА	83,06	0,122	7,017	9,504	0
7	Накладка	Полоцк	XIV–XVI вв.	РФА	80,63	0	12,74	2,404	0
8	Накладка	Чичи	XIV–XVI вв.	РФА	77,09	0,919	11,83	5,81	0
9	Упор черенка	Бирули	XVII в.	ОЭСА	65,1	0,002	21,11	11,97	0,012
10	Гирька	Бирули	X–XI вв.	РФА	77,18	0,162	3,179	18,35	0
11	Накладка	Полоцк	XIV–XVI вв.	РФА	72,74	0,993	18,58	6,48	0
12	Крючок	Полоцк	XVII в.	ЛСА	72,76	0	24,97	2,22	0,04
13	Упор черенка	Бирули	XVII в.	ОЭСА	73,7	0,002	19,76	4,44	0,012
14	Игла	Полоцк	XIII–XIV вв.	ЛСА	87,92	0	9,96	2,08	0,04
15	Накладка	Полоцк	XIV–XVI вв.	РФА	71,8	0	3,2	18,1	0
16	Накладка	Полоцк	XIV–XVI вв.	РФА	79,19	0,573	11,2	6	0
17	Гирька	Озерцо	X–XI вв.	РФА	81,09	0,471	3,767	14,53	0
18	Весы	Полоцк	X–XI вв.	РФА	76,39	0,444	4,11	17,94	0
19	Накладка на сумку	Полоцк	XVI–XVII вв.	РФА	51,9	25,3	1,4	13,36	0
20	Игольница	Полоцк	XI–XIII вв.	ОЭСА	51,7	17,7	6,51	24,09	0,08
21	Замок сумки	Полоцк	XV–XVI вв.	ЛСА	84,4	2,89	10,03	2,65	0,03
22	Ручка кувшина	Менка	XI–XIII вв.	ОЭСА	64,6	12,08	3,7	15,92	0,12
23	Гвоздь	Полоцк	XVII–XVIII вв.	РФА	59,04	7,84	1,31	21,77	0
24	Упор черенка	Полоцк	XVII–XVIII вв.	РФА	62,6	29,89	6,4	3,79	0
25	Замок сумки	Полоцк	XV–XVI вв.	ЛСА	90,99	4,82	1,5	2,64	0,05
26	Капоушка	Орша	XV–XVII вв.	РФА	67,45	3,963	5,665	17,54	0
27	Гвоздик	Полоцк	XVII–XVIII вв.	ОЭСА	53,8	19,5	1,4	22,28	0,07
28	Капоушка	Полоцк	XI–XII вв.	ОЭСА	63,2	18,1	1,35	15,56	0,38
29	Замок сумки	Полоцк	XV–XVI вв.	ОЭСА	68	7,73	1,6	20,05	0,06
30	Ложка	Кордон	XVI–XVII вв.	РФА	50,04	38,05	1,75	8,25	0
31	Напёрсток	Полоцк	XVIII–XIX вв.	РФА	77,28	1,415	9,35	10,35	0
32	Пластинка	Кордон	X в.	ОЭСА	60,1	2,8	12,38	13,04	0,03
33	Подсвечник	Полоцк	XI–XIII вв.	ЛСА	78,11	3,65	8,93	9,17	0,14
34	Фитильная трубочка	Бирули	X–XI вв.	ОЭСА	73,4	2,14	15,69	4,7	0,19
35	Фитильная трубочка	Бирули	X–XI вв.	ОЭСА	76,9	2,39	9,14	6,32	0,033
36	Весы	Полоцк	XI–XIII вв.	ЛСА	74,57	4,32	9,84	11,18	0,1
37	Миска	Полоцк	XI–XIII вв.	ЛСА	87,96	3,1	5,79	3,03	0,12

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
38	Обоймица	Бирули	X – XI вв.	ОЭСА	66,1	2,46	17,32	9,67	0,03
39	Пластика котла	Полоцк	XI – XIV вв.	ОЭСА	96,8	2,21	0,072	0,004	0,08
40	Дужка замка	Полоцк	XI – XIII вв.	ОЭСА	96,7	2,5	0,1	0,7	0
41	Пластика	Полоцк	XVII – XVIII вв.	ОЭСА	96,6	2,24	0,25	0,01	0,05
42	Замок сумки	Минск	XV – XVI вв.	РФА	51,83	17,74	0,378	20,56	0
43	Накладка сумки	Полоцк	XV – XVI вв.	ОЭСА	89,7	5,63	0,083	4	0,1
44	Гвоздик декоративный	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	69,62	5,58	0	6,83	0
45	Накладка на сумку	Минск	XV – XVI вв.	РФА	93,456	2,108	0,089	2,696	0
46	Ключик	Друцк	XI – XIII вв.	РФА	71,12	18,52	0,103	7	0
47	Замок сумки	Минск	XV – XVI вв.	РФА	62,51	8,45	0,176	20,79	0
48	Замок сумки	Минск	XV – XVI вв.	РФА	64,41	24,07	1,097	6,72	0
49	Замок сумки	Минск	XV – XVI вв.	РФА	46,44	23,33	0,074	21,24	0
50	Фрагмент котелка	Полоцк	XI – XIII вв.	ОЭСА	79	9	0	12	0
51	Накладка на сумку	Минск	XV – XVI вв.	РФА	89,6	3,523	0,253	5,469	0
52	Замок сумки	Минск	XV – XVI вв.	РФА	96,367	1,056	0	1,85	0
53	Капоушка	Минск	XI – XIII вв.	РФА	53,93	34,62	0,201	7,21	0
54	Накладка на сумку	Менка	XV – XVI вв.	ОЭСА	67,9	10,34	0,237	17	0,21
55	Замок сумки	Полоцк	XV – XVI вв.	ОЭСА	56,9	18,9	0,133	22,1	0,014
56	Капоушка	Полоцк	XII – XIV вв.	ОЭСА	83,2	8,44	0,241	7,14	0,063
57	Пластика	Бирули	X – XI вв.	ОЭСА	73,7	2,71	0,0258	23,09	0,31
58	Заклёпка	Бирули	XVII в.	ОЭСА	70,5	17,92	0,02	11,56	0,004
59	Пластика	Полоцк	XVII – XVIII вв.	ОЭСА	80,6	8,97	7,82	0,83	0,01
60	Ушко котла	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	92,65	0	0	4,75	0
61	Накладка	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	97,232	0,101	0	1,786	0
62	Котелок	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	98,413	0	0	1,346	0
63	Пластика	Полоцк	XVII – XVIII вв.	ОЭСА	98,1	0,022	0,02	1,36	0,12
64	Пластина котла	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	97,817	0	0	1,377	0
65	Конус	Аксаковщина	XI – XIII вв.	РФА	0,5	94,59	0	4,61	0
66	Конус	Аксаковщина	XI – XIII вв.	РФА	0,076	95,47	0,058	2,88	0
67	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,078	63,08	0,051	36,24	0
68	Гирька-разновес	Друцк	XI – XIII вв.	РФА	4,09	0,18	0,527	91,06	0
69	Пломба	Друцк	XI – XIII вв.	РФА	1,35	0,213	0,087	97,72	0
70	Гирька-разновес	Друцк	XI – XII вв.	РФА	6,05	0,79	0,601	90,04	0
71	Гирька	Бирули	X – XI вв.	РФА	21,64	0,3	1,266	75,88	0
72	Гирька	Бирули	X – XI вв.	РФА	34,68	0,175	2,362	59,65	0
73	Гирька	Кордон	X – XI вв.	РФА	38,21	0,089	1,505	58,65	0
74	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,016	6,67	0,026	92,69	0
75	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,029	6,73	0,074	92,54	0
76	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,027	11,21	0,031	88,18	0
77	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,025	2,4	0,025	97,16	0
78	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,04	14,07	0,076	84,89	0
79	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,073	15,9	0,188	83,59	0

Продолжение таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
80	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,039	3,82	0,027	95,62	0
81	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,1	49,23	0,04	49,66	0
82	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,044	2,65	0,04	96,94	0
83	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,158	1,98	0,023	97,08	0
84	Обкладка окна	Полоцк	XVII – XVIII вв.	РФА	0,132	1,21	0,047	97,77	0
85	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,025	1,1	0,029	97,38	0
86	Накладка	Минск	XV – XVI вв.	РФА	53,12	17,98	0,263	23,33	2,91
87	Пластинка	Полоцк	XVII – XVIII вв.	ОЭСА	99	0,002	0,081	0,56	0,112
88	Ушко котла	Полоцк	XI – XIII вв.	ЛСА	99,97	0	0	0	0,03
89	Пластинка	Полоцк	XVII – XVIII вв.	ОЭСА	98,7	0,133	0,02	0,055	0,102
90	Пластинка	Полоцк	XVII – XVIII вв.	ОЭСА	99,6	0,044	0,02	0,063	0,139
91	Пластинка котла	Бирули	X в.	ОЭСА	99	0,07	0,02	0,38	0,16
92	Пластинка	Полоцк	XVII – XVIII вв.	ОЭСА	99,4	0,002	0,02	0,0123	0,01
93	Фрагмент котелка	Полоцк	XI – XIII вв.	ОЭСА	99,89	0,1	0	0,01	0
94	Ушко котелка	Полоцк	XI – XIII вв.	ОЭСА	98,5	0	0	1,5	0
95	Нож	Полоцк	XII – XIII вв.	ОЭСА	98,3	0,173	0,02	0,85	0,45
96	Основание ушка котла	Бирули	X в.	ОЭСА	99,1	0,05	0,02	0,23	0,07
97	Пластинка котла	Бирули	X в.	ОЭСА	98	0,002	0,05	0,002	0,31
98	Заклёпка посудная	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	98,782	0	0	0,161	0
99	Ушко котелка	Полоцк	XI – XIII вв.	ОЭСА	99,3	0	0	0,7	0
100	Гвоздь декоративный	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,257	95,62	0,182	0,096	0
101	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,023	0,5	0,053	98,8	0
102	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,047	0,17	0,022	99,12	0
103	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,015	0	0,014	99,16	0
104	Грузик	Полоцк	XI – XIV вв.	ЛСА	0,01	0,05	0	99,89	0,02
105	Грузик	Полоцк	XI – XIV вв.	ЛСА	0,02	0,09	0	99,87	0,02
106	Конус	Кордон	X – XI вв.	РФА	0,051	0,097	0,031	97,96	0
107	Грузик	Полоцк	XI – XIV вв.	ЛСА	0,04	0,05	0	99,89	0,03
108	Грузик	Полоцк	XI – XIV вв.	ЛСА	0,02	0,06	0	99,89	0,02
109	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,031	0,149	0,038	99,41	0
110	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,027	0	0,022	99,44	0
111	Грузик	Полоцк	XI – XIV вв.	ЛСА	0,05	0,04	0	99,89	0,02
112	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,11	0,75	0,018	98,1	0
113	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,052	0	0,017	99,52	0
114	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,046	0,146	0,041	98,88	0
115	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,044	0	0,031	99,68	0
116	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,046	0,146	0,041	98,87	0
117	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,144	0,52	0,062	97,54	0
118	Пластина кровли	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,013	0	0,02	99,786	0
119	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,034	0,081	0,014	99,68	0
120	Грузик	Полоцк	XII – XIV вв.	ЛСА	0,008	0,057	0,009	99,88	0,007
121	Грузик	Полоцк	XII – XIII вв.	РФА	0,062	0,34	0,035	97,76	0

УДК 069.514:[737.113+737.116]

Н. Е. Михаль

БАНКНОТЫ И МОНЕТЫ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЙ В ФОНДАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛОЦКОГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Исследуются денежные знаки, включённые в музейное собрание Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. Особое внимание уделяется описанию и систематизации изображений животных и растений на денежных знаках.

Ключевые слова: денежные знаки, банкнота, монета, животные, растения.

Одним из основных направлений музейного дела является изучение музейных предметов и коллекций с целью раскрытия их научно-практического потенциала, создание полноценной базы для выполнения музеем образовательно-воспитательной и просветительской функции.

Важное место в музейном собрании занимают денежные знаки, представленные в коллекциях «Бонистика» и «Нумизматика».

Денежные знаки — металлические или бумажные знаки стоимости, представители действительных денег, исторически возникшие как знаки денежного товара, находящиеся в обращении и в денежных сбережениях [10].

Тема денег всегда актуальна, так как они являются неотъемлемой и существенной частью финансовой системы каждой страны. Мы привыкли рассматривать деньги в рамках экономической деятельности человека, но в XX в. они стали объектом изучения многих гуманитарных наук — социологии, философии, психологии, антропологии и культурологии [4].

Изучение денежных знаков даёт возможность проследить историю, узнать имена выдающихся людей, познакомиться с обычаями и традициями, увидеть наиболее характерные географические пейзажи, составить панорамный обзор промышленности, современных объектов культурного наследия и, конечно же, редких и популярных видов животных и растений.

Цель данной работы — изучить и систематизировать денежные знаки с изображениями объектов животного и растительного мира из коллекций «Бонистика» и «Нумизматика» музейного собрания музея-заповедника.

Коллекция «Бонистика» НПИКМЗ насчитывает 2279 предметов (2245 — основного фонда и 34 — научно-вспомогательного).

Коллекция «Нумизматика» НПИКМЗ включает 11 279 предметов (11 134 — основного фонда и 145 — научно-вспомогательного), из которых было рассмотрено более 2600 монет.

Банкноты и монеты относятся соответственно к бумажным и металлическим денежным знакам. Все денежные знаки страны относятся к национальной валюте.

Национальная валюта — один из самых наглядных признаков независимого государства. Даже небольшие и сравнительно бедные страны заботятся о внешнем виде и привлекательности своих денежных знаков, поэтому национальные валюты стран оформляются в уникальном стиле.

В фондах НПИКМЗ находится 88 банкнот, бывших когда-либо в обращении на территории 58 стран, с изображениями животных и растений как представителей местной флоры и фауны:

- 14 банкнот из 6 стран Европы;
- 28 банкнот из 19 стран Азии;
- 22 банкноты из 18 стран Африки;
- 4 банкноты из 4 стран Северной Америки;
- 16 банкнот из 7 стран Южной Америки;
- 3 банкноты из 3 стран Океании.

Изображения объектов флоры и фауны на денежных знаках стран мира встречаются так же часто, как портреты знаменитых людей и архитектурные сооружения, входя в тройку самых популярных тем. Именно поэтому многие банкноты «украшают» представители местного животного и растительного мира.

Особое внимание заслуживают банкноты Национального банка Республики Беларусь с изображениями представителей белорусской фауны, которые были в обращении с 1992 по 1999 г. В фондах НПИКМЗ представлены все банкноты первой серии белорусских купюр. На купюрах разных номиналов изображены: белка (50 копеек), заяц (1 рубль), бобр (3 рубля), волк (5 рублей), рысь (10 рублей), лось (25 рублей), медведь (50 рублей), зубр (100 рублей).

По изображениям животных на банкнотах можно судить о богатой и разнообразной фауне государств разных континентов. В Африке особой популярностью пользуется изображение на деньгах зверей «большой пятёрки», являющихся наиболее почётными трофеями африканских охотничьих сафари. Это слон, носорог (оба африканских вида – чёрный и белый), буйвол, лев и леопард (банкнот с изображением леопарда в фондах НПИКМЗ нет). Изображения этих зверей встречаются на банкнотах Конго, ЮАР, Мозамбика, Замбии и Южного Судана. Кроме представителей «большой пятёрки», на банкнотах африканских стран, представленных в фондах НПИКМЗ, можно встретить антилопу, жирафов, обезьян, каракала и крокодила. Эти купюры рассказывают о разнообразии мира диких животных в Африке и сигнализируют о необходимости бережного отношения к ним [2].

Широко представлена в коллекции «Бонистика» орнитофауна – изображения птиц встречаются на 16 банкнотах (14 стран). А типичных обитателей Арктики – полярных песцов – можно увидеть на арктическом долларе. Арктические доллары не являются официальной денежной единицей и были выпущены специально для коллекционеров. Тем не менее эти доллары могли быть обменены на доллары США до конца 2013 г. [1].

Единственная банкнота в коллекции НПИКМЗ, посвящённая конкретному природному объекту, – 10 эстонских крон 1991 г. На ней изображён дуб Тамме-Лаури – самый крупный дуб, произрастающий на территории Эстонии, который, согласно проведённым исследованиям, начал расти в XIV в. Дерево было взято под охрану как природоохранный объект республики 30 июня 1939 г.

Деньги каждой отдельной страны впитали в себя практически все национальные традиции и колорит народа. На банкнотах некоторых стран представители флоры и фауны воспринимаются не только как живое существо, они наделены качествами, которые символизируют в жизни людей определённые направления и ситуации. Особенно характерно наличие животных и растений-символов на банкнотах азиатских стран [7].

Распустившийся цветок *сакуры* – символ благосостояния и удачи.

Коршун олицетворяет мощь и силу.

Петух в Японии – священное животное, символизирует смелость, мужское начало, достоинство и верность.

На банкноте Замбии изображение африканского *орлана-крикуна* (рис. 1) тоже не случайно. Орлиные характеристики – острое зрение, быстрая реакция, гордый вид – символизируют нацеленность Замбии на экономический рост и готовность преодолевать трудности [5].

Рисунок 1 – 100 квач 2006 г. Замбия (КП 052452)

Многие растения и животные уникальны и являются большим источником гордости и вдохновения для народа страны, где они встречаются. Такие объекты часто становятся национальными символами, а их изображения попадают на денежные знаки и позволяют людям со стороны оценить природные богатства, культуру и другие примечательные характеристики страны.

В Центральной Америке немало птиц, чьи изображения попали на банкноты, но среди всех есть лишь одна птица, в честь которой названа национальная валюта — кетцаль. Орнитологам птица также известна под названием *квезал гватемальский*. Эта птица является национальным символом Гватемалы и изображена на гербе, а её силуэт присутствует на всех современных банкнотах.

Квезалы примечательны не только красотой, но и свободолюбием — в неволе они быстро погибают, так что квезал ещё и символ свободы.

Есть в коллекции бонистики банкноты, на которых можно увидеть сразу несколько национальных животных. Лучшим примером этого является Индия, где страну представляет целый ряд животных (рис. 2).

На 10 рупиях изображён *бенгальский тигр* — национальное животное Индии, символ власти, величия и красоты.

Индийский слон — неофициальный символ Индии, олицетворяет достоинство, непобедимую мощь и благоразумие.

Индийский носорог — символ мудрости в индуизме.

Рисунок 2 — 10 рупий 2016 г. Индия (КП 052427)

Национальными символами часто становятся эндемичные виды, являющиеся гордостью страны.

Изображение эндемиков встречается на банкнотах многих государств. Но больше всего эндемиков на мадагаскарских арирари. Появление этих животных и растений на денежных знаках — не только дань уважения уникальной природе острова, но и напоминание о важности сохранения и защиты его уязвимых экосистем.

Но при всём многообразии животного и растительного мира многие его представители находятся под угрозой уничтожения. Важным шагом в борьбе за сохранение видов являются выпуски отдельных банкнот и целых банкнотных серий, посвящённых исчезающим животным и растениям. Например, на банкноте Омана на лицевой стороне можно увидеть стремительно исчезающую *босвеллию священную* — дерево, из смолы которого получают ладан, а на обратной стороне изображено сразу несколько животных, находящихся под угрозой исчезновения — *серебристый чеглок* и *леопард* (рис. 3).

Рисунок 3 — 1/2 риала 2020 г. Оман (КП 052422)

Редкие и типичные животные, обитающие в многочисленных национальных природных парках, появились на целой серии банкнот Венесуэлы. В фондах НПИКМЗ представлено 8 таких банкнот 2011–2018 гг.

Животные всегда играли важную роль в жизни людей. И не в последнюю очередь потому, что сельское хозяйство является одной из основных отраслей экономики многих стран. Оно играет важную роль в обеспечении продовольственной безопасности, снижении бедности и создании рабочих мест для миллионов людей.

В развивающихся странах сельское хозяйство основано на традиционных методах и технологиях, таких как ручной труд, использование животных и простых сельскохозяйственных инструментов. Это демонстрируют изображения буйволов, работающих на полях, и слонов на лесоповале. А вот в горных районах Азии в качестве вьючного и мясного животного эксплуатируется як. Это сильное, выносливое и неприхотливое животное с длинной тёмной шерстью вошло в композицию не одной банкноты Непала (рис. 4) [6].

Рисунок 4 – 5 рупий 2017 г. Непал (КП 052429)

Одной из основных отраслей сельского хозяйства является растениеводство, обеспечивающее население пищей и сырьём для экспорта. Изображения растений вплетены в орнамент многих банкнот.

Среди популярных растений можно отметить кокосовую пальму и кофейное дерево.

Для государств и владений, где ограниченность ресурсов сдерживает развитие экономики, важное место занимают морские биологические ресурсы.

Использование образа одного из представителей морской фауны на юбилейной банкноте Джибути не случайно — коммерческий промысел в прибрежных водах является одним из видов деятельности, жизненно важных для экономики страны (рис. 5). При этом других природных ресурсов государство практически не имеет, промышленность развита слабо, а из-за скудных осадков и обширных пустынь сельское хозяйство малопродуктивно [3].

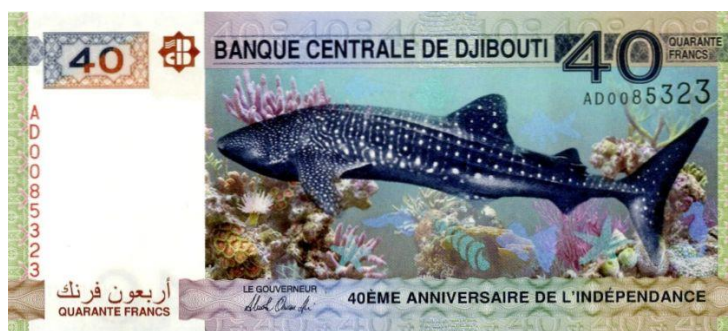

Рисунок 5 – 40 франков 2017 г. Джибути (КП 05243)

На сегодняшний день для некоторых стран главным экономическим двигателем является туризм. Сюжеты на денежных знаках таких стран служат своего рода рекламой национального достояния с целью привлечения в страну туристов, а значит и денежных средств. И чем больше номиналов и серий банкнот находится в обращении в стране, тем выше их рекламный потенциал.

Наглядным примером служит банкнота Тонго, где популярное туристическое занятие — наблюдение за китами (рис. 6).

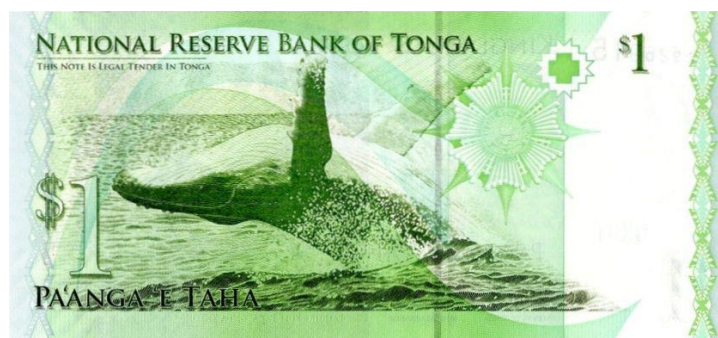

Рисунок 6 — 1 паанга 2008–2009 гг. Тонго (КП 052481)

Что касается монет, то на них затруднительно отобразить полноценные картины, поэтому на них чаще всего размещают символические силуэты и обозначения.

Первоначально изображённые на монетах животные и растения являлись скорее олицетворением мифов и легенд. По своему содержанию и форме они были знаками, которые не имели отношения к окружающей природе. С XIII в. изображения растений и животных рассматривались как атрибуты геральдики и характер их был предельно стилизован [8].

В коллекции НПИКМЗ достаточно большое количество монет с изображением геральдических животных. Чаще всего встречаются монеты с изображением птиц семейства орлиных. Это монеты Российской империи и современные монеты России, монеты Германии разных периодов, Австрии, Польши, Египта, Сирии, Мексики, Афганистана, США. Орёл — одна из древних эмблем, сохраняющаяся в гербах ряда государств до наших дней. Орёл означает власть, господство, верховенство и государственную прозорливость [9, с. 283].

Среди растений в качестве символов наиболее часто встречаются изображения лавра, оливы, дуба и пшеничного колоса.

Лавр — эмблема славы (монеты Бельгии, Венгрии, Аргентины) [9, с. 219].

Оливковая ветвь — одна из эмблем миролюбия, начиная с античных времён до наших дней, и словесный символ мира в Новое и Новейшее время (монеты Италии, Франции, Венгрии) [9, с. 278].

Дуб — эмблема силы, мощи, мужества и доблести (монеты Германии, Польши) [9, с. 139].

Колос — эмблема плодородия и животворной силы, одна из древнейших эмблем человечества (монеты Германии, Болгарии, Латвии, СССР, России) [9, с. 191].

Традиционно на монеты помещали изображения сельскохозяйственной продукции и основные экономические ресурсы своих стран:

- *дельфин* — Дания, Италия,
- *тунец, корова, сосна* — Латвия,
- *лён* — Литва,
- *рис* — Япония,
- *кофе* — Уганда.

В XIX–XX вв. на монетах стандартного чекана многих стран начинают использоваться изображения наиболее характерных представителей флоры и фауны, которые ассоциируются с государством или служат его национальным символом. Такие изображения являются мощным выразительным средством создания позитивного представления о стране, её истории, культуре и природных богатствах [8]:

- *липа* – Чехословакия,
- *ливанский кедр* – Ливан,
- *монстера деликатесная* – Сингапур,
- *клён, бобр, олень карибу* – Канада,
- *лев* – Эфиопия.

Также появляются монеты, посвящённые эндемичным животным и растениям:

- *каменка* – Кипр (20 центов 1983 г.),
- *плащеносная ящерица* – Австралия (2 цента 1983 г.).

Отдельно хочется отметить западноафриканский франк (рис. 7). Изображение на монете напоминает рыбу-пилу, но на самом деле таковой не является. Это золотая гиря народа ашанти, служившая для взвешивания золотого песка.

Рисунок 7 – 100 франков 1981 г. Западная Африка (КП 028063)

Во второй половине XX в. в дизайне монет появляется экологическая тематика, связанная с осознанием негативных последствий глобального вмешательства человека в среду и популяризацией этой проблемы [8].

Национальный банк Республики Беларусь выпустил серию памятных монет, посвящённых защите окружающей среды.

В коллекции НПИКМЗ 3 монеты посвящены теме защиты окружающей среды, 5 монет разного номинала из серии «Национальные парки и заповедники Беларуси», 6 – из серии «Заказники Беларуси», 2 – из серии «Птица года».

Таким образом, исследовав данные денежные знаки, мы приходим к выводу, что изображённые на них объекты флоры и фауны имеют чёткую связь с экономической, культурной и социальной жизнью страны. Также стоит отметить, что в одних странах изображения присутствуют только на отдельных денежных знаках, а на других – это целые серии различного денежного достоинства. Все рассмотренные изображения можно систематизировать по следующим категориям:

- 1) Типичные представители флоры и фауны (35 % рассмотренных изображений на банкнотах).
- 2) Животные и растения, относящиеся к национальным или религиозным символам (18 %).
- 3) Виды, играющие важную роль в экономической жизни региона (16 %).
- 4) Редкие и исчезающие виды, занесённые в Международную Красную книгу (11 %).
- 5) Эндемичные виды (11 %).
- 6) Животные и растения, относящиеся сразу к нескольким категориям (9 %).

Рассмотренные банкноты и монеты из коллекций НПИКМЗ в целом имеют удовлетворительную сохранность, доступны для научного описания и использования на выставках.

В заключение следует отметить, что коллекции «Бонистика» и «Нумизматика» постоянно пополняются новыми предметами, но для формирования полной картины особенностей изображения флоры и фауны на денежных знаках необходимо пополнение коллекций современными банкнотами и монетами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Арктика: полярные доллары и динары Берингии [Электронный ресурс] // Экономика простыми словами — основы и понятия. — 2013. — Режим доступа: <https://offshore4you.info/arktika-polyarnye-dollar-i-dinary-beringii>. — Дата доступа: 20.09.2023.
2. Барановский, А. Большая пятерка на африканских банкнотах [Электронный ресурс] / А. Барановский // Российская охотничья газета. — 2019. — Режим доступа: <https://www.ohotniki.ru/hunting/societys/societys/article/2019/08/27/654741-bolshaya-pyaterka-na-afrikanskih-banknotah.html>. — Дата доступа: 12.10.2023.
3. Джибути: 40 франков с китовой акулой [Электронный ресурс] // Монеты России. — 2018. — Режим доступа: <https://www.habarolog.ru/2018/01/23/dzhibuti-40-frankov-s-kitovoj-akuloj>. — Дата доступа: 12.10.2023.
4. Изотова, Н. Н. Деньги как элемент японской культуры [Электронный ресурс] / Н. Н. Изотова // Культура и искусство. — 2019. — Режим доступа: https://e-notabene.ru/camag/article_28615.html. — Дата доступа: 20.09.2023.
5. Карева, А. Орлан-крикун и другие символы [Электронный ресурс] / А. Карева // Водяной знак. — 2014. — Режим доступа: <https://vodyanoyznak.ru/magazine/105/1688-2>. — Дата доступа: 20.09.2023.
6. Майзингер, Р. На службе у человека / Р. Майзингер // В мире животных. — 2013. — № 10. — С. 28–31.
7. Насипова, А. Символизм японской культуры в трудах А. Н. Мещерякова [Электронный ресурс] / А. Насипова, Е. Венидиктова // Казанский вестник молодых учёных. — 2018. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/simvolizm-yaponskoy-kultury-v-trudah-a-n-mescheryakova/viewer>. — Дата доступа: 12.10.2023.
8. Некрасова, С. Серия памятных монет «Заказнікі Беларусі» / С. Некрасова // Банкаўскі веснік. — 2008. — № 7. — С. 7–11.
9. Похлебкин, В. В. Словарь международной символики и эмблематики / В. В. Похлебкин. — М. : Центрполиграф, 2006. — 543 с.
10. Райзберг, Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцева. — М. : ИНФРА-М, 1999. — 479 с.

Михаль Наталья Евгеньевна,
заведующий Природно-экологическим музеем — филиалом НПИКМЗ

УДК 94(476.5)"1942/1942"

К. А. Нарейко

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОККУПАЦИОННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ В г. ПОЛОЦКЕ 1941–1942 гг. ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

На основе документов Национального архива Республики Беларусь рассматривается деятельность гитлеровских оккупационных органов власти в г. Полоцке в 1941–1942 гг. Внимание обращено на мероприятия немецких военных властей и вспомогательных органов власти в виде городской управы в области социальной политики оккупантов по отношению к мирному населению, экономики, здравоохранения, образования, культуры и религии.

Ключевые слова: Полоцк, оккупация, комендатура, городская управа, отделы городской управы.

Приближаются торжества 80-летия освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. Несмотря на тот факт, что прошло много времени, история Великой Отечественной войны хранит ещё большое количество неисследованных или малоисследованных страниц. Не является исключением в этом плане и период нацистской оккупации Полотчины. С этим связана и актуальность темы исследования, обусловленная тем, что при всём многообразии научных работ, публикаций, фундаментальных исследований, посвящённых оккупационному периоду на территории Беларуси, сохраняется ряд аспектов, наименее рассмотренных исследователями. Недостаточно исследованы вопросы организации военных и гражданских органов власти, их структура и деятельность на оккупированной территории в целом и Полоцкого района в частности.

При анализе научной литературы по истории Великой Отечественной войны советского периода ощущается явный «перекос» в сторону освещения героических страниц освобождения и обороны г. Полоцка, партизанского и подпольного движения, героических подвигов земляков, увековечения памяти погибших в боях за Родину. Тема геноцида белорусского народа, вопросы оккупации Полоцкого региона рассматривались лишь эпизодически.

Ситуация в этом плане начала меняться со второй половины 90-х — начала 2000-х гг. с обретением нашей республикой независимости. Это связано, прежде всего, с открытием ранее не известных и не доступных для исследования источников, документов отечественных и зарубежных архивов.

Одна из первых попыток комплексного исследования оккупационного периода Полотчины, структуры, деятельности оккупационных органов власти в городе и районе, положения на оккупированной территории, зарождения движения сопротивления на территории региона была предпринята в далёком 1995 г. исследовательницей Г. Д. Кнатько в работе «Полоцк в годы оккупации». Эта же статья с небольшими изменениями была опубликована в фундаментальном труде «Память. Полоцк» в начале 2000-х гг.

Значительно позже появляются работы исследователей А. И. Корсак, С. П. Копыла, которые раскрывают отдельные малоизвестные страницы оккупационного периода на территории региона: структуры местных оккупационных органов власти, уничтожение ими еврейского населения, уничтожение советских военнопленных и мирного населения, фашистские «лагеря смерти» на территории региона и т. д. В 2017 г. выходят публикации, раскрывающие социально-экономическое положение на территории Полотчины в период временной оккупации — «Нацистская оккупационная политика и ее последствия для экономической инфраструктуры и социальной сферы Полоцка (1941–1944 гг.)» исследователя А. А. Огородникова, а также «Социально-экономическое положение г. Полоцка в условиях немецкой оккупации (1941–1944 гг.)» А. И. Корсак.

Однако в целом до сих пор не существует фундаментального комплексного исследования, раскрывающего все стороны временной оккупации Полотчины нацистскими захватчиками в период с 16 июля 1941 г. по 4 июля 1944 г. Причины малоизученности проблемы и существования «белых пятен» в освещении вопроса связаны в первую очередь с ограниченным количеством сохранившихся архивных источников по данному периоду.

Нужно отметить, что некоторые эпизоды оккупационного периода Полотчины, деятельности гитлеровских органов власти, геноцида белорусского народа можно встретить в материалах Национального архива Республики Беларусь в фондах № 1450, 1403, документы которых посвящены всенародному партизанскому движению на территории республики. Среди них встречаются документы с ценными сведениями об оккупационном режиме, положении на оккупированных гитлеровскими захватчиками территориях, разведданные партизан. К ним относятся партизанские донесения, докладные записки, рапорты, обзоры оккупированных территорий, записанные беседы с партизанскими командирами и рядовыми партизанами.

В этом плане для нас становятся интересными документы 3-й Белорусской партизанской бригады: донесения комиссара 3-й Белорусской партизанской бригады Н. А. Новикова, секретаря Полоцкого подпольного райкома КП(б)Б Г. С. Петрова, донесения партизана Н. А. Маниса, беседа с партизанским командиром А. Ф. Шрамко. Обрывочные сведения можно встретить в докладных записках командира бригады специального назначения «Неуловимые» М. С. Прудникова, командира бригады имени Чапаева В. В. Мельникова. Нужно отметить, что ценную информацию о положении на территории оккупированного города и района дают документы с разведданными партизан 3-й Белорусской партизанской бригады, бригады имени Чапаева, бригады особого назначения НКГБ-НКВД СССР «Неуловимые».

16 июля 1941 г. г. Полоцк был оккупирован гитлеровскими захватчиками. Как известно, с первых дней оккупации г. Полоцк вошёл в зону армейского тыла группы армий «Центр» и оставался в ней до момента освобождения. Установлением оккупационного режима и реализацией преступных планов германского империализма в этой зоне занималось непосредственно командование вермахта и полиции в составе 4-х охранных дивизий и одного армейского корпуса.

В тыловых районах группы армий «Центр» власть осуществлял его начальник генерал от инфантерии Максимилиан фон Шенкендорф. Ему и его штабу подчинялись многочисленные полевые и местные комендатуры с военными комендантами во главе. Им, в свою очередь, подчинялись органы вспомогательной местной администрации: областные (окружные), городские, районные, волостные управы и общины (деревни).

На Полоцк распространялось изданное Главным квартирмейстером Главного командования группы армий «Центр» распоряжение о военно-административном управлении.

Как и в других местах, в Полоцке разместились полевая и местная комендатуры. Согласно сообщениям разведки партизанской бригады имени Чапаева и 3-й Белорусской партизанской бригады, полевая комендатура (фельдкомендатура) немцев заняла кирпичное двухэтажное здание на левом берегу Западной Двины (в Задвинье). Недалеко от этого здания помещались полевая полиция, полевая жандармерия и казарма для них. Местная комендатура (ортскомендатура) развернулась в двухэтажном здании на стыке улиц Ленинской и Орджоникидзе [5, л. 75].

Высшим административным органом власти в Полоцке являлась фельдкомендатура (полевая комендатура). Под её контролем были все хозяйственные немецкие учреждения, гражданское население и местная промышленность. Согласно донесениям партизанских командиров, руководители полевой комендатуры «...осуществляют руководство уездной, городской и районной управами, дают указания по сбору налогов, заготовок, введению новой земельной реформы, строительных работ и т. д., они же выполняют функции гестапо...» [1, л. 185].

Кроме этого, в Полоцке начинает свою «деятельность» находившаяся в подчинении полевой комендатуры местная комендатура, задачей которой были управление и сохранение контроля над городом, выполнение всех административно-управленческих дел. Так, согласно содержанию беседы с бывшим командиром отряда 3-й Белорусской партизанской бригады А. Ф. Шрамко: «<...> ортскомендатура возглавляется гауптманом и состоит из канцелярии, хозяйственной группы, квартирному отдела, медицинского надзора, полевой жандармерии. Такая комендатура состоит из 45–50 человек при 3–4 офицерах <...>» [3, л. 17].

Практически сразу же после оккупации Полотчины немецкие власти организовали в городе и районе полицию, которая была сформирована из местных добровольцев и советских военнопленных.

Партизанская разведка отмечает, что полицейские отряды были оперативно организованы в Трудах, Казимиrove, совхозе Полота, Дретуни, Горянах и городе Полоцке. В своём донесении бывший 1-й секретарь Полоцкого подпольного райкома КП(б)Б Н. А. Новиков отмечал: *«В городе полицейских более 200 человек, <...> начальников полиции два – Обухович – городской, районный – Медведев <...> Обухович – бывший ученик 10 класса ж. д. школы, подчинен начальнику жандармского отделения при ортскомендатуре <...> Заместитель начальника полиции Колпаков, бывший работник нарсуда, сейчас в городе полиция переведена на казарменное положение <...> Полицейские живут в общежитии при жандармерии. С ними занимаются строевой подготовкой под наблюдением немецкого унтер-офицера <...>»* [1, л. 186].

В полиции имелись криминальный и паспортный отделы. Особое внимание уделялось прописке и паспортному контролю, которым заведовала полицейская служба.

Одним из первых важнейших мероприятий нацистских властей была регистрация населения и имущества, которая периодически повторялась на протяжении всей оккупации. На предприятиях и в учреждениях была проведена тщательная инвентаризация. На учёт бралось все, вплоть до мелочей [4, с. 60]. Так, А. Ф. Шрамко отмечал: *«Общий режим населения подчинен военному положению, то есть всё проходит через военного коменданта. Все население подвергается регистрации, лицам, не имеющим вида на жительство, выдается временное немецкое удостоверение личности <...> Дома и прочие помещения регистрируются по принадлежности, то есть те, которые принадлежали военному, и те, которые намерены использовать для военных нужд, регистрируются ортскомендатурой. Остальные регистрируются горуправой <...> Домашний скот регистрируется той же управой, но распоряжается ортскомендатура. Коровы регистрируются для обложения натуральным налогом, лошади с целью использовать для военных и городских нужд. Из имеющихся в Полоцке 800 коров 180 уже изъято. Собаки, кошки, куры, мелкий скот также регистрируется с целью обложения натуральным или денежным налогом <...>»* [3, л. 17].

Кроме этого, немецкими военными властями в Полоцке был введён комендантский час и пропускная система. Выход из города ограничивался определёнными улицами и разрешался только по установленным пропускам. Перемещение же местных жителей вне города было существенно ограничено. Различного рода передвижения на территории зоны оперативного тыла группы армий «Центр» разрешались только чиновникам местной вспомогательной администрации по служебным делам, но были запрещены для гражданских лиц.

В документах 3-й Белорусской партизанской бригады говорится: *«<...> Время пребывания на улице определяется приказом военных властей – оно колеблется от 5 до 21 в городах и несколько короче в селах. Летом дольше, зимой короче <...> Контроль движения по городу возлагается на фельджандармерию, ортскомендатуры совместно с полицией <...> Визы в Латвию, Литву, Польшу едущим по своим делам или в командировку давались только через Берлин <...>»* [3, л. 17].

Во всех городах на территории Беларуси создавались вспомогательные органы власти на оккупированных территориях – городские управы во главе с бургомистром. Бургомистр и его заместитель в Полоцке назначался комендантом полевой комендатуры. Выбор бургомистров осуществлялся в тесном контроле с полицией безопасности и СД. Бургомистр нес ответственность за всех сотрудников управления. В его ведении было назначать и увольнять их с разрешения немецких военных властей.

В июле 1941 г. полевой комендант дал распоряжение о создании городской управы (магистрата) в Полоцке. Как показывают партизанские донесения, городская управа первоначально располагалась в одном из двухэтажных домов в восточной части площади, после повреждения дома советской авиацией в июле 1943 г. управа переместилась в небольшой деревянный одноэтажный дом возле церкви, в районе ж. д. моста через Двину.

Как известно, первоначально бургомистром г. Полоцка был назначен бывший почтовый работник Кичко. Вскоре его заменил Д. Б. Петровский. За лояльность к подполью в 1942 г. он был замучен в фашистских застенках. На пост бургомистра назначили Ф. И. Михайлова.

В городской управе были созданы специальные отделы: общий, образования, здоровья, финансовый, строительный, промышленный, хозяйственный, снабжения, а также биржа или отдел труда. Каждый отдел возглавлял начальник, в распоряжении которого был небольшой штат работников. Покрытие расходов на содержание аппарата горуправы осуществлялось за счёт доходов от коммунальных услуг, налогов и обложений местного населения.

Отделы действовали в соответствии со своими полномочиями, определёнными инструкцией. Инструкция была изложена в «Распоряжении Главного командования группы армий „Центр“ об военно-административном управлении».

Анализируя партизанские документы, можно прийти к выводу, что городская управа была фактически пассивным придатком, исполнительным органом местной комендатуры.

Согласно документам НАРБа, структура городской управы была следующая: *«В настоящее время в Полоцке имеется: городская управа, бургомистром является Петровский в прошлом директор горпищторга, секретарь Кузьмичева, бывшая заведующая горсобесом. Сейчас Петровский женат на Кузьмичевой. При бургомистре имеется так называемый магистрат в составе:*

- 1) *Шалаев — начальник отдела снабжения, в прошлом учитель;*
- 2) *Базылевский — начальник хозяйственного отдела, в прошлом начальник стройконторы;*
- 3) *Елен — начальник отдела образования, в прошлом методист ГОРОНО;*
- 4) *Кресик — начальник здравоохранения, в прошлом врач;*
- 5) *Лаевский — начальник финансового отдела;*
- 6) *Подлужный — начальник местной промышленности горуправы;*
- 7) *Порамонов — начальник церковного отдела, он же начальник пропаганды, в прошлом работал в Москве;*
- 8) *Субач — комсомолец, начальник биржи, в прошлом работал в автомастерских»* [1, с. 185].

Нужно отметить то обстоятельство, что состав членов, структура городской управы постоянно видоизменялись немцами под разными предлогами: «проникновение красных партизан» и подпольщиков в ряды органов управления, неэффективная деятельность органов или конкретных управляющих отделом по снабжению немецких войск и администрации. Как правило, судьба этих людей была незавидная. Так, в своём донесении Н. А. Манис сообщает: *«<...> 20 октября с наступлением утра начались массовые аресты городских рабочих и служащих. Аресты проводились жандармерией и войсками СС, без участия полиции. Арестованы: Петровский, управделами Кузьмичева, переводчик Кучинская, начальник отдела снабжения Шалаев, городского хозяйства Семенов, народного образования Елин, криминального Колпаков, начальник районной полиции Медведев, начальник уездной земской управы Шефер, переводчик ВИКО — Линдих, ортскомендатуры — Безер, начальник горздрава Кресик и др. Ряд лиц взяты вместе с семьями <...> Город еще не видел столь массовых арестов. Основные руководящие посты в городе замещаются беженцами от партизан из Россон <...>»* [1, с. 124].

После столь массовых арестов работников и служащих горуправы немцы называли её «большевистским гнездом».

Как известно из партизанских документов, до марта 1942 г. городская управа осуществляла и руководство Полоцким районом, а бургомистр имел заместителя по району. С марта 1942 г. районная управа стала самостоятельной единицей. Структура, функции и деятельность райуправы были примерно же теми, какие были и у городской управы. Согласно донесению Н. А. Новикова: *«Управляющий райуправой Бушунов — в прошлом осужденный, в последнее время работал юристом лесозовода. Секретарь райуправы — Мендалев, в прошлом учитель. Управделами Линдих сейчас принял немецкое подданство. Начальник РАЙОНО Сафранович — бывший инспектор ГОРОНО <...>»*.

«<...> При райуправе находятся бургомистры всех волостных управ, причем они все выехали в город со своими семьями, и в течение 3-х месяцев не выезжали на место, боясь быть расстрелянными партизанами. Только бургомистры управ: Шатиловской, Мошеровской, Кушликовской, Замшанской, находятся на месте, но также по деревням не выезжают <...>» [1, л. 186].

Из документов НАРБа известно, что до 5 сентября 1942 г. в Полоцке работала и уездная земская управа, охватившая своим влиянием районы: Полоцкий, Ветринский, Ушачский, Сиротинский, Освейский, Дрисенский, Россонский. В своём донесении Н. А. Новиков отмечал: «<...> 5 сентября земская управа была ликвидирована, а ее функции перешли к районной управе. Управляющий земской управой работал ШЕФЕР — бывший агроном Ушачского района, заместитель управляющего Беляков — член партии, бывший агроном Трудовской мтс. Главный агроном управы Матюшков — бывший агроном Полоцкой мтс, кандидат ВКП(б), депутат Витебского облсовета, секретарем земской управы — Ловчик, бывший инспектор пархозучёта <...>» [1, л. 186].

Каждый начальник отдела городской управы имел небольшой штат подчинённых сотрудников — 1–3 человека, которые занимались выполнением определённых задач, поставленных бургомистром и немецкими военными оккупационными властями. Для этого 2 раза в месяц проводились совещания у бургомистра.

Главной задачей созданной городской управы были сбор налогов с населения Полоцка и обеспечение всем необходимым немецкой армии и оккупационной администрации. Как уже отмечалось, финансовым источником были различные налоги, платежи местного населения. Так, во-первых, всё население Полоцка от 15 до 60 лет платило подушный налог. За землю взималась рента, за постройки — страховой сбор. Кроме того, взимался налог для содержания старост улиц, дополнительным налогом облагались владельцы собак (15 руб.), кошек (10 руб.) и рогатого скота. Владельцы коров обязаны были сдавать 1 литр молока ежедневно. Кустари облагались налогом в 25 % их доходов [4, с. 59].

В г. Полоцке торговлей и процессом обеспечения населения продуктами питания занимался отдел снабжения городской управы. Согласно донесениям партизан, отдел снабжения, возглавляемый первоначально неким Шалаевым, имел в своём составе бухгалтерию, подотдел продовольственных карточек, инспектора. Подотдел вел учёт и выдавал хлебные карточки населению, организовывал распределение пайка, получаемого от хозяйственного управления. В партизанских донесениях отмечается: «Снабжение населения осуществляется немцами через отдел снабжения горуправы и его магазины <...>». «<...> До весны 1942 года население города нормально получало хлеб (250 грамм в день на работающего и 175 грамм на иждивенца с перебоями, крупу — 200 и 100 в неделю грамм, с перебоями мясо 150–120 г в неделю, осенью выдавался картофель — 7 кг и 3,5 кг в неделю) <...> Начиная примерно с конца апреля 1942 года, выдача пайков населению совершенно прекращена. Выдавалась только по одному грамму соли в месяц на человека. В течение всего времени городское население доставало себе продукты в Западной Белоруссии. Хлеб приносился главным образом женщинами на себе <...>» [3, л. 169]. В то же время Н. А. Новиков отмечал: «<...> В последнее время установлен контроль за выходом населения в Зап. Беларусь, ограничена выдача пропусков, не более 12 в день <...>» [1, с. 186]. «<...> Несколько лучше положение рабочих железных дорог, так они получают небольшой паек: 3 кило хлеба, 100 грамм крупы, 100 грамм жиров, 10 грамм соли на неделю <...> В состав пайка в незначительных количествах входили кофе, табак, соль и крупа <...>, но по слухам паек в сентябре–августе отменен <...>» — отмечает бывшим партизанским командиром А. Ф. Шрамко [3, л. 17].

Казалось бы, дополнительное питание можно было бы добыть в частных магазинах или на рынке. Однако цены на продукты были настолько высоки, что были недоступны местному населению. «<...> На базаре продукты недоступны так как высокие цены, рожь 600–700 рублей за пуд, масло 120 рублей за фунт, растительное масло 70 рублей за поллитра, яйцо — 70 рублей десяток, картофель килограмм 20–25 руб. <...> За последнее время участились случаи отбора немцами продуктов и оцепление базара <...>» — отмечает Н. А. Новиков [1, с. 187]. О подобном говорится и в беседе с Ф. А. Шрамко: «<...> Цены на продукты спекулятивные. Масло 350–400 рублей фунт, мыло для бритья 120 рублей, яйца 100 рублей десяток. Спекулируют все и всем. Из-под полы краденой солью, мясом, одеждой, обувью. В целях борьбы со спекуляцией немецкое командование создало таксу на продукты, где яйца расценивают по 6 рублей за десяток, молоко рубль за литр. Эта борьба ничего не дала, так как крестьяне начали продавать продукты не на рынке, а за Двиной, встречающим их жителям. Но эта такса дала

возможность полицейским, жандармам, солдатам и близким к ним людям платить по таксе, сама же продавала сигареты, табак соль и др. по спекулятивным ценам <...>» [3, с. 20].

Согласно сообщениям партизан, помимо снабжения города через магазины (их в городе было 11 – 9 продуктовых, 1 промтоварный и 1 комиссионный), город имел 2 столовые, готовившие до 2 тысяч первых блюд (зимой давалось по 100 грамм хлеба, летом с перебоями по 50 грамм). «<...> Летом варился суп, главным образом ботвиньи, редко с крупой, с 2 граммами постного масла на блюдо. Обеды в столовой выдавались по карточкам <...>» – говорится в донесениях 3-й Белорусской партизанской бригады.

Немецкими оккупационными властями была организована частная торговля, которая была представлена 3-мя ларьками, которые *«торгуют готовыми съестными продуктами: бутербродами, котлетами, яйцами. Эти ларечки выбирают патент в горуправе. Кроме этого открыт небольшой трактирчик некими БЕХ, где продают горячие блюда и даже самогонку. В основном частная торговля ведется приезжающими из деревни крестьянами. Они продают продукты и немецким солдатам, обменивают на сигареты, табак, мыло для бритья, разную мелочь. Крестьяне за место на базаре платят 2 рубля <...>»* [3, с. 17].

Сотрудники финансового отдела горуправы занимались взиманием разного рода налогов с местного населения: земельной ренты, налогов с ремесленников, подушного налога (до 100 рублей на человека в возрасте с 15 до 65 лет).

Вопросами коммунального хозяйства и хозяйственных вопросов первоначально ведал хозяйственный отдел во главе с неким Базилевским. Однако анализируя партизанские донесения, можно прийти к выводу, что немецкие оккупационные власти устроили работу коммунального хозяйства г. Полоцка только исходя из собственных нужд и нужд немецкого военного гарнизона. О работе хозяйственных учреждений на благо мирного населения Полоцка в штатном режиме не могло быть и речи. Элементарно ни света, ни водопровода, ни отопления жилых домов в городе не было. Всем этим пользовались только немцы.

Так в документах 3-й Белорусской партизанской бригады отмечается: «<...> Коммунальное хозяйство Полоцка в плачевном состоянии. Часть города выгорела и разрушена. Не выгоревшие дома и постройки не ремонтируются, а сжигаются на дрова. Электростанция хотя и частично восстановлена, но в виду отсутствия проводки, электропринадлежностей и горючего не работает. Другая электростанция железнодорожная находящаяся в Громах работает только на железную дорогу и комендатуру. Водопровод города еще до войны должен был восстанавливаться, так как проработал до войны 15 лет без ремонта. Хотя немцы и отпустили на его ремонт 300 тыс. рублей, из этого ничего не выйдет, потому что нет ни материалов, ни рабочий силы, ни запчастей, а купить их нигде <...> Не смотря на это, квартплата взимается по советской довоенной ставке. Притом чтобы заставить горожан идти на работу, безработные платят по самой высокой ставке. Освобождаются от квартплаты только инвалиды, имеющие советские документы инвалидности. За очистку выгребных ям жители платят дополнительно или чистят сами. За воду, несмотря на то, что водопровод не работает, платят все, и имеющие свои дома и берущие в реке, по 2 рубля с души, независимо от возраста <...> В городе большой квартирный кризис, так как большая часть домов разрушены, из части домов люди выселены (в Громах) и дома освобождены для немцев, и часть домов заняты для военных нужд... В результате всего этого люди живут тесно и грязно <...> В городе работают две бани городская и железнодорожная, но та и другая для русских только 2–3 раза в неделю. Кроме этого, городская баня для русских предоставлена только наполовину, во вторую русских совсем не пускают <...>» [3, л. 19 об.].

После оккупации г. Полоцка захватчики пустили в действие некоторые предприятия города, которые работали в основном на оккупантов. За работу промышленности на благо оккупантов отвечал отдел промышленности горуправы. На предприятиях и учреждениях Полоцка была проведена тщательная инвентаризация. В городе были зарегистрированы и работали два паровозных и одно вагонное депо, две хлебопекарни, мясокомбинат, водяная мельница, три лесопильных завода, плодovinозавод, мастерская по производству бондарных, жестяных и прочих изделий, частные мелкие мастерские. Так в

партизанском донесении Н. А. Маниса отмечается: *«На 15.08.1942 года функционировали военный завод, мельница, гончарный завод и валяной обуви, гвоздильный и лесозавод. Военный завод работает исключительно на армию, выпуская безалкогольные сиропы, вино до 10 градусов, когда у немцев есть сахар, в объеме приблизительно в 500 литров в неделю. Мельница (Ксоверовская) мелит как для немцев, так и для населения. Мастерская валяльной обуви, бывшая артель слепых, валяет сапоги из шерсти заказчиков, в основном немцев, которые сдают отнятую у крестьян шерсть, причем стараются отправить валенки в Германию для семьи. Гончарный завод вырабатывает горшки, тарелки, рюмки, как для нужд армии, так и для продажи населению через торговое общество ОСТ <...> Масло и льнозаводы в районе не работают, так как они разрушены партизанами. Работает только один завод в Полоцке для армии. Продукция гвоздильного и льнозавода используется в восстановлении мостов <...>*

Восстановление промышленности не производится. Во-первых, нечем, во-вторых, нечем, а в-третьих, им не дадут этого сделать партизаны. В городе по-кустарному восстановлена часть электростанции, которая не работает, в связи с отсутствием горючего. И в силу необходимости восстановлена часть хлебозавода, на котором выпекают хлеб для армии. Строительства новых предприятий нет <...> Из новых строений известно новое паровозное депо, которое больше старого <...>» [1, л. 122].

Согласно распоряжению о трудовой повинности, все жители оккупированной Полотчины в возрасте от 14 до 65 лет подлежали всеобщей трудовой повинности. Они были обязаны явиться на биржу труда для регистрации. Согласно донесениям партизанской разведки, биржа труда размещалась в одноэтажном деревянном здании бывшего стройтехникума по ул. Фрунзе и возглавлялась на 1942 г. неким Субачем.

Наём рабочей силы в Полоцке осуществлялся через объявления, а также путём мобилизации через городскую управу. *«Наем рабочих производится только по объявлению, но так как рабочие не идут, то их по спискам вызывают повестками в полицию. Тех, которые не приходят, приводят силой, за неявку арестовывают и избивают <...>»* – говорится в партизанских документах [3, л. 19].

Продолжительность рабочего дня для рабочих на производстве составляла 10–14 часов, в учреждениях – 7,5 часов. Широко применялись штрафы, которые являлись как методом наказания, так и средством дополнительного финансового источника для оккупантов. Состав рабочих и служащих формировался преимущественно из местных жителей, а также из военнопленных. В партизанском донесении А. Ф. Шрамко отмечает: *«<...> Количество рабочих очень невелико, так например, на мосту через Двину работало 100–120 человек, в строительной конторе горуправы – 60–70 человек. На железной дороге работало значительно больше, но количество мне не известно. Продуктивность как рабочих и служащих очень невелика, так как некоторые не заинтересованы в зарплате, а работают, чтобы иметь документ. Тем более, что рабочим немцы платят поденно или по числу. Оплата служащих колеблется от 100 до 250 рублей, в зависимости от квалификации, но зарплата чрезвычайно низка, так как продукты очень дороги <...> Рабочие получают от 15 до 30 рублей в день. Русские деньги котируются по цене 1 марка – 10 рублей <...>» [3, с. 19].*

Таким образом, полочане, как правило, шли работать, чтобы не попасть в поле зрения карающих органов и чтобы элементарно не умереть с голоду.

Вопросами медицинского обслуживания при городской управе в Полоцке первоначально заведовала врач Кресик. До 6 сентября 1942 г. здравотдел был уездным и осуществлял руководство здравоохранением в Полоцком, Ветринском, Ушачском Сиротинском, Освейском Дриссенском, Россонском районах. В этих районах были уполномоченные по здравоохранению, они же заведовали больницами и амбулаториями. До 5 сентября уездный здравотдел немецкими властями был ликвидирован, и к Полоцкому горздраву прикрепили только Ветринский райздрав.

В г. Полоцке действовали медицинские учреждения, которые в основном обслуживали немецкую администрацию и немецких военнослужащих. Есть сведения, что немецкими властями были организованы работа двух госпиталей для немецких военнослужащих и больница для мирного населения. Однако не хватало помещений, медикаментов, медработников. Последнее обстоятельство вынуждало

оккупационные власти использовать в гражданских больницах и амбулаториях медработников из числа военнопленных и евреев.

Отмечались лишь единичные случаи помощи немецких медиков и медицинского персонала местному населению — как правило, эта была самая примитивная медицинская помощь и, конечно же, на платной основе. Одни сутки в стационаре в то время стоили 12 рублей 50 копеек. Хирургическое же вмешательство с послеоперационной реабилитацией обходилось в сумму до 325 рублей [1, л. 123]. Так что полноценное лечение для большинства горожан было попросту роскошью.

В документах 3-й Белорусской партизанской бригады сообщается: «<...> Амбулатория производит только платный прием, стоимость приема 5 рублей. Выезд врачей на дом тоже платный — от 15 до 25 рублей, но населением редко практикуется. Отпуск лекарств также платный, но в действительности лекарства отпускаются самые примитивные, так как сложных в аптеке нет. Если пациенту нужно сделать мазь, то он должен принести сало, так как ее не с чего сделать <...> Стационарных больниц, кроме больницы для военнопленных, нет <...> В районах никакой медицинской помощи нет» [3, л. 21].

При городской управе действовал так называемый отдел народного образования, который распространял свою деятельность на 4 полоцкие школы. Немецкой военной администрацией школы были открыты как семиклассные, с расчётом охватить детей в возрасте от 8 до 15 лет. Согласно воспоминаниям очевидцев, с 1 сентября 1941 г. в 4-х школах г. Полоцка занятия были ненадолго возобновлены, но постоянно прерывались по различным причинам. В Полоцком районе школы работать и не начинали.

Согласно свидетельству партизан и мирных жителей, учебников и принадлежностей в полоцких школах не было. Главным предметом было изучение немецкого языка. Учителей не хватало, к тому же, у преподавателей отсутствовало видение нового учебного курса и цикла занятий. Немецкими властями была установлена плата за обучение: с каждого ученика — 15 руб. в месяц.

Вот что вспоминал бывший партизанский командир А. Ф. Шрамко: «<...> Образование по существу является фикцией, так как фактически заниматься с детьми не приходится. Хотя учителя и учтены, но им работать негде, потому что в Полоцке для занятий отведены только 2 школы, да и те периодически занимают под проходящих через город немецких солдат. Учебники все изъяты, и школьные библиотеки валяются в сараях и на улицах. Школы не ремонтируются и не отапливаются. Детям нечем писать, так как нет принадлежностей. В прошлом году учителя имели вынужденный отпуск, так как заниматься было негде, и они получали 50 % зарплаты. Программы составляются на память: закон Божий, арифметика, геометрия, география, естествознание. Занятия проводятся на белорусском языке. Преподавание немецкого языка обязательно, но не по советским учебникам, поэтому его преподают на память <...> Техникумов и университетов нет <...>» [3, л. 21].

Таким образом, местная немецкая власть совершенно была не заинтересована в охвате всех детей учёбой. По воспоминаниям Н. А. Маниса «<...> Местный комендант определял основную задачу школ так: школы должны были занять свободное время детей, чтобы они не болтались по улицам <...> Ни о какой серьёзной учёбе не было и речи <...>» [1, л. 123].

Как показывают документы, немецкие власти не уделяли практически никакого внимания вопросам культуры в оккупированном Полоцке. Более того, общеизвестно, что гитлеровцы целенаправленно разрушали и уничтожали материальные и культурные ценности в городе. Всё сохранявшееся от уничтожения изымали и отправляли в фашистскую Германию. По воспоминаниям очевидцев, сразу же после оккупации немцы разрушили многие памятники и здания советской постройки. Известно, что были уничтожены памятники известным советским деятелям (например, памятник В. И. Ленину), по приказу немецких властей был уничтожен Доминиканский католический костёл.

По документам партизанской разведки, некоторые культурные и развлекательные учреждения г. Полоцка работали для немецких солдат и немецкой администрации. В Полоцке функционировали кинотеатр, кафе, закусовые и клубы.

По документам НАРБа известно, что в г. Полоцке был открыт городской театр в помещении бывшего железнодорожного клуба, его директором с июля 1942 г. работал некий Кольчанко. При откры-

том театре организованы струнный и драматический кружки. В сентябре стало демонстрироваться кино. В доме Красной Армии на кинокартины пускали только немцев.

Местные жители эти заведения не посещали, за исключением некоторых лиц, прислуживающих немецкой администрации.

«<...> О культуре говорить чрезвычайно трудно, так никаких признаков таковой мной не наблюдалось. Жалкое подобие драматического театра, в бывшем железнодорожном клубе. В труппе состоят 15–20 человек местных и приезжих людей, очевидно никогда никого отношения к театру не имевших. Большая часть пошла туда чтобы иметь документ. Репертуар состоит из вещей Островского и всякого рода водевилей фарсов Мясницкого и тому подобных. Посещается театр мало по многим причинам, во-первых игра артистов не вызывает интереса, во вторых страх запоздать из театра домой, в третьих в театре часто гаснет свет, а иногда спектакль вовсе отменяется из за налётов самолетов <...> Цена билетов в театр 5–10 рублей <...>» — вспоминал бывший партизанский командир А. Ф. Шрамко [3, л. 21].

На этом фоне, с тем чтобы отвлечь местное население от подпольной и партизанской борьбы, гитлеровские оккупанты позволяли открывать церкви и монастыри. В городской управе существовал специально открытый отдел по делам религии. Возглавлял его некто Порамонов (Понамарёв), он же, по заверениям партизан, являлся начальником пропаганды.

Согласно данным партизанской разведки, в Полоцке были открыты 5 церквей, одна из них старообрядческая. *«В июле месяце создана секция евангелистов, данную секцию создал Парамонов — начальник церковного отдела, руководит этой секцией художник горуправы Стома <...>»* — говорится в партизанском донесении Маниса. В свою очередь Шрамко вспоминал: *«<...> Религия служит немцам орудием антисоветской агитации и создания антисоветских настроений <...> Посещаемость церквей слабая, так как ходят в основном старики и всякого рода подхалимы. Возглавляется вся эта поповская камарилья церковным отделом, которым заведует некто Понамарёв, бежавшего из Минска и выдающего себя за зятя профессора Реформатского. Этот церковный отдел является и органом гестапо. Через него проводится вся пропаганда и агитация <...>»* [3, л. 23].

Известно, что в этот период в городе действовали Софийская церковь, Николаевский собор и Спасо-Евфросиниевский монастырь.

«<...> Поп в Софийском Соборе служил Владимир Забело. Прибыл в первые дни оккупации. Причём немцы также враждебно относятся к попам, поп ездил в Верхоченский сельский совет крестить новорожденных, по дороге назад немцы отняли у него самогонку и яйца. В настоящее время новый поп из Белостока <...>» — говорится в донесении Н. А. Новикова.

Вместе с тем в 1943 г. в условиях оккупации города произошло знаменательное событие. В Спасо-Евфросиниевский монастырь в октябре 1943 г. с разрешения оккупационных властей вернулись мощи святой Евфросинии Полоцкой.

В пропагандистских целях немецкие власти на Полотчине наладили производство различной печатной продукции в виде многочисленных газет и журналов.

«Газеты поступают из Витебска „Новый путь“ и из Смоленска. Кроме этого, газеты и журналы на русском языке, выпущенные в Берлине. „Новый путь“ издается на белорусском и русском языках. Содержание газет кроме официальных сводок состоит из разного рода объявлений и указов германского командования и горуправ. Фельетоны пишутся русскими борзописцами и отличаются исключительной пошлостью и подхалимством. Большое место уделяется всяким анекдотам, преимущественно антисоветским, причем анекдоты заготовки 1900–1904 годов, затасканные, не остроумные, набившие давно всем оскомину. Как анекдоты, так и мелкие статейки страшно напоминают содержание погромных, черносотенных газет типа Пуришкевича <...>» — отмечает бывший партизанский командир А. Ф. Шрамко [3, л. 21].

Таким образом, все рычаги управления и власти в городе принадлежали немецкому военному командованию в лице комендантов полевой и местной комендатуры. Они были проводниками приказов, постановлений, которые издавало командование тыловым районом группы армий «Центр». С целью более эффективного управления и «освоения» оккупированных территорий в Полоцком регионе были

созданы вспомогательные органы власти в виде городской, районной и уездной управы. Никаких серьёзных полномочий эти органы не имели, и были придатком военной администрации.

Главной задачей немецкой военной администрации и вспомогательных органов власти в виде городской управы был сбор налогов с населения Полоцка и обеспечение всем необходимым немецкой армии и оккупационной администрации, а также организация досуга немецких военнослужащих. На это была нацелена работа в городе различных учреждений, организаций, промышленных предприятий. Главным финансовым источником были различные налоги, платежи местного населения. Главная цель гитлеровских оккупационных органов власти заключалась в масштабной и всесторонней эксплуатации экономических и людских ресурсов Полотчины.

В настоящее время, несмотря на доступность многих архивных документов, в том числе «партизанских», Национального архива Республики Беларусь, изучение периода нацистской оккупации г. Полоцка до сих пор остаётся актуальным. Нет ответов на ряд вопросов, что требует дальнейшего изучения с привлечением широкого круга исследователей и источников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Докладные, информации и обзоры о положении на оккупированной территории Витебской и Полесской областей о боевых действиях партизанских отрядов и подпольщиков Витебской области и списки изменников Родины. 1942–1943 гг. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308. — 220 л.
2. Докладные, отчеты, политдонесения секретаря Витебского ОК ЛКСМБ командования партизанских бригад Витебской области о боевой деятельности бригад. Сентябрь 1942 — декабрь 1942 гг. (копии) // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 11а. Д. 29. — 135 л.
3. Документы о боевой и диверсионной деятельности 3-й Белорусской партизанской бригады // НАРБ. — Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. С. 485.
4. Кнатько, Г. Д. Полоцк в годы оккупации / Г. Д. Кнатько // Война известная и неизвестная : (материалы научно-практической конференции, посвященной 50-летию освобождения Витебщины от немецко-фашистских захватчиков, 15–16 июня 1994 года) / ред. совет: В. А. Космач, В. А. Сергеева, О. И. Акунович. — Витебск : Витеб. обл. краевед. музей, 1995. — С. 55–69.
5. Разведданные, опросы перебежчиков, схема обороны и связи партизанской бригады им. Чапаева (Мельникова) // НАРБ. — Ф. 1403. Оп. 1. Д. 25. Л. 75.

Нарейко Константин Александрович,
магистр исторических наук,
ведущий научный сотрудник Музея боевой славы — филиала НПИКМЗ

УДК 355.48(09)(476.5-21Полоцк)"1941/1945"

П. С. Рудаков

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ШТАБА БЕЛОРУССКОГО ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА 1-м ПРИБАЛТИЙСКОМ ФРОНТЕ В 1943–1944 гг. ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Рассматриваются основные аспекты деятельности Представительства БШПД на 1-м Прибалтийском фронте и роль, которую она сыграла в улучшении положения партизанских отрядов и бригад, действовавших в полосе ответственности фронта.

Ключевые слова: партизаны, Представительство БШПД, 1-й Прибалтийский фронт, снабжение, радиосвязь, разведка.

В отечественной историографии накоплен обширный материал, касающийся развёртывания партизанского движения в Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Достаточно подробно изучена деятельность основных органов управления партизанскими формированиями, прежде всего, Центрального и Белорусского штабов партизанского движения. Однако деятельность представительств белорусских партизан на фронтах до настоящего времени не нашла достаточного отражения, за исключением обзорных сведений в исследованиях общего характера или же раскрывающих отдельные направления этой работы.

У Центрального штаба партизанского движения (далее – ЦШПД) были представительства на нескольких фронтах, в том числе на Калининском. 7 марта 1943 г. ЦШПД был расформирован. Подвижной радиоузел, школа подготовки партизанских кадров и радишкола ЦШПД переданы в подчинение Белорусскому штабу партизанского движения (далее – БШПД). Для улучшения руководства партизанскими отрядами из аппарата БШПД были выделены оперативные группы на Центральный и Калининский фронты. По штату в опергруппе на Калининском фронте числилось 79 человек [10, л. 6–7].

Приказом Ставки ВГК от 16 октября 1943 г. Калининский фронт был переименован в 1-й Прибалтийский фронт. Соответственно, оперативная группа БШПД на Калининском фронте была преобразована в Представительство БШПД на 1-м Прибалтийском фронте. Последнее осуществляло снабжение, координацию и взаимодействие 32-х партизанских бригад и 8-ми отдельных партизанских отрядов, действовавших в Витебской, Вилейской и Минской областях [2].

СНАБЖЕНИЕ ВООРУЖЕНИЕМ И БОЕПРИПАСАМИ

Одной из основных задач Представительства БШПД на 1-м Прибалтийском фронте была доставка партизанским бригадам и отрядам оружия и боеприпасов. В распоряжении Представительства находилось несколько складов: вещевого, продовольственного, оружия и боеприпасов, склад взрывчатых веществ, а также аэродромы, с которых осуществлялась заброска грузов за линию фронта. Приём поступающих грузов на склады, отправка их на аэродромы, упаковка в мешки, разгрузка самолётов, подвоз грузов на аэродром и охрана – всё это осуществлялось силами и транспортом Представительства. Источниками поступления оружия являлись: БШПД, воинские части, партизанские бригады и отряды (возможно, речь идёт о партизанах, которые перешли обратно через линию фронта и «поделились» своими запасами). Оружия и боеприпасы выдавались на обеспечение формируемых в советском тылу отрядов и групп, на отправки партизанским подразделениям, действующим в тылу противника, а также на индивидуальные нужды и для передачи воинским частям. Основная часть оружия отправлялась к партизанам в тыл противника. После освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков снабжение складов вооружений от БШПД и военных частей прекратилось. С августа 1944 г., в связи с расформированием партизанских подразделений и их включением в состав Красной армии, переданные на склад партизанами вооружения и запасы склада представительства БШПД направлялись в воинские части [7, л. 76–84].

СНАБЖЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ

Продовольствие из складов Представительства БШПД на 1-м Прибалтийском фронте направлялось на экипировку формируемых в советском тылу партизанских отрядов, отправление в тыл противника действующим отрядам и расходы на индивидуальные нужды «по разным причинам». Исходя из архивных документов, можно сделать вывод, что основной объём продовольствия шёл на формирование новых партизанских отрядов, а действующие в тылу противника отряды и бригады находились фактически на самообеспечении (рис. 1).

№ п/п	Наименование продовольствия и тары.	Единица измерения	Поступило в склад	Приход					Расход					Остаток на 1-е июля 1944 г.	Примечание
				Всего	Из них: партизанские отряды	Из них: партизанские отряды	Из них: партизанские отряды	Из них: партизанские отряды	Всего	Из них: партизанские отряды	Из них: партизанские отряды	Из них: партизанские отряды	Из них: партизанские отряды		
1.	Мука ржаная	кг.	7495,1	9003,0	22,89	16	18803,100	11905,600	4382,180	16287,780	2515,320				
2.	Мука пшеничная 1-сорта	кг.	58,2	134,00			42,380	604,580	252,345						
3.	Сухари ржаные	кг.	1937,340	5872,0			1199,340	3002,580	5782,900	255	1058,190	7095,540	1913,140		
4.	Хрута разная	кг.	203,890	4480,0	320,0	141,140	5145,030	3308,330	1661,600	4939,930	175,100				
5.	Хрута рис	кг.	2,300		316	50	368,300	87,200	146,625	233,825	134,425				
6.	Хрута манная	кг.	90,250				90,250	62,450	27,800	90,250	—				
7.	Макаронки	кг.	265,0	163,0			422,0	221,520	132,800	354,320	73,680				
8.	Консервы рыбные 11-дл.	кг.	511,800	300			811,800	486,110	19,700	505,810	305,990				
9.	Сардинки	кг.	345,0			1,495	346,495	260,0	86,495	346,495	—				
10.	Личинки порошковые	кг.	4,600				4,600		4,600	4,600	—				
11.	Консервы мясные	кг.	1324,640	2143,300	625,222	72,890	4166,112	1857,490	1115,902	2973,392	1192,720				
12.	Рожь	кг.	334,0				334,0		334,0	334,0	—				
13.	Овёс	кг.	97,500			357	454,5		454,5	454,5	—				
14.	Консервы мясные 330-грамм.	кг.	94				94	58	29	87	7				
15.	Консервы рыбные 453-грамм.	кг.	118			112	230	127	99	226	4				
16.	Консервы рыбные 230-грамм.	кг.	236				236	141	92	233	3				
17.	Рыба водная	кг.	9,800	222,5			232,3	103,7	107,850	211,550	20,750				
18.	Хлебобулочные	кг.	272,050			21,634	293,684	142,0	151,884	293,684	—				
19.	Шинг-сало	кг.	102,940	314,400	162,0	37,850	617,190	376,350	162,040	538,390	72,800				
20.	Масло коровье	кг.	15,500			3,700	19,200	13,200	6,00	79,200	—				
21.	Масло растительное	кг.	463,0	920,200			1383,200	454,250	350,800	805,050	578,150				
22.	Сахар	кг.	934,550	544,800		29,450	1508,800	701,140	323,365	1024,505	484,295				

Рисунок 1 — Приходно-расходная ведомость по продовольствию

Основными источниками поступления продовольствия на склады Представительства были: БШПД, продовольственные органы фронта и гражданские организации (в т. ч. за наличный расчёт).

Если до июня 1944 г. основными источниками продовольствия были первые два, то с июля 1944 г. основной источник — гражданские организации [4, л. 15].

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РАДИОСВЯЗИ

Ещё одной важной задачей, которая стояла перед Представительством, была поддержка радиосвязи между партизанскими отрядами и бригадами с одной стороны и штабом 1-го Прибалтийского фронта — с другой. Радиоузел Представительства отслеживал состояние радиосвязи со всеми корреспондентами по следующим пунктам: кого обслуживает радиостанция, дислокация радиостанции, фамилия радиста, характеристика работы радиста, тип радиации, характеристика связи (есть, нет, когда нет и т. д.), количество принятых и отправленных радиogramм. Начальнику отдела связи БШПД с периодичностью один-два раза в месяц передавались данные о состоянии радиосвязи радиоузла Представительства с приложением цветной схемы (рис. 2).

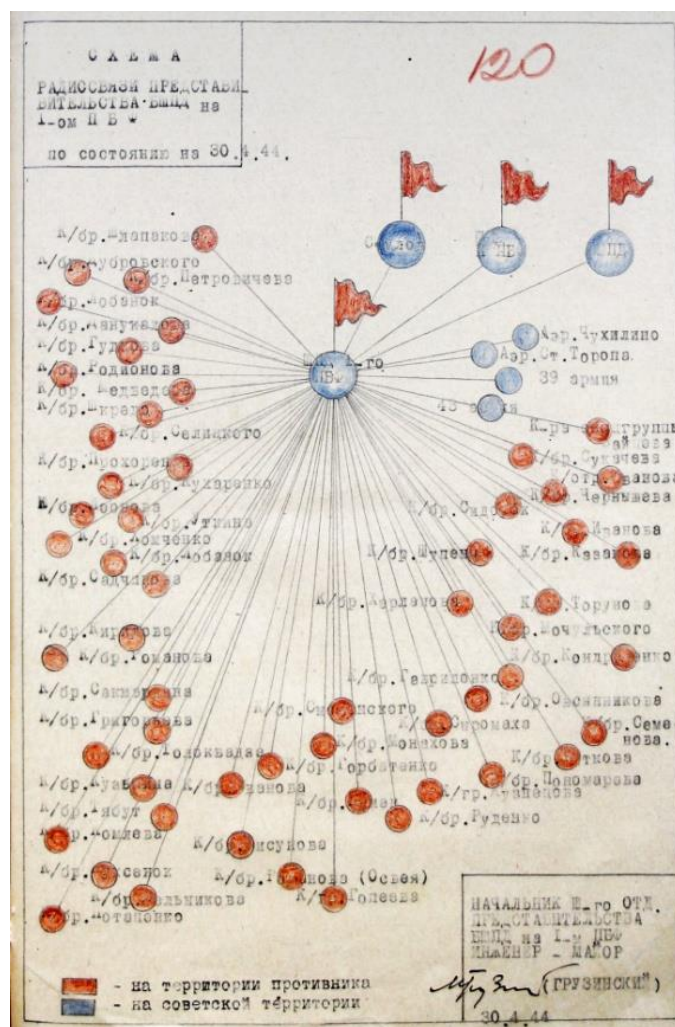

Рисунок 2 – Цветовая схема состояния радиосвязи

Проводился анализ эффективности различных радиостанций в разное время суток, с разным диапазоном волн. Составлялся график, который помогал корреспонденту выбрать волну, время работы и ориентацию в продолжительности рабочего дня, то есть, времени, когда возможна связь с рациями различных типов [8, л. 24].

Радиоузел вёл расписание радиосвязи с партизанскими бригадами и отрядами, каждый корреспондент (радиостанция) имел свой позывной, свою радиоволну, запасную радиоволну, если основная была скомпрометирована. Об интенсивности радиообмена говорит тот факт, что за ноябрь 1943 г. было проведено около семидесяти сеансов связи [8, л. 17].

Периодически отдел «Б» НКГБ СССР, который отвечал за радиопротиводействие, уточнял у 3-го отдела Представительства, не работала ли в такой-то день и в такое-то время на такой-то волне радиостанция с таким-то позывным. Очевидно, это делалось для того, чтобы отличать «свои» радиостанции, работающие в тылу противника, от вражеских. Также отдел «Б» требовал информацию о расписании работы радиостанций Представительства [8, л. 9].

ОПЕРАТИВНЫЕ СВОДКИ

Представительство БШПД на 1-м Прибалтийском фронте собирало информацию о боевых операциях каждого партизанского отряда и бригады в Витебской, Вилейской, Минской областях. Эта информация обрабатывалась и подавалась один-два раза в неделю командованию 1-го Прибалтийского фронта в виде сводок с сопроводительными картами (рис. 3).

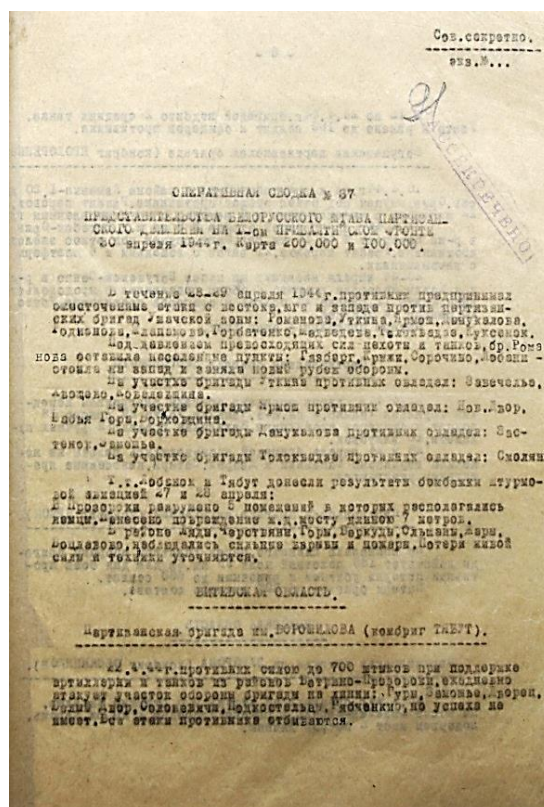

Рисунок 3 — Оперативная сводка

По одному образцу отправлялось командующему войсками фронта генералу И. Х. Баграмяну, начальнику БШПД П. З. Калинину и т. д. Составлял сводки глава Представительства БШПД, член военного совета 1-го Прибалтийского фронта И. И. Рыжиков [3, л. 91].

РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ СВОДКИ

Разведывательная деятельность белорусских партизан в годы Великой Отечественной войны представляла собой целенаправленный и своевременный сбор, обработку и передачу соответствующим органам информации военного, политического и экономического характера. Разведотдел БШПД возглавлял работу разведотделов оперативных групп и представительств при штабах фронтов, а также курировал деятельность областных разведывательных групп при подпольных обкомах партии и в штабах областных и зональных партизанских соединений [1].

Каждые двое суток командованию 1-го Прибалтийского фронта от Представительства БШПД передавались разведывательные сводки — информация, добытая партизанской разведкой и переданная БШПД. Сводки представляли собой краткую информацию о контрпартизанских операциях противника, передвижении немецких войск и техники, дислокации воинских частей и гарнизонов, оборонительных сооружениях, складах и линиях связи противника. Такого рода информация в значительной степени дополняла имеющиеся у армейских штабов сведения о противнике и помогала в планировании будущих операций [9, л. 11–12].

После освобождения территории Беларуси от немецко-фашистских захватчиков у Представительства БШПД на 1-м Прибалтийском фронте появилась ещё одна обязанность — контролировать передачу продуктов питания, скота и транспорта от расформировываемых партизанских бригад воинским частям, райисполкомам, колхозникам и крестьянам. Некоторые партизанские бригады за время своей деятельности сумели накопить значительные запасы. К примеру, партизанская бригада им. Пономаренко раздала крестьянам 30 тонн «жита» и 100 тонн картофеля. Ещё около ста тонн продовольствия указывались в документах как потерянные в результате немецкого наступления (рис. 4).

ОТЧЕТ
о работе по партизанской бригаде им. Пономаренко.

Наименование вер- на.	Сколько дней, по чис- лу:	Сколько дней, по чис- лу:	Куда, куда сдано	Сколько и где запрятано.
Хлеб	75.	30.	В партизанский отряд (в партизанский отряд) 30 шт.	В партизанский отряд (в партизанский отряд) 30 шт.
Овощи	10.	-	-	В партизанский отряд (в партизанский отряд) 10 шт.
Овцы	7.	-	-	В партизанский отряд (в партизанский отряд) 7 шт.
Коровы	3.	-	-	В партизанский отряд (в партизанский отряд) 3 шт.
Портфель	150.	-	В партизанский отряд (в партизанский отряд) 150 шт.	В партизанский отряд (в партизанский отряд) 150 шт.

Командир бригады...
Печатка бригады...

Рисунок 4 – Отчёт по переданному продовольствию бригады им. Пономаренко

С другой стороны, бригада им. Короткина ничего не сдала, т. к. всё заготовленное продовольствие шло на текущее снабжение [6, л. 26–27].

Партизаны передавали воинским частям, райисполкомам, колхозам и крестьянам лошадей, крупный рогатый скот, овец. Кроме того, передавались транспортные средства и их элементы: телеги, повозки, упряжь, колёса, сёдла, велосипеды, мотоциклы, автомобили [5, л. 1] (рис. 5).

Отчет

О скоте и транспорте по партизанским бригадам
отчитавшимся при представлении в Б.П. на 10.07.43

А.А. по пор.	Наименование скота и транспорта	Куда										Всего	Всего
		В партизанский отряд	В партизанский отряд	В партизанский отряд	В партизанский отряд	В партизанский отряд	В партизанский отряд	В партизанский отряд	В партизанский отряд	В партизанский отряд	В партизанский отряд		
1	Лошади	31	598	-	165	6	17	19	27	813			
2	Коровы	17	107	9	9					6	250		
3	Овцы	1									1		
4	Овцы	10									10		
5	Лошади и коровы	6	230	32				2			270		
6	Лошади	27						2			29		
7	Лошади	72									72		
8	Самый	15									15		
9	Коровы	105									105		
10	Седла	98									98		
11	Велосипеды	12									12		
12	Мотоциклы	1	3					1			5		
13	Велосипеды	1									1		

Итого: 10.07.43
На 10.07.43

13.07.43 Велосипеды и мотоциклы
13.07.43 Велосипеды и мотоциклы

Рисунок 5 – Отчёт по скоту и транспорту

Исходя из архивных документов, большая часть имущества передавалась райисполкомам как представителям власти.

Таким образом, представительство БШПД на 1-м Прибалтийском фронте зарекомендовало себя как эффективный орган, который значительно улучшил снабжение партизанских отрядов и бригад, а также серьёзно увеличил эффективность взаимодействия штаба белорусских партизан с командованием 1-го Прибалтийского фронта. Всё это облегчало непосредственное управление партизанскими отрядами и соединениями, обеспечивало согласование боевых задач партизан с действиями регулярных подразделений Красной Армии, способствовало активизации действий партизан и повышению их эффективности в деле оказания действенной помощи Красной Армии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Создание Белорусского штаба партизанского движения и его деятельность в сентябре — декабре 1942 г. [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. — Минск, 2022. — Режим доступа: <https://archives.gov.by/blog/news/1033883>. — Дата доступа: 03.09.2023.
2. Совершенствование централизованного руководства партизанским движением в Беларуси в 1941—1944 гг. как фактор, способствовавший повышению эффективности партизанской борьбы и взаимодействию с Красной армией [Электронный ресурс] // Репозиторий БНТУ. — Минск, 2017. — Режим доступа: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/68437/104-116.pdf?sequence=1&isAllowed=y>. — Дата доступа: 16.09.2023.
3. Оперативные сводки Представительства БШПД на 1 ПБФ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 862. Л. 91.
4. Отчеты опергруппы Рыжикова на 1-м ПБФ по продовольствию // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 860. Л. 15.
5. Отчеты о передаче скота и транспорта по партизанским бригадам, отчитавшимся при Представительстве БШПД на 1 ПБФ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 861. Л. 1.
6. Отчет о зерне по партизанским бригадам, отчитавшимся при Представительстве БШПД на 1-м Прибалтийском фронте // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 861. Л. 26—27.
7. Отчеты о движении вооружения на складе представительства БШПД на 1 ПБФ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 894. Л. 76—84.
8. Переписка отдела связи представит БШПД на 1 ПБФ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 894. Л. 9—28.
9. Разведывательные сводки оперативного отдела Представительства БШПД на 1 ПБФ // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 894. Л. 11—12.
10. Списки личного состава, сведения и другие материалы о подборе, подготовке и использованию партизанских кадров // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 1450. Оп. 1. Д. 882. Л. 6—7.

Рудаков Павел Сергеевич,
ведущий научный сотрудник Музея боевой славы — филиала НПИКМЗ

УДК 069.1

Т. Р. Смирнова

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СОТРУДНИКА ДЕТСКОГО МУЗЕЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ НА МУЗЕЙНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ

Уделено внимание вопросу профессиональной компетентности сотрудника Детского музея при развитии временных представлений на музейно-педагогических занятиях и рассмотрены понятия: «временные представления», «свойства времени», «предметный мир», «исторические знания и их свойства», «приём моделирования» и др.

Ключевые слова: временные представления, музейно-педагогические занятия, дети старшего дошкольного и младшего школьного возраста, профессиональная компетентность.

Эффективность деятельности любого музея зависит от многих факторов, в числе которых один из наиболее важных и актуальных сегодня — профессиональная компетентность музейного сотрудника. Профессиональное мастерство — это умение музейного работника учитывать психологические особенности посетителя, наличие личностных качеств сотрудника, помогающих ему эффективно решать профессиональные задачи. На современном этапе профессиональная компетентность становится одним из факторов жизнеспособности и дальнейшего развития музея.

Этот вопрос является актуальным и для сотрудников Детского музея, которые активно осваивают новые методы работы с посетителями, стараются их разнообразить, используя самые современные технологии. Всё это позволяет говорить о том, что сегодня музей находится в стадии активного реформирования приёмов и методов осуществления социально-культурной деятельности [17].

Одной из главных форм работы Детского музея является проведение музейно-педагогических занятий для детей старшего дошкольного и младшего школьного возраста, разработанных сотрудниками.

Главная их цель — способствовать развитию у детей дошкольного и младшего школьного возраста осознанной позиции исследователя и творца окружающей действительности, ответственности за сохранение культурного наследия. Занятия по темам: «В торговой лавке у лисы» (для детей 5–7 лет), «Путешествие с книжной закладкой» и «Звонкая песнь металла» (для детей 6–7 лет), «Познакомься: это Изобретения! Весы и меры веса» (для детей 7–8 лет), «Оставить в памяти мгновенья...» (для детей 8–9 лет) включены в структуру музейно-педагогической программы «Музеи Полоцка — детям» Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника (далее — НПИКМЗ) и проводятся в течение года для организованных групп детских садов и школ нашего города сотрудниками Детского музея.

Посетителю предлагаются также и тематические занятия вне программы: «Бенефис одного экспоната. Граммофон» (для детей 8–9 лет), «Фотография, наполненная светом» (для детей 7–9 лет), «Часы и время» (для детей 5–8 лет).

Содержание всех занятий объединено главными задачами: познакомить ребёнка с историей изобретения предметов рукотворного мира, таких как часы, весы, колокола и др.; показать, как со временем человек их усовершенствовал; формировать умения устанавливать временную последовательность событий; стимулировать проявление творчества в практическом познании и преобразовании предметов окружающего мира.

Тема изобретения предметов окружающего мира тесно переплетается с понятием «время», так как изобретение того или иного предмета происходит в определённый отрезок времени, усовершенствуется предмет со временем, предмет имеет определённое время бытования. Само слово «время» происходит от древнерусского «время», что означает «вращение». Временные представления — это представления о последовательности смены явлений и состояний материи [1, с. 23].

Восприятие времени – это отражение в сознании человека объективного времени, которое имеет две различные, но взаимно дополняющие друг друга формы отражения: 1) непосредственное ощущение длительности, называемое «чувством времени», 2) опосредованная ориентировка во времени, базирующаяся на использовании временных эталонов – принятых в социуме словесных обозначений условно выделенных интервалов времени [13, с. 3–4].

Не существует специального анализатора времени.

Время не подлежит чувственному созерцанию, поэтому воспринимается опосредованно, через движение или какую-то деятельность, связанную с определением времени или через чередование каких-то постоянных явлений. При этом существенным препятствием на пути становления опосредованного восприятия времени ребёнком становится условный характер принятых в обществе словесных обозначений временных интервалов и отношений.

В структуре временных представлений ребёнка старшего дошкольного и младшего школьного возраста выделяют три различных аспекта: адекватность отражения временных промежутков, их соотносённость с определёнными внешними характеристиками; понимание и употребление слов, обозначающих временные интервалы и отношения; понимание и воспроизведение последовательности событий [13].

В работах Л. А. Венгера, С. Л. Рубинштейна, А. А. Люблинской отмечается, что восприятие времени осложняют и его существенные характеристики, такие как непрерывность, текучесть (любая единица времени не может быть воспринята одновременно в её начале и конце), необратимость, одномерность (невозможность поменять местами настоящее и будущее). Вследствие этого некоторые воспитанники даже к концу дошкольного возраста испытывают затруднения в понимании значения слов, отражающих временные интервалы и временную последовательность [2].

Профессиональная компетентность музейного сотрудника состоит в том, чтобы умело использовать определённые методы и приёмы, опираясь на достигнутый к этому времени уровень развития наглядно-образного мышления у детей старшего дошкольного возраста, обеспечить возможность ребёнку наглядно представить временную последовательность событий в рассказе об истории изобретения предмета.

Изучив теоретические основы проблемы ознакомления дошкольников с историей предметного мира, формирования временных представлений, сотрудники музея провели своё исследование по изучению уровня сформированности временных представлений и представлений об истории создания предметного мира у детей старшего дошкольного возраста.

Экспериментальная работа осуществлялась на базе ГУО «Детский сад № 29 г. Полоцка». В исследовании принимали участие 30 детей, посещающих старшую группу.

В соответствии с целью нашего исследования мы выделили основные задачи констатирующего эксперимента:

- проанализировать содержание комплексной программы воспитания и обучения детей, на основе которой ведётся работа в дошкольном учреждении по формированию у детей старшего дошкольного возраста временных представлений и представлений об истории создания предметного мира;
- выявить уровень сформированности представлений об истории создания предметного мира у детей старшего дошкольного возраста;
- выявить уровень сформированности временных представлений.

Для реализации первой задачи нами был проанализирован типовой учебный план дошкольного образования (постановление Министерства образования Республики Беларусь от 12 мая 2023 г. № 152), который устанавливает перечень образовательных областей. В разделе «Познавательное развитие» в образовательной области «Элементарные математические представления» в главе «Время» основными задачами являются: формирование представлений о днях недели, месяцах года; их последовательности и включённости во временные отрезки «пора года», «год». Развивать умения обозна-

чать и пояснять временную последовательность смены суток, событий («сначала — потом», «было — есть — будет», «раньше — позже»), показать при помощи стрелки последовательность событий [12].

В образовательной области «Основы гражданско-патриотической культуры» в разделе «Рукотворный мир» основными задачами являются: формировать представления о профессиях людей, которые производят предметы рукотворного мира, приспособления их труда, материалы, необходимые для изготовления предметов; особенные качества человека-труженика (осведомлённый, творческий, старательный). Формировать умения: самостоятельно сравнивать и анализировать прошлое, современное и будущее; выявлять причинно-следственные связи между существованием множества предметов рукотворного мира и потребностью человека.

Следующим этапом нашего исследования явилось адаптация диагностической методики О. В. Дыбиной [6]. Сотрудники музея выделили следующие критерии и их показатели:

- 1) Осмысление предмета как результата деятельности взрослого:
 - понимание детьми выражения «предметы, сделанные руками человека» и умение их называть;
- 2) Умение видеть ретроспективу предмета:
 - умение устанавливать логическую связь на основе последовательности происхождения и совершенствования предметов;
 - умение устанавливать временную последовательность событий.

Для проведения исследования были использованы методики:

- 1) Беседа с детьми (модифицированная методика О. В. Дыбиной).
- 2) Игра «Когда это было?»

Методика № 1. Беседа с детьми.

Цель: выявить понимание детьми выражения «предметы, сделанные руками человека» и умение их называть.

Каждому ребёнку индивидуально задавали вопрос:

Как ты понимаешь выражение «сделанные руками человека»? [6]

Результаты беседы заносили в *таблицу 1*.

Таблица 1 — Результаты проведения беседы по методике № 1

№ п/п	Фамилия, имя ребёнка	Высказывание

Критерии оценки.

- Высокий уровень — ребёнок самостоятельно не просто перечисляет инструменты, с помощью которых взрослый создаёт предметы, но и связывает с профессиональными, личностными качествами, констатирует понимание происхождения предметов в результате деятельности человека.
- Средний уровень — ребёнок называет инструменты, которые помогают взрослым создавать предметы.
- Низкий уровень — ребёнок ограничивается перечислением предметов рукотворного мира, не понимая смысла выражения «сделанные руками человека».

Анализируя результаты, следует отметить, что 17 детей (55 %) связывали профессиональные и личностные качества, перечисляли инструменты, с помощью которых взрослый создаёт предметы и демонстрировали понимание смысла выражения «сделанные руками человека».

Остальные дети (10 человек), что составляет 40 % от опрошенных, ограничивались перечислением предметов рукотворного мира, понимали смысл выражения «сделанные руками человека» только после наводящих вопросов педагога.

Только три ребёнка (что составляет 5 %) давали односложные ответы типа «делал руками».

Таким образом, количественный анализ показал следующие результаты:

- Высокий уровень — 17 детей, что составляет 55 %;
- Средний уровень — 10 детей, что составляет 40 %;
- Низкий уровень — 3 детей, что составляет 5 %.

Методика № 2. Игра «Когда это было?».

Цель: выявить представления детей о происхождении предметов рукотворного мира.

Детям предложили картинки с изображением предметов прошлого и настоящего (корыто — стиральная машина — автоматическая стиральная машина; веник — щётка — пылесос; костёр — печь — плита; игла — ручная швейная машина — электрическая машина; плот — лодка — корабль).

Ребёнку требовалось разложить картинки в порядке появления предмета. Выполнение задания фиксировали в *таблице 2*.

Таблица 2 — Результаты проведения игры «Когда это было?»

№ п/п	Фамилия, имя ребёнка	Количество ошибок	Уровни

Критерии оценки.

- Высокий уровень — ребёнок самостоятельно правильно и логично определяет последовательность появления предметов.
- Средний уровень — ребёнок долго думает, ошибается в последовательности, но исправляет её (сам или с помощью взрослого).
- Низкий уровень — ребёнок нарушает последовательность, не замечает ошибок, не исправляет их.

Анализируя выполнение заданий, следует отметить, что многим детям требовалась помощь взрослого в установлении временных отрезков изобретения предметов, изображённых на карточках. Но были и те ребята, которые правильно определяли временную последовательность появления предметов.

Соответственно можно сделать вывод, что в учреждениях дошкольного образования педагоги грамотно формируют у детей умения устанавливать временную последовательность событий, логическую связь на основе последовательности происхождения и усовершенствования предметов. Но в силу своего возраста и индивидуальных особенностей не всем детям доступны для понимания временные понятия и интервалы времени.

Что касается младших школьников, то у них временные представления формируются в процессе учебной деятельности: при выполнении режима дня, восприятии последовательности событий при чтении сказок, рассказов, при просмотре кинофильмов, ежедневной записи в тетрадях даты работы. Легче даётся детям ориентировка во времени, чем освоение временных представлений и понятий. Это связано с процессом становления речи, со спецификой словарного запаса и грамматического строя речи ребёнка. Особая роль в этом процессе отводится освоению обозначений и измерений мер времени, которыми пользуется человек (времена года, время суток, месяц, год, неделя, час, минута). Чтобы грамотно применять методы и приёмы на занятиях, сотрудники музея изучили учебную программу по предмету «Математика» для I—IV классов учреждений образования Республики Беларусь [16].

К концу начальной школы учащиеся должны знать единицы времени: век, год, месяц, неделя; определять порядковый номер века по порядковому номеру года, сравнивать месяцы по количеству суток; количество месяцев в году; количество суток в году. Демонстрировать понимание единицы времени — часа, определять время по циферблатным часам с точностью до часа.

Сотрудники Детского музея на музейно-педагогических занятиях уделяют много внимания вопросу формирования временных представлений и у школьников. Рассказывая о конкретном экспонате, об истории изобретения предмета коллекции, музейный педагог обращает внимание детей на то, что все объекты и явления окружающего мира, все виды деятельности человека обладают продолжительностью, последовательностью, ритмом, темпом.

Помогает решать эти задачи использование различных моделей, например:

- предметных, в которых воспроизводятся конструктивные особенности, пропорции, взаимосвязь частей каких-либо объектов (например, глобус, модель часов, песочные часы, верёвочка времени);

— предметно-схематических моделей, в которых отражаются существенные признаки, связи и отношения (модель суток, карточки с названиями месяцев года, календарь).

Моделирование делает наглядным скрытые от непосредственного восприятия свойства, связи, отношения объектов, временные отрезки.

На занятиях в музее ребята, действуя с предметами, характеризуют его функциональное назначение, описывают основные детали, обозначают время изобретения и бытования предмета. Например, на занятии «В торговой лавке у Лисы» ребята старшего дошкольного возраста, взвешивая на равноплечих весах (конца XIX — начала XX в.) товар, поясняют, что уравновесить чаши можно с помощью чугунной гири, вес которой обозначен в фунтах. У ребёнка есть возможность сравнить меры веса позапрошлого века с современными и рассмотреть на графическом панно, как велась торговля в Полоцке в начале XX в. Обобщив ответы детей, музейный сотрудник поясняет, что много лет назад для взвешивания товара люди пользовались другими мерами веса, базары выглядели иначе, чем современные, при этом формирует временные представления.

На занятии «Звонкая песнь металла» учащиеся первого класса, слушая рассказ о традициях чаепития, обращают внимание на особенности современных традиций чаепития, сервировки стола и внешнего вида чайной посуды.

Применение дидактической игры «Предметы прошлого и настоящего» (данная игра адаптирована как для детей дошкольного, так и младшего школьного возраста) позволяет сформировать у детей понятие о предметах разного времени. Выполняя игровые действия, дети прослеживают особенности усовершенствования внешнего вида предмета и его функционального назначения. Данная игра разработана и используется в тематических комплексах «Часы и время», «Весы и меры веса», «Скоро сказка сказывается», «Путешествия и приключения».

Применение в работе дидактических игр позволяет музейному сотруднику включить детей в активные, разнообразные действия, не ограничиваться монологом, рассказом о прошлом предметов, не перегружать детей сложной исторической информацией и не сводить организацию знакомства с историей только к форме познавательных занятий.

Можно сделать вывод, что и дидактические игры и моделирование являются наиболее эффективными средствами формирования у старших дошкольников представлений о времени, позволяющих выделить и наглядно представить временные интервалы, их соотношение.

В конце 1970-х гг. Р. Чудновой была разработана система обучения ориентировке во времени. При формировании знаний о временах года автор предлагала широко использовать картинный и словесный материал: рассказы, сказки, стихотворения, загадки, пословицы. Работа в тематическом комплексе «Скоро сказка сказывается...» позволяет и музейному сотруднику включиться в вопрос формирования у детей старшего дошкольного возраста временных представлений. Для детей интересны волшебные сказки, в основе которых лежит чудесный мир, поражающий своей скоростью превращения одного предмета в другой, одного сказочного персонажа в другого. Вспоминая сюжет сказок «Колобок», «Курочка Ряба», «Репка», музейный педагог вместе с детьми использует временные понятия и характеристики, рассказывает и показывает, какими предметами пользовались герои сказок, обращает внимание на взаимосвязь некоторых предметов и явлений окружающего мира, прослеживает вместе с детьми последовательность событий во времени. Затем обращает внимание на то, что сказки из народа, и человек много лет назад пользовался такими предметами в быту. Закрепляются эти понятия в интерактивной игре «Предметы прошлого и настоящего» [18, с. 24–25].

Можно сделать вывод, что старший дошкольный возраст является благоприятным периодом для формирования элементарных представлений о времени. В этом возрасте дети проявляют ярко выраженное стремление сориентироваться во времени, используя общепринятые временные эталоны, опосредующие его восприятие. Своевременное и адекватное формирование понятий о времени у ребёнка чрезвычайно важно, так как оно составляет необходимую предпосылку развития причинно-

следственного мышления, а также является условием, обеспечивающим активную познавательную деятельность личности в процессе дальнейшей учебной деятельности.

У младших школьников есть лишь знание настоящего и смутное представление о прошлом времени: «это было давно». В формировании представлений о времени большую роль играет слово. В нём абстрагируются и обобщаются различные отрезки времени по их длительности: секунда, минута, час, сутки, неделя, месяц, год и другие. Точность использования детьми этих специальных обозначений зависит от того, каким конкретным содержанием наполняется каждый из временных эталонов, какими основными признаками будет он характеризоваться. Временные представления у детей развиваются произвольно, в процессе долговременных сопоставлений, практического опыта, изучения других величин. Для развития временных представлений используется решение задач на вычисление продолжительности событий, его начала и конца [11, с. 15].

Раскрытию вопроса формирования у младших школьников научных представлений о пространстве и времени посвящено исследование Е. Ф. Козиной. Ею были определены уровни, критерии и показатели сформированности у младших школьников научных представлений о пространстве и времени. Анализ психолого-педагогических исследований по проблеме формирования временных представлений у детей позволил прийти к выводу о том, что для образования элементарных знаний о времени необходимо первоначальное накопление большого количества конкретных представлений о явлениях окружающего мира, формирование чувства времени [10].

А. Ю. Кузина полагает, что предметы прошлого представляют собой продукты материальной культуры, которые в наиболее наглядной, вещественной форме несут в себе типичные черты человеческих творений, и в которых кристаллизировано общественное содержание. Следовательно, историческим знаниям о предметном мире свойственна аккумулирующая функция: отражение типичных черт человеческих творений в наиболее наглядной, вещественной форме [11, с. 11].

Большим мастерством и опытом работы с детской аудиторией должен обладать музейный сотрудник при организации опытно-экспериментальной деятельности, в основу которой положен принцип прогнозирования, видения предметов и явлений окружающего мира в их развитии. Проводя опыты и экспериментируя, ребёнок проявляет активность и творчество при ознакомлении с предметным миром, при этом демонстрируя знания о прошлом и настоящем. Вопросы, поставленные сотрудником, формируют у детей умения рассматривать окружающие предметы во взаимосвязях «человек – предмет», «ребёнок – предмет». Объединить отдельные свойства предметов и создать целостный образ помогает восприятие – процесс отражения человеком предметов и явлений окружающего мира при их непосредственном воздействии на органы чувств. При этом сотрудники понимают, что предметы экспозиции изъяты из своей среды, а значит, функциональное назначение его становится второстепенным, главным является его значение как памятника истории и культуры.

Например, с помощью дидактической игры «Что сначала, что потом?» (используется в комплексе «Звуковоспроизводящие аппараты») сотрудники формируют умения устанавливать причинно-следственные связи, видеть предмет в призме «прошлого времени», «настоящего» и «будущего». В этом случае можно уже говорить о формировании у детей младшего школьного возраста исторических знаний.

Известный музеевед Б. А. Столяров определяет потенциальные свойства исторических знаний: эпистемные (отражают социальную роль человека в преобразовании материального мира, преемственность поколений), инструментальные (раскрывают причины и следствия преобразования человеком предметного мира), аксиологические (побуждают к оценочным суждениям и ценностным отношениям), рефлексивные (отражают прошлое, настоящее и способствуют развитию способности к прогнозированию будущего предмета). Эти исторические знания, по мнению учёного, обеспечивают развитие у ребёнка старшего дошкольного и младшего школьного возраста познавательного интереса к истории предметного мира [14, с. 99].

Встреча ребёнка дошкольного возраста, младшего школьника с музейно-образовательным пространством Детского музея — событие. Для того чтобы оно было эффективным, музейный сотрудник должен ориентироваться в психологических возрастных характеристиках и чётко представлять задачи, содержание работы, формы и методы её реализации. Сотрудник музея понимает, что каждый ребёнок в группе, будь это старший дошкольник или ученик младших классов, обладает определённой информационной и компьютерной грамотностью, бытовой и коммуникативной грамотностью, имеет индивидуальные психологические особенности [8].

Учитывая эти положения, сотрудники Детского музея в работе с посетителем включают в структуру музейно-педагогических занятий видеосюжеты, мультимедийные игры музейной направленности, используют игры на интерактивном столе, которые позволяют разгружать маленького посетителя «от музейной усталости», а также удерживать внимание с помощью новых технологий, привычных современному ученику.

Уровень профессиональной компетентности музейного сотрудника заключается и в том, как он организует двунаправленный процесс коммуникации, который заключается не только в подаче информационного материала, но и в том, как он организует детей для подачи с их стороны собственной интерпретации в зависимости от возраста и личного опыта, другими словами — проявляет творческую активность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ананьев, Б. Г. Пространственное различие / Б. Г. Ананьев. — Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1955. — 187 с.
2. Брусова, Г. В. «Детям о времени» по формированию представлений о времени у детей среднего дошкольного возраста [Электронный ресурс] / Б. Г. Брусова, В. В. Новикова. — Режим доступа: <https://ds43.centerstart.ru/sites/ds43.centerstart.ru/files/archive/детям%20о%20времени%20сайт.pdf?ysclid=lty1lx0pt1493337031>. — Дата доступа: 22.01.2024.
3. Варанецкая-Лосик, Е. И. Познаю рукотворный мир. Рабочая тетрадь дошкольника / Е. И. Варанецкая-Лосик, Н. В. Литвинова. — Мозырь : Выснова, 2019. — 72 с.
4. Вучэбная праграма па вучэбным прадмеце «Працоўнае навучанне» для I–IV класаў устаноў адукацыі, якія рэалізуюць адукацыйныя праграмы агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання і выхавання [Электронны рэсурс]. — Рэжым доступа: <https://adu.by/images/2023/11/up-trudy-1-4-bel.pdf>. — Дата доступа: 10.01.2024.
5. Дубинина, Д. Н. Мир вокруг меня : учеб.-метод. пособие для педагогов, руководителей учреждений, обеспеч. получение дошк. образования, с рус. яз. обучения / Д. Н. Дубинина. — Минск : НИО, 2006. — 120 с.
6. Дыбина, О. В. Формирование творчества у детей дошкольного возраста в процессе ознакомления с предметным миром : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.07 ; 13.00.08 / О. В. Дыбина. — М. : ООО «Сигналь», 2002. — 45 с.
7. Дыбина, О. В. Что было до... Игры в прошлое предметов / О. В. Дыбина. — М. : Сфера, 2010. — 160 с.
8. Кемельбекова, Г. А. Особенности формирования функциональной грамотности учащихся по предметам гуманитарного цикла [Электронный ресурс] / Г. А. Кемельбекова. — Режим доступа: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/187/9552/?ysclid=ltxz4ukpu7563398559>. — Дата доступа: 21.11.2023.

9. Ковригина, Л. В. Вербализация временных представлений у младших школьников: онтогенетический и дизонтогенетический аспекты / Л. В. Ковригина // Педагогика: история, перспективы. — 2022. — Т. 5. — С. 71–86.
10. Козина Е. Ф. Методика ознакомления с окружающим миром в дошкольном возрасте [Электронный ресурс] / Е. Ф. Козина. — Режим доступа: <https://www.livelib.ru/book/150789/readpart-metodika-oznakomleniya-s-okruzhayuschim-mirom-v-predshkolnom-vozraste-e-f-kozina/~4?ysclid=lu6kell3i8743398006>. — Дата доступа: 22.11.2023.
11. Кузина, А. Ю. Развитие у старших дошкольников познавательного интереса к истории предметного мира в проектной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.07 / А. Ю. Кузина ; Рос. гос. ун-т им. А. И. Герцена. — СПб., 2009. — 23 с.
12. Типовы вучэбны план дашкольнай адукацыі [Электронны рэсурс] : пастанова ад 12 мая 2023 г. № 152. — Рэжым доступа: <https://dcr7volk.by/assets/files/tipovoj-plan-2023.pdf>. — Дата доступа: 21.11.2023.
13. Рихтерман, Т. Д. Формирование представлений о времени у детей дошкольного возраста : пособие для воспитателей дет. сада / Т. Д. Рихтерман. — М. : Просвещение, 1982. — 48 с.
14. Столяров, Б. А. Педагогические аспекты образовательной деятельности музея : учеб. пособие для музейных педагогов и студентов гуманитарно-художественных вузов / Б. А. Столяров. — СПб. : ГРМ, 2013. — 316 с.
15. Троянская, С. Л. Музейная педагогика и ее образовательные возможности в развитии общекультурной компетентности : учеб. пособие / Л. С. Троянская. — Ижевск : Ассоциация «Научная книга», 2007. — 139 с.
16. Учебная программа по учебному предмету «Математика» для I–IV классов учреждений образования, реализующих образовательные программы общего среднего образования с русским языком обучения и воспитания [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://adu.by/images/2023/11/UP-Matem-1-4-2023.pdf>. — Дата доступа: 22.01.2024.
17. Факторы развития профессионального мастерства музейного специалиста [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://studopedia.net/20_54479_faktori-razvitiya-professionalnogo-masterstva-muzeynogo-spetsialista.html?ysclid=lty0if5ty6361475369. — Дата доступа: 10.01.2024.
18. Чуднова, Р. Обучение детей ориентировке во времени / Р. Чуднова // Дошкольное воспитание. — 1979. — № 1. — С. 24–29.

Смирнова Татьяна Рафаиловна,
заведующий Детским музеем — филиалом НПИКМЗ

УДК 902.2(476.5-21Полоцк)

А. А. Соловьёв

ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ ЧАСТИ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ РЕКИ ЗАПАДНОЙ ДВИНЫ В РАЙОНЕ ДОМА № 6 ПО УЛ. НИЖНЕ-ПОКРОВСКОЙ В г. ПОЛОЦКЕ

Представлены результаты исследования культурного слоя траншеи на берегу реки Западной Двины, выявленной в районе дома № 6 по ул. Нижне-Покровской в г. Полоцке. В ходе проведённых автором археологических работ на данном участке обнаружен непо потревоженный культурный слой, содержащий ряд артефактов XI – начала XX в. В числе наиболее ранних находок, относящихся к эпохе Полоцкого княжества, значительную часть составляют предметы импорта, связанные с торговыми путями, издревле проходившими по р. Западной Двине. Большинство артефактов, относящихся к эпохе Великого Княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи, связаны с разновременной городской усадебной застройкой, прилегающей к месту исследования.

Ключевые слова: ул. Нижне-Покровская, ул. Ленина, ритуальная булава, кладка свода в «ёлку», изразцы, война 1812 г., полихромные бусины.

Изученный нами участок береговой линии реки Западной Двины расположен в пределах исторического центра г. Полоцка, на территории бывшего Великого посада – крупнейшего торгово-ремесленного района города XI–XVIII вв. В числе мест наиболее активного ведения торговли были не только рыночные площади и центральные улицы города, но и пологий берег реки, удобный для причаливания водного транспорта.

Природные и исторические катаклизмы, происходившие в жизни г. Полоцка на протяжении веков, приводили к трансформации городской прибрежной застройки и инфраструктуры. В результате древний рельеф береговой линии был в значительной степени изменён – засыпаны «взвозы» (участки улиц, где был организован подход к реке), постепенно срослись в единый уступ «венки» (выступы береговых надпойменных террас между «взвозами»). Указанные процессы позволили значительно уплотнить и расширить прибрежную усадебную застройку по южной стороне современной ул. Нижне-Покровской.

Указанная улица является одной из древнейших в г. Полоцке. По данным исторических источников XVI–XVIII вв., она известна как ул. Великая, поскольку со второй половины XVII в. напрямую связывала Великий посад с Верхним замком и Заполотьем. Своё начало улица брала за курганным некрополем (так называемыми «Горами Болгарейскими»), примыкавшим с востока к Великому посаду в районе современной ул. Свердлова. Проходя у подножия Замковой горы по берегу реки Западной Двины, улица завершалась дорогой на Дриссу, выходившей за линию укреплений Заполотского посада с западной стороны (в районе современной ул. Гастелло). После 1781 г. ул. Великая была переименована в ул. Нижне-Покровскую. С 1920-х до начала 2000-х гг. носила название «Ленина», а в начале 2000-х гг. ей было возвращено наименование «Нижне-Покровская».

Активные нивелировочные и строительные работы в районе ул. Великой (затем – Нижне-Покровской) привели к значительному нарастанию культурного слоя, формированию современных очертаний и рельефа береговой линии в пределах бывшего Великого посада, что отражают фотографии панорамы Полоцка XIX – начала XX в.

В прибрежном культурном слое обнаруживается ряд уникальных артефактов, которые крайне редко выявляются при археологических исследованиях других частей города. В этой связи береговая линия реки Западной Двины является объектом повышенного интереса как со стороны профессиональных археологов и краеведов, так и со стороны «чернокопателей».

Весной 1999 г. на берегу реки Западной Двины автором был обнаружен обширный участок размытого склона напротив дома № 6 по ул. Нижне-Покровской (тогда ул. Ленина). Размыв образовался в результате вывода канализационной трубы с горячими стоками; под их активным воздействием на

поверхности грунта сформировалась своеобразная траншея, на дне которой обнажился культурный слой, насыщенный артефактами.

На момент обнаружения глубина промоины составляла более 2,0 м, наиболее отчётливый рисунок стратиграфии культурного слоя прослежен в северной части размыва, у самой трубы. Непосредственно на береговом склоне реки, имевшем уклон около 20–30° от линии горизонта, напластования культурных отложений были перемешаны, поэтому культурный слой на данном участке размыва имел балластный характер и содержал массу разновременных находок.

В ходе проводимых исследований автором осуществлялась фиксация и привязка сохранившихся участков стратиграфии культурного слоя, а также сбор артефактов на дне промоины (рис. 1).

Усадьба, расположенная выше изучаемого участка, имеет обширную и относительно ровную территорию с уклоном в сторону реки. Основным элементом существующей застройки является дом № 6, расположенный по «красной линии» ул. Нижне-Покровской. Указанный дом входит в состав исторической застройки улицы конца XVIII – начала XX в., включённой в Государственный список историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

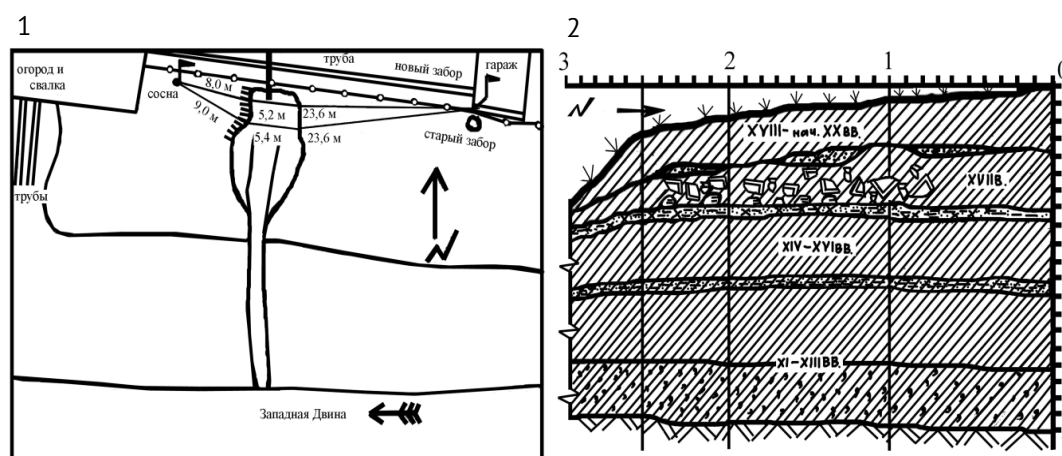

Рисунок 1 – 1 – план привязки исследованного участка берега (отмечен штрихами);
2 – участок стратиграфии культурного слоя западной стенки траншеи

В настоящее время дом № 6 по ул. Нижне-Покровской состоит из двух частей, построенных в разное время. Восточная часть здания автором не обследовалась, но, судя по архитектурному убранству фасадов, она была возведена в конце XIX – начале XX в. Большой интерес представляет западная часть дома в виде деревянного сруба на высоком кирпичном основании с подвалом, в котором частично сохранились своды. По составу раствора и габаритам кирпича сводов подвала их возведение можно отнести к первой половине XIX в. Особенности кладок северного помещения подвала, проёмов его стен и сводов схожи с конструкциями подвалов зданий XVII–XVIII вв., для которых характерны глубокие арочные ниши в стенах, тип кладки свода в «ёлку», конструкция подоконников и порогов из кирпича, поставленного на кромку. В частности, ряд аналогичных конструктивных решений выявлен при исследовании подвалов бывших корпусов Полоцкого иезуитского коллегия, а также дома № 35 по ул. Нижне-Покровской. Последний возведён в качестве каменного амбара в середине XIX в. с применением конструктивных решений XVII–XVIII вв.; в конце XIX – начале XX в. амбар был перестроен в жилой дом [15, с. 85, 87].

Один из входных проёмов в подвальном помещении дома № 6 по ул. Нижне-Покровской сохранил старинную дверную коробку с первоначальными завесами на кованых крюках (дверное полотно – позднее). Дополнительный вход в помещение располагался в западной стене, но в настоящее время он заложен. В окне сохранилась кованая решётка, вмурованная в кладку при возведении стены (рис. 2), сам оконный проём был закрыт стеной восточной части подвала, возведённой в конце XIX – начале XX в.

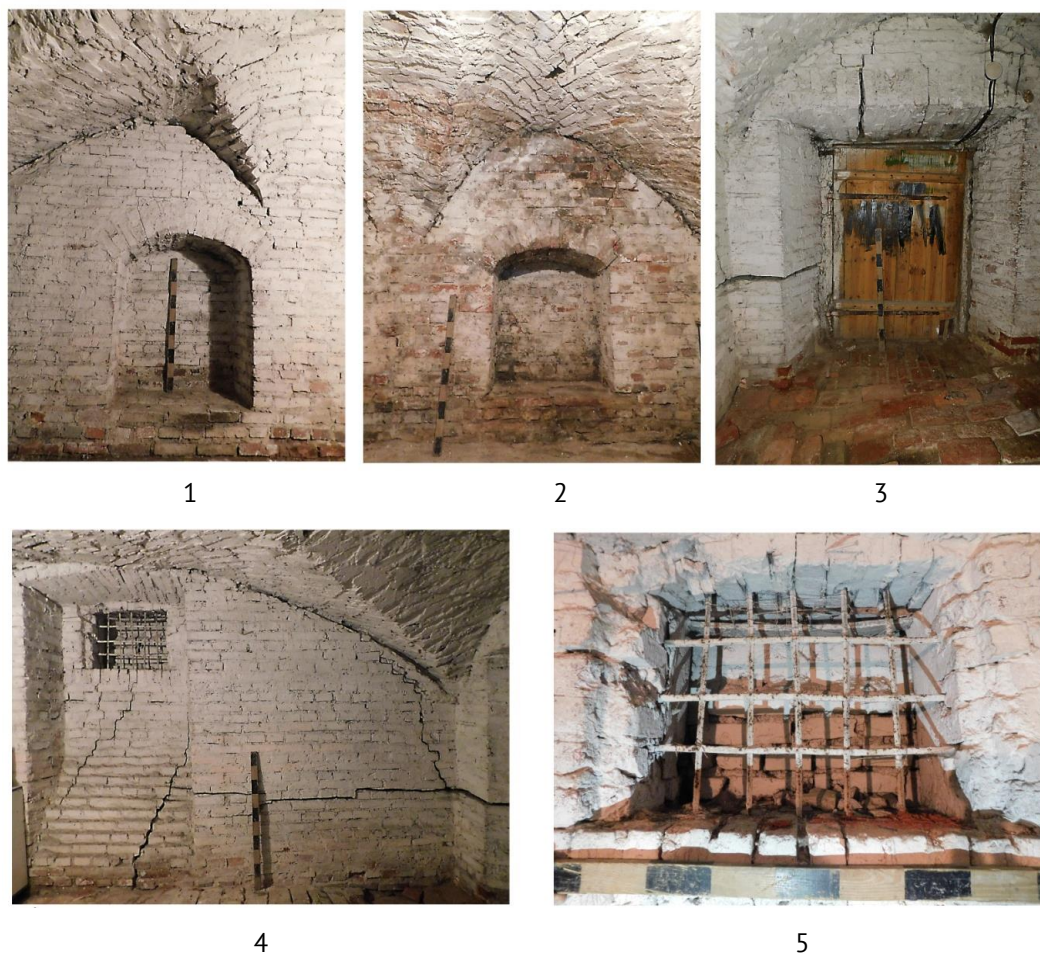

Рисунок 2 — Северное помещение подвала дома № 6 по ул. Нижне-Покровской:

1 и 2 — распалубки сводов и участки западной и северной стен с нишами;

3 — южный вход в подвал с первоначальными порогом и дверной коробкой с коваными завесами первой половины XIX в.; 4 и 5 — восточная стена с окном и кованой решёткой первой половины XIX в.

Следует отметить, что в конце XIX — начале XX в. застройка усадебного участка, прилегающего к месту исследования, была более плотной. Так, на photographиях панорамы Полоцка начала XX в. у самого склона берега зафиксирован Г-образный деревянный дом с белыми ставнями, над западной частью которого находился второй этаж. Ещё один дом на высоком основании располагался восточнее указанного выше, его западная стена была в створе стыка деревянной и кирпичной частей существующего дома № 6 по ул. Нижне-Покровской [8, с. 42, 138–140].

Обнаруженная нами в 1999 г. промоина грунта располагалась между двумя несохранившимися до настоящего времени деревянными домами. Таким образом, ряд артефактов XIX — начала XX в., находящихся на изучаемом участке берега реки Западной Двины, связан, вероятно, с жильцами этих зданий.

Стратиграфия культурного слоя. В целях изучения сохранившейся стратиграфии культурного слоя был зачищен участок западной стенки промоины у сливной трубы. Длина участка составила 300 см, дневная поверхность на отрезке — около 250 см, имелся незначительный уклон в южном направлении и перепад высот около 30 см, далее уклон берега в сторону реки Западной Двины был намного значительнее и достигал около 30–45°.

Выявлена следующая стратиграфия указанного участка: под дёрном находился слой серой земли толщиной 30–35 см (на склоне его толщина составляла около 5 см) с уклоном в сторону реки (перепад высот составлял по нижней границе около 5–7 см). От нижележащего слоя пласт земли отделяли прослойки извести с песком и глиной, находившиеся в одной плоскости и напоминавшие в разрезе

линзы (толщина прослоек — 5–7 см, длина — 60–80 см). Расположенный ниже второй слой серой земли был толщиной от 20 до 35 см, на склоне его толщина составляла около 10 см. В нижней части данного слоя выявлена россыпь расколотых камней от 5 до 10 см в диаметре. Ближе к склону берега реки в данном слое (над камнями) прослежено скопление артефактов начала — середины XVII в. — это фрагменты изразцов, стеклянной и керамической посуды. Там же найдены обломки костей домашних животных (рис. 3).

Рисунок 3 — Фрагменты изразцов и посуды начала — середины XVII в.:
 1 — изразец с изображением гусара; 2 — изразец с геральдическими мотивами;
 3 — изразец-коронка; 4 — карниз с аркатурным узором; 5, 6 — тарелки; 7, 8 — горшки

В числе выявленных изразцов представляют интерес практически полностью собранные стеновые изделия с изображением гусара и геральдическими мотивами. Они имели высокие румпы, что позволяло использовать изразцы в качестве самостоятельного строительного материала (рис. 3: 1 и 2). Фрагмент подобного изразца с изображением гусара выявлен нами при изучении культурного слоя на территории бывшего Полоцкого иезуитского коллегиума. Также ряд фрагментов схожих пластин обнаружен автором при археологических исследованиях траншеи на проспекте Ф. Скорины в г. Полоцке в районе домов № 1 и № 3 [5, с. 248: рис. 8: 1 и 249; 12, с. 17: рис. 7: 8].

Кроме стеновых изделий, выявлены практически цельные зелёно-глазурованные изразцы-коронки с прорезным и рельефным геометрическим узором (рис. 3: 3). Надо отметить, что по исполнению, формату и характеру глазурей все найденные изделия имеют значимые отличия (КП 22759; КП 22760; КП 22765; КП 22766; КП 22801).

Развалы керамической посуды, обнаруженные вместе с изразцами, представлены фрагментами терракотовых сероглиняных и красноглиняных глазурованных изнутри горшков, рукомойника со сложнопрофильным венчиком (реанимация форм горшков XI в.) (рис. 3: 7 и 8), а также зелёно-глазурованных и расписных полихромных тарелок (КП 03604; КВФ 7680; КВФ 7683; КВФ 9202; КВФ 9201).

Кроме керамики, в завале имела и стеклянная посуда (рис. 4). Среди стеклянных изделий представляют интерес фрагменты сосудов для питья разных видов — стаканов, рюмок из прозрачного зеленоватого стекла [13, с. 53: рис. 43: 2 и 3; 2, с. 353]. Некоторые из них имели поддоны с петлевидным

в сечении краем (КП 39689; КП 39693; КВФ 9282; КВ 9286; КВФ 9304; КВФ 9305; КВФ 9306; КВФ 9307; КВФ 9308; КВФ 9309; КВФ 9314). Прямые аналогии посуды такого типа известны не только в материалах периода Речи Посполитой, найденных на территории Беларуси, но и в числе находок на территории Москвы, куда они, вероятно, поставлялись в качестве импорта [7, с. 347: рис. 18]. Кроме изделий из стекла и керамики, в данном слое найдены обломки костей домашних животных.

Рисунок 4 – Стеклянная посуда начала – середины XVII в.:
1–5 – фрагменты стаканов; 6, 7 – фрагменты рюмок

Таким образом, обнаруженный слой серой земли с выявленным в нём скоплением артефактов начала – середины XVII в. мог являться остатками бытовой свалки, располагавшейся за пределами хозяйственного двора одной из городских усадеб по ул. Великой.

Под остатками предполагаемой свалки выявлена прослойка из песка, извести и глины толщиной 5–9 см с уклоном в сторону реки и перепадом высот около 20 см; прослойка прослежена на длину всего изучаемого участка стратиграфии культурного слоя. Под ней вновь следовал слой серой земли толщиной 35–25 см, слой имел небольшой уклон в сторону реки с перепадом высот по верхней границе около 20 см, по нижней – 10 см. Находок в данном слое не выявлено.

Далее вновь следовал слой серой земли толщиной от 35 до 40 см, он также имел небольшой уклон в сторону реки. По верхней границе слоя перепад высот составлял около 10 см, по нижней – практически не прослеживался, поскольку граница с нижележащим слоем была размыта.

Ниже земля имела коричневый (торфяного цвета) оттенок, толщина её слоя составляла 35–40 см, находки отсутствовали. Данный пласт перекрывал материк, имевший практически ровную, без уклонов и ям, поверхность. Глубина залегания материка составляла 150–200 см от дневной поверхности, на изучаемом участке он представлен песком и суглинком.

В результате зачистки восточной стенки промоины (около сливной трубы) нами был изучен ещё один участок с неповреждённым культурным слоем длиной около 400 см. В отличие от противоположного, западного участка, он не имел столь выразительной стратиграфии культурных отложений и значимых артефактов. Под дёрном начинался слой серой земли толщиной от 45 до 85 см, который включал в себя культурные отложения с материалами XVII и XX вв., при этом чёткой границы между слоями не прослежено. Зачищенный слой имел уклон в сторону реки с перепадом высот дневной поверхности около 60 см, находок при зачистке слоя выявить не удалось.

Нижней границей данного пласта являлась прослойка извести толщиной 5–7 см, также имевшей уклон в сторону реки (перепад высот около 20 см). Артефакты в данном слое не обнаружены.

Далее следовал пласт серой земли толщиной от 25 до 30 см с аналогичным уклоном в сторону реки (перепад высот составлял около 20 см).

На данном уровне найдены фрагменты горшка, гребень и часть рога с вырезанным знаком, датируемая XII–XIII вв. [1, с. 401: мал. 110, 430] (рис. 5: 2). Нижней границей данного слоя являлась про-

слойка песка толщиной 5–7 см с уклоном в сторону реки, которую удалось проследить на 320 см (перепад высот прослойки составлял около 20 см), артефакты не обнаружены.

Рисунок 5 — Артефакты XI–XII вв. со дна траншеи: 1 — стенка амфоры; 2 — гребень; 3 — донцы горшков; 5 — ритуальная(?) булава

Далее следовал слой серой земли толщиной 30–40 см с уклоном в сторону реки и перепадом высот сверху — 20 см, внизу — 30 см. Ниже, вплоть до материка, следовал очень плотный слой коричневой земли толщиной 15 см, находок в нём не выявлено. Материк представлен суглинком и песком. С данными двумя слоями связаны обнаружившиеся при их размыве донце горшка с клеймом, бронзовая булава и пряслице XI–XII вв. (КП 30604; КП 36139) [1, с. 385, 422] (рис. 5: 3–5). Сохранившийся рисунок стратиграфии культурных отложений прослежен на расстоянии до 300–400 см от сливной трубы в южном направлении.

При изучении остальной части берегового склона, прорезанного промоиной, стратиграфию культурного слоя проследить не удалось, он имел балластный характер.

Изучение отложений на дне траншеи. Обрушения изученных нами участков культурного слоя в результате размывов сточными водами, а также под воздействием атмосферных осадков, сезонных разливов реки и пр., приводили к смещению и перемешиванию находок в пластах земли. В этой связи большинство артефактов выявлены нами на дне траншеи и не имеют привязки к конкретным слоям.

В числе находок XI–XIII вв., собранных в наносах траншеи, большинство составляют пряслица (рис. 6: 1–7), обломки стеклянных браслетов и перстней (рис. 6: 8–10, 13, 14), наконечники стрел. При этом фрагментов посуды найдено сравнительно немного. Редкими находками импортного происхождения являются образцы стеклянных и керамических полихромных бусин (рис. 6: 20–23), части стенок амфор (рис. 5: 1), а также коромысло от ювелирных весов (рис. 6: 19) (КП 36132; КП 36139; КП 36140; КП 36141; КП 36142; КП 36154; КП 36156; КП 36162; КП 36164; КП 36165; КП 36170; КП 36172; КП 36184; КП 36186; КП 36187; КП 36189; КП 36191; КП 36190; КП 36205; КВФ 7604; КВФ 7690; КВФ 7696; КВФ 9031; КВФ 9032; КВФ 9196; КВФ 9197; КВФ 10124) [1, с. 386, 397–400, 422, 446, 448]. Столь значительная концентрация артефактов импортного происхождения, отложившихся на

берегу реки далеко за пределами усадеб горожан, может указывать на их связь с водными торговыми путями, проходившими по реке Западной Двине.

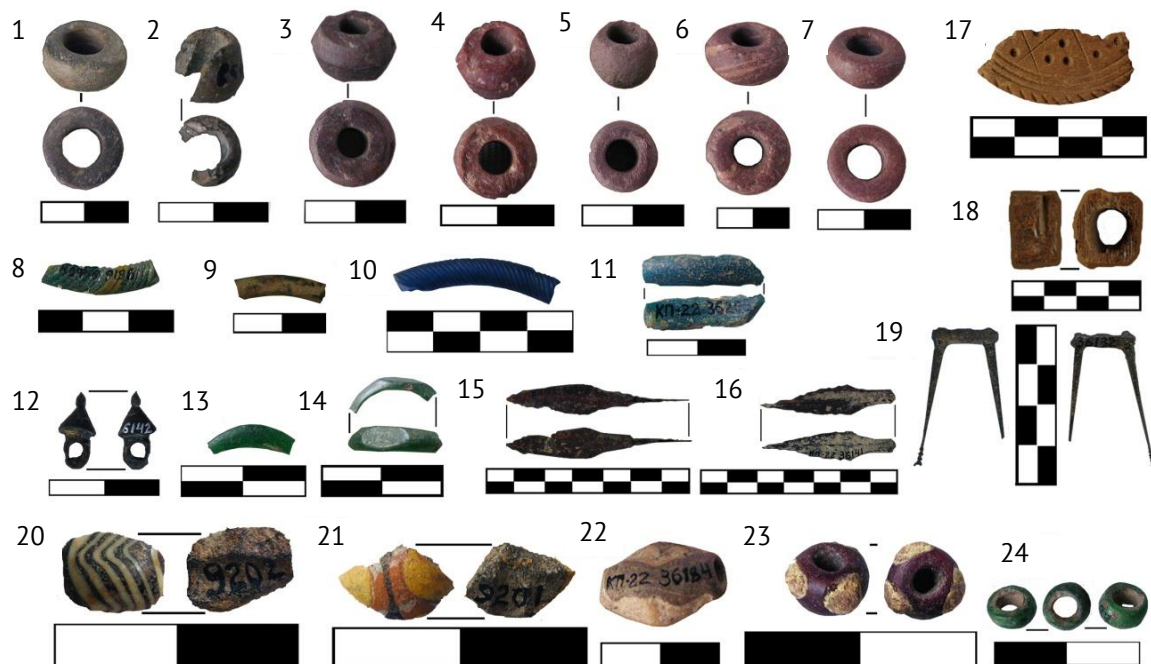

Рисунок 6 – Артефакты XI–XII вв. со дна траншеи: 1–7 – пряслица; 8–11 – браслеты;
 12 – пуговица-подвеска; 13–14 – перстни; 15–16 – наконечники стрел;
 17–18 – костяные изделия; 19 – коромысло весов; 20–24 – бусины

Находок, датируемых XIV–XVII вв., выявлено сравнительно немного. Наибольший интерес среди них представляют: полукруглый в сечении гребень с графито, лучник, обломок тигля и литейной формы для отливки перстня с имитацией зерни(?), обрамлявшей оправу вокруг вставки (рис. 7: 8). Единственным найденным предметом импортного происхождения является вставка от перстня с равноконечным крестом (рис. 7: 6) (КП 36136; КП 36137; КП 36138; КП 36150; КП 36183) [2, с. 373, 377]. Особый интерес представляет накладка от сумочки (рис. 7: 7), которая по данным И. В. Магалинского имела широкое распространение как на территории Беларуси, так и на территории Литвы и Латвии. Реконструкция набора металлических частей и воссоздание внешнего вида подобной сумочки выполнены Л. В. Колединским по материалам из раскопок г. Минска. Такие изделия использовались для подвешивания к поясу владельца [9, с. 66–67; 3, с. 161]. Значительное количество обнаруженных нами предметов XIV–XVII вв., связанных с различными видами ремесленной деятельности и домашнего обихода, а также отсутствие в числе находок предметов импорта может говорить о существенном снижении торговой роли реки Западной Двины в социально-экономическом развитии города (рис. 7: 6).

На изучаемом нами участке достаточно обширно представлен археологическими находками период Речи Посполитой.

Так, на дне промоины найдены фрагменты карнизного изразца с «аркатурным» орнаментом, обломки свистулек (рис. 7: 11) и керамических люлек, фигурная пряжка, фрагменты стеклянных сосудов с наклепными украшениями (рис. 7: 9 и 10), накладки (рис. 7: 1, 5 и 12), карабин и цепочка из цветных металлов, обувные подковки (рис. 7: 4), пули, ключи, замки, относящиеся к XVII–XVIII вв. (КП 22158; КП 22994; КП 45829; КП 45831; КП 45832; КП 45833; КП 47280; КП 47281; КП 47294; КП 48636; КП 48639; КВФ 4348; КВФ 4349; КВФ 4624; КВФ 7696; КВФ 9207; КВФ 10982; КВФ 10988) [13, с. 273–274, 291–293, 315, 353]. В числе металлических изделий особый интерес представляет ажурная пряжка с инкрустацией, имеющая прямые аналогии в материалах из раскопок г. Смоленска, где датирована 30-ми гг. XVII – первой половиной XVIII в. [4, с. 209: рис. 15: 13; 10, с. 301: рис. 7: 12] (рис. 7: 2).

Рисунок 7 – Артефакты XIV – начала XIX в. со дна траншеи: 1, 5, 7 – накладки; 3 – люлька от курительной трубки; 4 – подкова; 6 – вставка от перстня; 8 – литейная форма (для перстня); 9 – стенка от «рёммера»; 10 – стенка от штофа; 11 – свистулька; 12 – накладка от ножа

Среди стеклянных изделий редкой находкой стал фрагмент ножки «рёммера» с наклепным узором (рис. 7: 9). Предмет имеет аналогии в материалах Западной Европы, где подобные сосуды производились в стекольных мастерских, а также в материалах Москвы, куда они могли ввозиться иностранцами. Фигурная ножка рюмки XVII – начала XVIII в. относилась к достаточно распространённому типу подобных изделий, находимых при раскопках на территории Речи Посполитой. Выявленные сосуды, так же как и «рёммеры», имеют аналогии в материалах из раскопок г. Москвы, где датированы первой половиной XVIII в. [7, с. 324: рис. 1: 1–4, 327: рис. 3: 3].

Период последней четверти XVIII – начала XIX в. также представлен рядом находок, в числе которых преобладают предметы быта. Среди них интересны артефакты из цветных и чёрных металлов, собранные на дне траншеи, – ключи от дверей и мебели, ажурная накладка в стиле рококо (КП 47282; КП 47283; КП 47284; КП 47286; КП 47287; КП 47288; КВФ 9212). Там же найдена практически целая люлька с неразборчивым изображением на овальном клейме. Предмет, вероятно, «турецкого» типа (рис. 7: 3), имеет близкие аналогии в материалах Костромы, датируется началом XIX в. [11, с. 369 и 361: рис. 4, с. 1 и 6].

С событиями войны 1812 г. связан фрагмент ополченского знака в виде креста с надписью «За веру и отечество», который нашивался на головной убор (КП 45830). К этому же времени относятся несколько свинцовых пуль и костяная пуговица, имеющая аналогии в материалах из раскопок на Бородинском поле (КВФ 9224; КП 36143; КП 36144) [17, с. 536–537] (рис. 8).

Рисунок 8 — Артефакты конца XVIII — начала XIX в. со дна траншеи:
1 — лопасть ополченского креста 1812 г.; 2–4 — пули; 5 — пуговица; 6 — накладка

Отдельные артефакты, найденные на размытом участке склона, предположительно относятся к дому № 6 по ул. Нижне-Покровской (к его западной части). Это фрагменты изразцов, сочетающих черты карниза и перемычки. Подобные изделия (часть изразцового набора печи 30–60-х годов XIX в.) встречены в материалах Полоцкого иезуитского коллегіума, они связаны с перестройкой зданий для последующего размещения в них Полоцкого кадетского корпуса (КП 22767) [14, с. 165: рис. 9].

Рисунок 9 — Пломбы конца XIX — начала XX вв. со дна траншеи

В числе наиболее поздних выявленных артефактов большой интерес представляет коллекция товарных пломб конца XIX — XX в. Часть из них относилась к московскому товариществу (чаеоторговой компании) братьев Константина и Семёна Поповых (рис. 9: 1 и 2), имелись также образцы, принадле-

жавшие варшавской фабрике галстуков А. Зака (рис. 9: 3). Часть находок связана с торговой деятельностью предприятий польского города Жирардув, где находилось Общество Жирардовских текстильных мануфактур Гилле и Дитриха. Один из фирменных магазинов по продаже льняных и хлопчатобумажных тканей располагался в г. Витебске [6, с. 54] (рис. 9: 4). Также найдены две таможенные пломбы, одна из которых относилась к Вержболовской таможне (г. Вирбалис на территории современной Литвы), датирована 1884 г., вторая — к Таурогской таможне (г. Таураге на территории современной Литвы), датирована XIX в. [16, с. 459 и 465] (рис. 9: 5). Кроме того, в числе находок: пуговицы, относящиеся к форме чиновников военных и гражданских ведомств (рис. 10: 1–6), накладка с надписью «PATENT» (КП 46998–47017; КП 45828; КП 47289; КП 47290; КП 47291; КП 47293; КВФ 921–9224) (рис. 10: 7).

Рисунок 10 – 1–6 – форменные пуговицы; 7 – накладка

Таким образом, изучение стратиграфии культурного слоя участка берегового склона в районе дома № 6 по ул. Нижне-Покровской в г. Полоцке позволило сделать следующие выводы:

- в XI–XVII вв. прибрежная зона реки Западной Двины в границах Великого посада являлась местом активной торговли. Об этом свидетельствуют выявленные многочисленные находки привозных предметов — пряслиц, обломков амфор, браслетов и перстней, наконечников стрел, а также редкие изделия, такие как коромысло ювелирных весов, стеклянные и керамические полихромные бусины, навершие ритуальной(?) булавы. Более поздние артефакты представлены предметами из кости и цветных металлов — разнообразными накладками на кожаные, металлические и деревянные изделия. Характер выявленной стратиграфии отложений культурного слоя на изученной территории говорит об отсутствии на ней какой-либо стационарной застройки (вероятно, из-за регулярного сезонного затопления берегов). Городская усадебная застройка была сосредоточена выше — в районе современной ул. Нижне-Покровской. Ближе к реке в основном располагались огороды и лёгкие хозяйственные постройки, следы которых археологически не выявлены;
- скопление артефактов первой половины XVII в. в западном профиле исследованной траншеи — обломки изразцов, керамической и стеклянной посуды, перемешанные с довольно однородной серой землёй и расколотыми камнями — предположительно является остатками бытовой свалки, располагавшейся в дальней части (в тылу) одной из городских усадеб;

- на протяжении XVII в. торговая деятельность в прибрежной части реки Западной Двины существенно сокращается, перемещаясь на рыночные площади и центральные городские улицы;
- культурный слой, содержащий артефакты XI — середины XIX в., отложился в основном на склоне берега реки Западной Двины. Поскольку изучаемая территория располагалась на периферии участков городской усадебной застройки, выявленные здесь находки предположительно связаны со свалками бытовых отходов и строительного мусора;
- часть найденных артефактов середины XIX—XX в. вероятно связана с сохранившимся до настоящего времени домом № 6 по ул. Нижне-Покровской, некоторые предметы, предположительно, относились к утраченной деревянной застройке, располагавшейся по южной стороне участка указанного домовладения на краю речной террасы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Археалогія Беларусі : у 4 т. — Мінск, 2000. — Т. 3. Помнікі IX—XIII стст. — 554 с. : іл.
2. Археалогія Беларусі : у 4 т. — Мінск, 2001. — Т. 4. Помнікі XIV—XVIII стст. — 597 с. : іл.
3. Археологическое наследие Беларуси = Archeological heritage of Belarus / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории ; сост., авт. вступ. ст. О. Н. Левко ; науч. ред.: А. А. Коваленя, О. Н. Левко. — 2-е изд., испр. и доп. — Минск : Беларус. навука, 2020. — 200 с. : ил.
4. Алексеев, А. В. Стратиграфия и хронология селища Игнатьево-2 по материалам охранных раскопок 2015 года / А. В. Алексеев, А. Н. Смирнов // Археология Подмоскoвья : материалы науч. семинара. Вып. 15. — М. : Ин-т археол. РАН, 2019. — С. 189—213.
5. Дук, Д. В. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI—XVIII вв. (по итогам археологического надзора на территории Великого посада в 2000—2002 гг.) / Д. В. Дук, А. А. Соловьёв // ГАЗ. — 2004. — № 19 — С. 241—250.
6. Калбеко, Л. Г. Товарные пломбы XIX — начала XX в. с территории Полоцка (из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника) [Электронны рэсурс] / Л. Г. Калбеко // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-заповедніка ў 2020 г.) / уклад. Т. У. Явіч ; навук. рэд. Т. А. Джумантаева. — Наваполацк, 2022. — С. 52—54.
7. Лихтер, Ю. А. Сосуды из раскопок археологической службы Москвы (1989—2015): открытые формы / Ю. А. Лихтер // Археология Подмоскoвья : материалы науч. семинара. Вып. 16. — М. : Ин-т археол. РАН, 2020. — С. 322—350 ; цв. ил.
8. Ліхадзедаў, У. А. Полацк. Першая сталіца = Полоцк. Первая столица = Polotsk. First capital [фотаальбом] / У. А. Ліхадзедаў. — Мінск : Белстан, 2022. — 288 с. — (У пошуках страчанага).
9. Магалінскі, І. У. Металічныя дэталі скураных сумак XIV—XVII стст. у фондах НПГКМЗ / І. У. Магалінскі // Полацкі музейны штогоднік. — Полацк, 2013. — С. 65—69.
10. Пронин, Г. Н. Питейные заведения Смоленска XVII — первой половины XVIII века (по археологическим данным) / Г. Н. Пронин, Ю. Н. Шорин // Археология Подмоскoвья : материалы науч. семинара. Вып. 15. — М. : Ин-т археол. РАН, 2019. — С. 291—315.
11. Сатурин, А. А. «Турецкие» курительные трубки из собрания Костромского музея-заповедника / А. А. Сатурин // Археология Подмоскoвья : материалы науч. семинара. Вып. 16. — М. : Ин-т археол. РАН, 2020. — С. 351—367.

12. Соловьёв, А. А. Изразцы и печи Полоцкого иезуитского коллегиума (конец XVI – 1-я треть XIX в.) : архитектурно-археологический очерк / А. А. Соловьёв. – Полоцк : Полоц. книжн. изд-во, 2013. – 95 с.
13. Соловьёв, А. А. Усадебный комплекс «Домик Петра I в городе Полоцке»: История. Владельцы. Легенды / А. А. Соловьёв. – Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2015. – 123 с.
14. Соловьёв, А. А. Итоги архитектурно-археологического изучения бывшей иезуитской бурсы / А. А. Соловьёв // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. III Міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. / Полацк. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд.: Д. У. Дука, У. А. Лобача, А. І. Корсак. – Наваполацк : ПДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 155–166.
15. Салаўёў, А. А. Гарадская прастора Полацка ў складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) : гістарычныя традыцыі і новыя рэаліі / А. А. Салаўёў // Полацк у святле станаўлення гістарычных і нацыянальных форм беларускай дзяржаўнасці (IX–XX стст.) : манагр. / Д. У. Дук [і інш.]. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2019. – С. 77–96.
16. Шарковская, Н. Ю. Свинцовые пломбы из русла р. Витьба и р. Западная Двина как источник изучения торговых связей Витебска (по материалам последних поступлений УК ВОКМ) / Н. Ю. Шарковская // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы : матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22–23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацк. дзярж. ун-т ; рэдкал. : А. А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – С. 456–482.
17. Янишевский, Б. Е. Костяные пуговицы из раскопок в селе Бородино / Б. Е. Янишевский, О. Б. Янишевский // Археология Подмосковья : материалы науч. семинара. Вып. 11. – М. : Ин-т археол. РАН, 2015. – С. 536–538 ; цв. ил.

Соловьёв Александр Александрович,
магистр исторических наук,
ведущий научный сотрудник научно-реставрационного отдела НПИКМЗ

УДК 356.168

І. В. Сырэвич

ВОЕННЫЙ ПЕРИОД В СУДЬБЕ ВОСПИТАННИКОВ ДЕТСКОГО ДОМА ИМЕНИ ЛЕНИНА В Д. БЫКОВЩИНА ВЕТРИНСКОГО РАЙОНА ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ (1941–1944 гг.)

Данная работа является продолжением темы, посвящённой истории создания и становления детского дома имени В. И. Ленина в деревне Быковщина Ветринского района в 1920–1930-е гг. В исследовании рассказывается о судьбах воспитанников детского дома в период Великой Отечественной войны. Автор опирается на воспоминания бывших воспитанников, работников детского дома, партизан. Актуальность работы состоит в том, что тема Великой Отечественной войны по-прежнему является важной в жизни нашего народа: снимаются фильмы, пишутся воспоминания, вскрываются новые, неизвестные ранее факты о том страшном времени. Собранный в ходе исследования материал используется на выставках, мероприятиях, музейных занятиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, беспризорность, детский дом, воспитанники, подпольщики, партизаны.

В Беларуси в условиях военного времени в советский тыл не успели эвакуировать свыше 100 детских домов. Во время оккупации они стали местом настоящего геноцида подрастающего поколения. Фашистской администрацией перед вражескими солдатами была поставлена задача не оказывать никакой поддержки детским домам. Типичным явлением в них были голод, холод, антисанитария, что приводило к высокой смертности среди детей [2]. Такая же судьба ждала и воспитанников детского дома в Быковщине. Мальчики и девочки пережили 3 года оккупации, ожиданий и надежд. Детский дом стал надёжным приютом для беспризорных ребят, чьи судьбы искалечила война. Только благодаря мужеству, верности профессиональному долгу персонала, помощи партизан и местного населения были спасены жизни многих детей.

Накануне войны в детском доме проживало около 200 ребят разных национальностей (оставшихся по разным причинам без родителей). Директором до войны был Владимир Антонович Комлик. Штат работников насчитывал около 30 человек. В это время в детском доме работали: Григорий Сафонович Василевский, Андрей Антонович Боровицкий, Николай Станиславович Тишкевич, Пётр Фролович Белоусов, Яков Никитич Сильванёнок, Тамара Васильевна Мелешко (Михайлова), Зинаида Марковна Шевчик, Пётр Иванович Волков, Евдокия Михайловна Лобач и другие. Медицинским работником была студентка Зоя Васильевна Михайлова. До войны она окончила четыре курса Минского государственного медицинского института. В мае 1941 г. приехала на практику в Ветринскую больницу, а в начале войны ей предложили работу фельдшера в детском доме. Она согласилась, ведь там были беззащитные дети. Вместе с ней трудилась вожатой студентка 3-го курса педагогического института Ольга Владимировна Разумович [1].

2 июля 1941 г. поздно вечером директору детского дома позвонил председатель Ветринского райисполкома Дмитрий Васильевич Тябут и приказал попытаться эвакуировать воспитанников в советский тыл. Утром 3 июля 1941 г. на 16 подводах с продовольствием и одеждой взрослые и дети отправились в путь. Обоз двинулся на Ветрино, оттуда через Навлицу на Туровлю. Шли ночами, чтобы не попасть под немецкую бомбёжку. По пути подобрали несколько бездомных детей. На подступах к Витебску увидели впервые вражеские машины.

На станции Лосвида ребята увидели группу бойцов Красной Армии, которые стояли под конвоем немецких автоматчиков. Вражеские солдаты стали фотографировать детей для своей фашистской пропаганды. В деревне Довжа немцы трое суток держали детей и работников детдома в солдатской казарме. 11 июля Витебск был оккупирован, дорога на восток была закрыта. За несколько недель попыток прорваться за линию фронта дети выбились из сил, истощали, и руководство детдома приняло решение вернуться в Быковщину [7].

Из воспоминаний М. Т. Кендысь (Хоменковой), воспитанницы 1936–1945 гг. (рис. 1), удалось узнать, что 17 июля детский обоз вернулся в оккупированный Полоцк. Ночевать пришлось на клад-

бище возле железнодорожного моста. Утром немцы всех арестовали и продержали в Доме офицеров две недели. Когда разрешили продолжить путь, обоз пошёл берегом Двины в сторону Экимани. Перевалившись по понтонному мосту на другой берег, переночевали в лесу возле деревни Фариново. В начале августа 1941 г. обессиленные и уставшие дети и персонал вернулись в Быковщину.

Рисунок 1 — Мария Титовна Кендысь (Хоменкова)

Детский дом был пустым. Все продукты и имущество было разграблено. Не осталось ни ложки, ни тарелки, ни подушки. Уничтожена была мебель и всё остальное. После немецкого грабежа остатки имущества разобрали местные жители. Пришлось взрослым и детям ходить по домам и собирать, кто что даст [8].

По воспоминаниям Александры Фёдоровны Ващенко (Черновой), воспитанницы 1934–1942 гг. (рис. 2), в детдом вернулись из-под Витебска 217 ребят. После возвращения в Быковщину директором детского дома стал Григорий Сафонович Василевский. Часто сюда приходили новые дети — и те, у кого погибли родители, и те, кто потерялся в суматохе военного времени. Тяжело было с продуктами, все были обречены на голодную смерть. Первое время выручал огород, посаженный до войны. Персонал вместе с воспитанниками сами убирали рожь, заготавливали сено, ухаживали за скотом. В лесу нашли несколько детдомовских коров, молоко от них отдавали больным воспитанникам. Старшие дети приглядывали за малышами, штопали и стирали им бельё. Некоторые воспитатели из-за трудностей ушли из детского дома [9].

Сложной была зима 1941–1942 гг. В декабре 1941 г. из Полоцкого детдома в Быковщину привезли около 100 малышей. Доставляли их до Ветрино в товарном вагоне, а дальше на подводах. Дети были еле живые, истощённые, болели чесоткой. Выхаживали их воспитатели и старшие воспитанницы Люба Котович, Настя Клёнова и Лёля Бородаченко.

Продуктов не хватало, поэтому приходилось отправлять детей с мешками за 8 км в соседнюю деревню Ольховичи и другие, чтобы раздобыть какую-нибудь еду у местного населения. Иногда старшие дети уходили в западные районы на заработки к зажиточным хозяевам. Немцы узнали об этом и поймали семерых мальчишек. Их привезли в детский дом и избили резиновыми плетями. А остальных предупредили, что если не будут слушаться, то расстреляют [10].

В Ветрино была создана немецкая комендатура, стоял большой отряд вражеских войск и полиции. Как-то работники детского дома Г. С. Василевский, П. Ф. Белоусов, П. И. Волков обратились в Ветринский гарнизон к бургомистру с просьбой оказать голодающим детям помощь продуктами. Было выделено 14 мешков муки. Позже стало известно, что в комендатуре работал свой человек, поэтому детскому дому и была оказана помощь.

Рисунок 2 — Александра Фёдоровна Ващенко (Чернова). С 1942-го года — в партизанах

Детдом находился в стороне от оживлённых магистралей, и до осени 1941 г. жители Быковщины не верили, что на территории республики созданы гетто, что немцы грозили расправой всем, кто будет укрывать евреев. В деревне жили две еврейские семьи: местные жители Маргулисы и семья беженцев из Дисненского района. Однажды в Быковщину приехала к родственникам врач из Ветрино, увидела «неблагоприятную национальную ситуацию» и сообщила об этом немцам. Фашистские каратели расстреляли взрослых и семерых детей. В детском доме тоже были дети еврейской национальности. Директором было составлено два списка воспитанников детского дома. Один — для непрошенных гостей, другой — настоящий. В первом списке не было фамилий еврейских детей и тех, кто был старше 14 лет. Первым грозил расстрел, вторых могли угнать на принудительные работы в Германию. Несмотря на все усилия, мальчика Гришу Цейтлина арестовали при первом же налёте и отправили в Дисну, где он погиб вместе со всеми жителями. Детей старше 12 лет, которым не удалось спрятаться, отправили в Германию.

Еврейский мальчик Мендель Беленький попал в Быковщину в 1937 г. Тогда ему было 8 лет и его называли Мишей (рис. 3).

Кроме него были ещё еврейские дети: сёстры Нина и Роза Меламеды, их старший брат Янкель, мальчики Гера Надель и Ваня Мартемьянов. Все понимали опасность, но никто из воспитанников детского дома не сказал, что этих детей надо выдать фашистам, чтобы сохранить собственную жизнь.

На случай опасности в детском доме была разработана целая система оповещения. Детские дозоры сидели на чердаках домов, на деревьях и наблюдали за дорогой из Ветрино. Если поступал сигнал, что движутся вражеские солдаты, детей, за которыми они «охотились», прятали в подвалы, сараи, летом уводили в лес. Однажды фашистов увидели слишком поздно. Мендель Беленький не успел спрятаться. Тогда воспитатели положили его на кровать, а сверху бросили матрац, на который посадили маленьких детей. Никто из малышей не проронил ни слова. Они понимали, что жизнь их друга в опасности. А когда Миша болел тифом, прятала его от немцев и выхаживала Зоя Михайлова. Так Менделю удалось выжить.

Рисунок 3 – Воспитанники Быковщинского детдома. В центре – М. Беленький. 28.05.1945

Поздней осенью 1941 г. в детском доме была создана подпольная комсомольская группа, участники которой собирали оружие, оставшееся после боёв в ДОТах Полоцкого укрепленного района. Однажды по доносу было арестовано одиннадцать комсомольцев. Среди них Андронников, Лобач, Шкиренко, Морозовы (отец и сын) и другие. Арестованных ребят отправили в лагерь в городе Полоцке. Раненому Алёше Шкиренко удалось бежать, его спрятали в подвале детского дома. Ухаживала за ним Зоя Михайлова [4].

Весной 1942 г. на территории Полоцкого и ближайших районов появились первые партизанские отряды. Недалеко от детского дома, в деревне Монино, дислоцировался отряд партизанской бригады «Неуловимые» под командованием Н. П. Комлева [5] (рис. 4).

Рисунок 4 – Партизаны бригады «Неуловимые»

Сын директора детского дома Пётр Тишкевич был начальником разведки в отряде. Он рассказал о тяжёлом положении детей командиру бригады М. С. Прудникову (рис. 5).

Рисунок 5 — Михаил Сидорович Прудников

О ситуации радиогаммой доложили в Москву, и был получен ответ: «Спасение детей считайте своей боевой задачей». Чтобы не пострадали дети, партизаны решили посетить детский дом поздно вечером. Из воспоминаний Прудникова: *«В коридорах было пусто. Мы поднялись в ребячьи спальни на втором этаже. На грязных матрасах, без подушек, одеял и простыней, а то и на полу, среди грязных лохмотьев, сидели и лежали малыши с восковыми лицами, тонкими ручками и запавшими глазами. — Тётя Оля, я есть хочу! — заплакала девочка. — А я совсем ходить не могу, — едва прошептал маленький мальчик. Я видел в свои 29 лет зверства фашистов, смерть, горе, сотни бед. Всё, что я увидел в детском доме, оставило в моей памяти самый неизгладимый след на всю жизнь»* [3].

Несколько старших детей взяли в бригаду «Неуловимые». Они помогали на кухне и по хозяйству. Воспитанников в детдоме осмотрела военфельдшер Александра Павлюченко. Она оставила им лекарства от чесотки, марганцовку, бинты и вату. От недостатка соли у детей началась цинга. Чтобы помочь детям с продуктами, партизаны в апреле 1942 г. провели операции в сёлах Луначарское и Яновичи, где размещались вражеские подразделения и хранились награбленные запасы продовольствия. В результате добыли целый обоз мешков с мукой, свинными тушами, солью и одеждой. Отряд «Смерть фашизму» выдал малышам 10 кг сухарей. Теперь дети получали по 400 г хлеба и 150 г мяса в день. Всё, что добыли, спрятали недалеко от детдома в продуктовых тайниках. Партизаны провели собрания в колхозах и собрали детям немного одежды и обуви.

Немцы заподозрили работников детского дома в связи с партизанами и стали чаще устраивать внезапные налёты. Любыми путями они пытались узнать, где находятся партизаны: наводили на детей пулемёты, угрожая всех расстрелять, поджигали и тушили здание детского дома. Однажды осенней ночью 1942 г. немцы приехали на подводах, схватили 14 старших ребят и увезли в Ветрино.

А в начале 1943 г. было арестовано несколько девочек. Их отправили в товарных вагонах из Полоцка в Германию. Они попали в город Визенбад в рабочий лагерь за колючей проволокой. Это был льнокомбинат. Здесь работали пленные всех национальностей: бельгийцы, чехи, поляки, украинцы и белорусы. Кормили всех плохо. Утром давали чай из полыни и кусочек хлеба с опилками. В обед ели суп из брюквы с мукой или отрубями. А вечером опять чай, только не полынный. Если давали луковый

суп, то там плавали белые черви. В воскресенье давали три картошины и кусочек конины. После освобождения пленников отправили в сортировочный лагерь [10].

В 1943 г. фашисты выселили детей из детского дома. В здании разместился немецкий штаб 3-й танковой армии. Воспитатели перевели малышей в начальную школу в деревне Радковщина, а детей постарше расселили по домам. Потихоньку стали уходить к партизанам воспитатели и старшие воспитанники: Тишкевичи — отец и сын, Пётр Волков, Шура Чернова, Валя Куревич, Алексей Шкиренко (Сташкевич), Михаил Глебко, Валентин Султанов, Иосиф Райчук и другие. После ухода Григория Сафоновича Василевского в партизаны детдом возглавил бывший бухгалтер Андрей Антонович Боровицкий.

Всего в годы войны свыше пятисот бывших воспитанников и работников детдома защищали Родину на фронтах и в партизанских отрядах. Многие из них погибли. Так была уничтожена почти вся семья Николая Тишкевича. Во время выполнения задания погибла группа из пяти человек Петра Белоусова (рис. 6). Их выдал местный житель.

Рисунок 6 — Пётр Фролович Белоусов, работник детдома до войны

Погиб в партизанах и 12-летний воспитанник детского дома Толя Коваленко. Во время блокады в июне 1944 г. в неравном бою погиб ещё один детдомовец — Иосиф Райчук. Перед освобождением был убит вражескими солдатами воспитанник Ваня Карпеко. Умер от туберкулёза еврейский мальчик Гера Надель. Алексей Сташкевич, начальник опергруппы отряда Комлева, погиб уже после войны от рук бандитов в Западной Беларуси.

29 июня 1944 г. началась Полоцкая фронтовая наступательная операция, в ходе которой бойцами I-го Прибалтийского фронта был освобождён и Ветринский район. Нужно было восстанавливать детский дом. Его директором была назначена Анна Герасимовна Мелешко, бывшая партизанская разведчица (рис. 7).

Она многое сделала для детдома в первые послевоенные месяцы. По её просьбе Ветринским исполкомом был организован сбор средств для нужд детдома. Осенью 1944 г. возобновились занятия в школе. В ней было 4 класса. Постепенно открыли 5-й, 6-й, а затем 7-й классы. Дети были хорошие и уважительные. Все они пережили войну, многое удалось им испытать и сразу после неё. Ручек и карандашей не хватало. Писать детям приходилось на обрывках газет между строчек, чернила готовили из ольховых шишек и свеклы. По одному учебнику занималось 10 и более ребят. Пахотной земли было много, но пахать было не на чем: в школе не было ни одной лошади. Женщины, по 8 человек, впрягались в плуг и тянули — так пахали. Чтобы заготовить дрова, все шли в лес и несли хворост на плечах. Одеты все были очень плохо. Когда узнали, что окончилась война, все обнимались и плакали от радости.

Рисунок 7 – Анна Герасимовна Мелешко – директор детдома. 1949 г.

В школе также учились дети из окрестных деревень: Плиски, Глинище, Вороновщина, Радковщина. Все очень не хотели учить немецкий язык. Мебели не хватало. Старшие ребята сами сколачивали «козлы» — длинные столы, а на них застилали доски. За этими столами и занимались. Длинные скамейки стояли вдоль столов. Бумаги совсем не было. Искали старые газеты и писали между строк. Ручки делали из малинника, перья к ним вырезали из перьев гусей или кур. Чернила варили из крушины или свекольного сока. Это были самые яркие и красивые чернила. Правда, они за сутки прокисали, поэтому приходилось готовить их каждый день. В апреле или мае 1945 г. первый раз в детдом привезли тетради. Разрезали одну тетрадку вдоль на троих. Если в классе вдруг кто-то начинал плакать, это означало, что он посадил в тетрадке кляксу. Книг было мало. Иногда учились по книгам, которые были только у учительницы [13].

Постепенно восстанавливалась страна. Дети ощущали это конечно же по обеспеченности школы. В детдоме появилась машина, лошади. Учителя и воспитатели проводили большую работу среди населения. Всегда готовили концерты. Особенно сильно была поставлена работа с самодеятельностью во время работы Н. М. Петренко. После войны в школе работали многие бывшие партизаны [12].

Из воспоминаний Д. В. Тябута: *«Трудности первых месяцев возрождения перечислить просто невозможно. Но детский дом был у нас на особом счету. И уже через два года после победы всех детей обеспечили рабочей и школьной формой, обувью. Стало лучше с продуктами. В этом помогло и выручило подсобное хозяйство, в котором уже в 1947 году насчитывалось около 10 лошадей, два десятка коров, свиньи. Появилась одна, затем вторая автомашины. Ребята привели в порядок довоенный фруктовый сад, сделали новые посадки. В детдоме, как и до войны, начали работать швейная, столярная, сапожная мастерские, кузница. Ребята сами делали и ремонтировали мебель, шили и перешивали одежду и обувь. Наладили спортивную работу. В детдом регулярно приезжала кинопередвижка.*

В Быковщине трудились 16 учителей и 26 воспитателей. Органом самоуправления в школе и в детдоме был детский совет. К 1949 году у ребят уже были чистые и светлые комнаты, цветы на окнах, кровати и постельные принадлежности, в классах стояли новые парты. К 25-летию юбилею детский дом был полностью восстановлен благодаря помощи руководства области, райисполкома, шефов, директоров детского дома Анны Герасимовны Мелешко, Михаила Николаевича Сивицкого, ди-

ректора Быковщинской неполной средней школы Ивана Ивановича Стрикеля и многих других. На юбилее присутствовали представители райкома партии и райкома комсомола, гости из области, шефы воинской части, представитель редакции республиканского детского журнала „Бярозка“» [6].

В Быковщину почтаёльон приносил много писем. Родители искали своих детей, и многие находили. Отец брата и сестёр Меламед в 1945 г. добрался до Палестины, а потом забрал туда своих детей. Мендель Захарович Беленький в послевоенные годы работал преподавателем музыки в родном детском доме. В 1994 г. он услышал по радио о Праведниках народов мира и написал письмо в посольство Израиля, рассказав о своей судьбе, о тех, кто спасал детдомовцев. Когда Зое Васильевне Михайловой за его спасение работники израильского посольства в Республике Беларусь вручали медаль «Праведник народов мира», она поблагодарила и сказала: «Эту награду я принимаю от имени всех тех, кто спасал в годы войны еврейских детей» [12]. Награждение проходило в полоцком Музее белорусского книгопечатания. Все собравшиеся аплодировали стоя, отдавая дань мужеству Зои Васильевны. Она выполнила свой долг педагога и врача, ежедневно рискуя жизнью.

В Быковщине на территории бывшего детского дома стоит памятник погибшим жителям, персоналу и воспитанникам [1] (рис. 8).

Рисунок 8 — Памятник на территории бывшего детского дома

В своих воспоминаниях М. С. Прудников писал: «Когда я пытаюсь осмыслить всю свою партизанскую жизнь и боевые дела, совершённые бойцами бригады „Неуловимые“ в тылу врага, то откровенно скажу, что самое дорогое и неизгладимое из памяти лет, — это не сотни пущенных под откос поездов, не тысячи уничтоженных гитлеровцев, а те ребята, которым наши партизаны вернули жизнь, солнце, улыбку» [3, с. 132].

В 1956 г. решением Витебского обкома партии на базе детского дома была создана школа-интернат имени Ленина. В то время директором был Б. К. Яроцкий. В послевоенные годы командир бригады «Неуловимые», Герой Советского Союза М. С. Прудников был частым гостем в детском доме (рис. 9).

Рисунок 9 – Встреча с М. С. Прудниковым. 1974 г.

О спасении детей детского дома им написаны книги под названием «Тихий домик», «Неуловимые», и «Неуловимые действуют». В 1980–1981 гг. по мотивам этих книг режиссёром Ю. Борецким (автор сценария М. Прудников) был снят художественный фильм «Оленья охота» с участием большой группы воспитанников школы-интерната (рис. 10).

Рисунок 10 – Дети Быковщины во время съёмок фильма «Оленья охота»

С 1996 г. школа-интернат поддерживала связь с итальянским фондом «Поможем им жить». На лето дети уезжали на оздоровление в Италию.

Таким образом, ни война, ни боль от потери близких, ни голод, ни испытания не искалечили детские души злобой и жестокостью. Их спасла любовь педагогов, близких и просто взрослых людей. Понять и оценить настоящее, можно только сравнив его с прошлым. Они уже седые, эти мальчишки и девочки, выросшие и уцелевшие в военное лихолетье. Закончить работу можно словами воспитанницы детдома военного периода Л. Н. Морозовой: *«Хочется закричать так, чтобы услышали во всех уголках земли: „Люди, пожалейте детей! Не надо войны, не надо сирот! Пусть дети живут под мирным небом, дышат чистым воздухом. Пусть будут счастливы все дети!“* [13].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Карасёв, В. Р. Моя любовь — Ветрино: исторические очерки / В. Р. Карасёв. — Полоцк : Изд. Судник, 2004. — 312 с.
2. Коршук, В. Их детство украла война / В. Коршук, И. Романовский // Беларуская думка. — Минск, 2018. — № 1. — С. 56—62.
3. Прудников, М. С. Домик в лесу / М. С. Прудников. — Кемерово : Кемеров. гос. ун-т, 1965.
4. Прудников, М. С. Неуловимые / М. С. Прудников. — М. : Воениздат, 1961.
5. Прудников, М. С. Неуловимые действуют / М. С. Прудников. — М. : Воениздат, 2020.
6. Тябут, Д. В. На земле опаленной / Д. В. Тябут. — Минск : Беларусь, 1984. — С. 186—193.
7. Воспоминания Михайловой З. В. // Фонды НПИКМЗ. — КП25-53973.
8. Воспоминания Кендысь (Хоменковой) М. Т. // Фонды НПИКМЗ. — КП25-53976.
9. Воспоминания Ващенко (Черновой) А. Ф. // Фонды НПИКМЗ. — КП25-53975.
10. Воспоминания Морозовой (Мазанько) Л. И. // Фонды НПИКМЗ. — КП25-53972.
11. Воспоминания Михайловой В. В. // Фонды НПИКМЗ. — КП25-53976.
12. Воспоминания Якушевой О. А. // Фонды НПИКМЗ. — КП25-53976.
13. Воспоминания Петелиной А. А. // Фонды НПИКМЗ. — КП25-53977.

Сырэвич Ірына Вікенцьеўна,
ведучы навучны супрацоўнік Музея боевай славы — філіяла НПИКМЗ

УДК 614.84(476.5-21)

Л. Б. Тригорлова

РАЗВИТИЕ ПОЖАРНОГО ДЕЛА В ПОЛОЦКЕ В XIX—XX вв.

Дается характеристика процесса зарождения и становления профессиональной пожарной охраны в Полоцке, деятельности ПВПО в дореволюционный и постреволюционный периоды. Освещаются проблемы, с которыми столкнулись пожарные в первые годы существования Советской власти, а также после окончания Великой Отечественной войны, отмечаются мужество и героизм отдельных членов Полоцкой пожарной команды, устранивших взрывоопасные очаги возгорания и спасавших людей из огня, рискуя собственной жизнью.

Ключевые слова: полицмейстер, брандмейстер, «Нормальная табель составу пожарной части в городах», Полоцкое Вольно-Пожарное Общество, Полоцкая городская профессиональная пожарная команда, медаль «За отвагу на пожаре», СВПЧ-7.

Неконтролируемые процессы горения во все времена приносили людям огромный материальный ущерб, а иногда уносили и человеческие жизни. И хотя на протяжении многих веков совершенствовались методы и средства борьбы с огнём, до сих пор проблема предотвращения пожаров остаётся актуальной.

В конце XVIII в. Полоцк вошёл в состав Российской империи. На смену «огненным порядкам» ВКЛ и Речи Посполитой пришли новые правила пожаротушения. Они закреплялись нормативно-правовыми актами. Главным документом, который в России регулировал общественный порядок и противопожарную безопасность, стал «Устав благочиния, или полицейский» (1782). В соответствии с этим документом, города делились на части, и полагалось «въ каждой части <...> иметь Брантмейстера или огнягасительного Мастера» (начальника пожарной команды, входившей в состав полицейской части); в случае возникновения пожара руководство по его тушению брали на себя городничий или полицмейстер [24, с. 79]. Они привлекали к пожаротушению местных жителей и следили за их работой. В начале XIX в. пожары в уездном Полоцке были частыми и масштабными, поскольку большая часть города состояла из деревянных построек. Возникший в июле 1808 г. пожар уничтожил 240 домов [18, с. 233]. Горели дома в городе и в ходе войны 1812 г. Тушением пожаров в Полоцке по-прежнему руководили полицмейстеры (*приложение*).

В 1818 г. было издано «Практическое наставление брандмейстерам», в котором не только определялся порядок действий начальника пожарной команды, но и давалась характеристика средствам оповещения о пожаре, формулировались правила выезда пожарного обоза, описывались пожарные инструменты, обозначался алгоритм действия пожарной команды при ликвидации очага возгорания. Указывалось и на необходимость сохранения жизни пожарных. Этим документом руководствовалась в 1820-е гг. полоцкая пожарная команда, на вооружении которой в это время имелись бочки для воды на конном ходу, ручные насосы (трубы), вёдра, топоры и багры. Пожары в городе возникали регулярно в основном из-за неосторожного обращения с огнём и наличия большого количества деревянных домов. В 1829 г. в Полоцке «<...> домов каменных — 44, деревянных — 970, пожарная команда имеет 3 средние трубы и 8 коней <...>» [14, с. 113]. В случае пожара в городе выгорали целые кварталы. Так, 15 июня 1837 г. в Полоцке сгорели «<...> до 300 обывательскихъ и несколько казённых домовъ» [17, с. 163]. Трагедия повторилась и в следующем году: «<...> 15 июня [1838 г.], в 11 часов ночи, загорелся частный домъ, стоявшій на корпусномъ плацу. Пламя, при порывистомъ северо-восточном ветре, быстро распространилось и охватило деревянные строения, примыкавшія къ каменному двухъ-этажному зданію [кадетского] корпуса. Черезъ короткое время загорелся домъ уездного училища, городская тюрьма и монастырь; пожаръ распространялся все далее и въ теченіе 3-хъ часовъ уничтожилъ до 200 домов <...>» [19, с. 100—101]. В 1848 г. в Полоцке в результате пожара сгорела часть города в Витебском направлении — 72 дома. К этому времени в пожарную команду входили 8 человек, имевших 3 заливные трубы, 8 лошадей, 8 бочек, 8 топоров и 16 багров [18, с. 233]. В 1850 г. у пожарной команды впервые появились «рубахи от огня» — платье особого кроя, пропитанное огнезащитным

составом, — и каска. Брандмейстер получал бронзовую вызолоченную каску с высоким гребнем, чешуёй и кокардой, в щите которой располагался герб губернии. А у нижних чинов каска была медной, с гербом и низким гребнем.

Борьба с пожарами требовала не только усиления пожарных команд, но и совершенствования нормативно-правовой базы пожарной службы. В 1853 г. в России была утверждена «Нормальная табель состава пожарной части в городах». На её основе определялся штат пожарных служителей, состав пожарного обоза и финансирование. С 1863 г. пожарная охрана Полоцка размещалась в жилом корпусе бывшего доминиканского монастыря. Должность брандмейстера принадлежала И. Л. Штейну.

Но пожары в Полоцке и во второй половине XIX в. были настоящим бедствием. В июле 1861 г. в городе вместе с имуществом сгорели 7 деревянных домов, а через год — в июле 1862 г. всего за 2 часа — 155 домов (в том числе 24 каменных и 131 деревянный). Ущерб составил 473 503 руб., но страховые выплаты произведены только на сумму 194 890 руб. [16, с. 164]. Это свидетельство того, что полочане неохотно страховали своё недвижимое имущество, хотя в городе возможности для этого были. Существовали как частные страховые общества, так и взаимное губернское, обязательное и добровольное страхование.

В 1864 г. должность брандмейстера в Полоцке занимал У. Г. Чертков. По случаю возникших в Витебской губернии беспорядков Полоцк был объявлен на военном положении. В 1865 г. брандмейстером города стал Ф. Л. Миштович. Но малочисленный состав пожарной службы не мог оказать действительную помощь полочанам в случае пожара, даже с использованием имеющегося пожарного оборудования. «Летом 1871 г. опять страшный пожар истребил часть города <...> 25 июля вечером загорелось при сильном ветре близъ самой гимназии, <...> горели городские дома, расположенные близко другъ къ другу <...> Горящие головы силою ветра перебрасывались черезъ плацъ. Бороться съ огнемъ было нечемъ: былъ полный недостатокъ воды <...> Городской пожарной обозъ былъ ничтоженъ, а <...> бочекъ оказалось всего десять <...>» [19, с. 251]. С 1875 г. в соответствии с городской реформой пожарная команда финансировалась из местного бюджета.

На помощь городской пожарной команде в борьбе с огнём пришло Полоцкое Вольно-Пожарное Общество (ПВПО), созданное в 1877 г. Добровольцы вели большую профилактическую работу, осуществляли надзор за печным отоплением, источниками водоснабжения, устраивали благотворительные вечера и концерты, доход от которых позволял приобретать некоторые виды противопожарного оборудования. Менее чем через год у общества появилась своя пожарная команда. В ПВПО к середине 1880-х гг. состояли 3 Почётных и 39 действительных членов. Для тушения пожаров добровольцы располагали 1 трубой, 3 бочками, 13 топорами, 1 багром и 1 лестницей [17, с. 372–373]. В случае возникновения крупного очага возгорания этого было недостаточно.

Обеспеченность городской пожарной команды средствами пожаротушения в 1880-е гг. существенно улучшена не была. В 1885 г. у неё имелись 3 заливных трубы, 8 бочек, 10 вёдер, 10 топоров, 20 багров, 2 лестницы. И только через 10 лет ситуация начала меняться: «<...> Полоцкая городская пожарная команда имеет 25 брандмейстеров (так названы все члены команды. — Прим. автора) и рабочих людей, коней — 14 штук, топоров — 17, труб — 5, к ним рукавов — 5, бочек — 8, багров и крюков — 10 <...>» [13, с. 114].

В 1890-е гг. продолжало свою работу и ПВПО. Количество членов общества первоначально было небольшим. В это время в его состав вошли И. Г. Абрамзон, И. П. Иоффе, З. Я. Лурье и др. Для них в последующие годы пожарная служба стала делом всей жизни. В 1899 г. ПВПО было включено в состав Всероссийского пожарного общества (с 1901 г. — «Императорское Российское пожарное общество»). С этого времени у пожарных появилась официальная символика — отличительные и наградные знаки. К началу XX в. окончательно оформилась и структура ПВПО: во главе стоял совет правления (председатель и члены, в том числе «жертвователи»), имелась пожарная часть (начальник над «охотниками», брандмейстер, начальник 1-й колонны); была сформирована охрана порядка и имущества на пожарах (начальники частей города, начальники «охранителей»); появилась должность цейхмейстера. В пожарной команде выделялись знаменщики, сигнальщики, лазальщики, топорники, трубники, ствольщики, водоснабдители, а позже — машинисты паровых машин.

На рубеже XIX–XX вв. в Полоцке к пожарному депо пристроили каланчу со смотровой площадкой. Часовые на ней должны были вести непрерывное наблюдение. С каланчи протягивались 2 веревки с колокольчиками — одна в комнату брандмейстера, другая в казарму пожарных. На каланче хранили ящики с флагами с надписью частей города и фонарями для дневных и ночных сигналов в случае возникновения пожара. Часовые менялись через каждые 2 часа, а в сильный мороз — через 1 час. В это время закладывались и нравственные основы пожарного дела. Они были изложены Э. Э. Лундом (1856–1922) в «Завете молодым пожарным». Э. Э. Лунд — выпускник Полоцкого кадетского корпуса (1873), бывший брандмейстер Одессы, Варшавы и Москвы — утверждал: «Если ты не любишь бесконечно до самоотвержения пожарного дела, перестань в нём работать. Ты не только не станешь хорошим пожарным, но будешь мешать и другим и дискредитировать самое хорошее, чистое и возвышенное дело — пощи другую работу. Помни, что цель пожарного — помочь тем, кто сделался жертвой пожара. Не рискуй своей жизнью без крайней необходимости, но беспрекословно жертвуй собой и увлекай за собой товарищей, когда надо спасать чужую жизнь» [15].

В 1902 г. председателем правления члены ПВПО избрали И. И. Долгова, занимавшего эту должность до 1906 г. В период революционных событий 1905–1907 гг. пожарные Полоцка, как профессионалы, так и добровольцы, были готовы к любым испытаниям. В составе ПВПО в это непростое время начинали свою профессиональную деятельность помощник начальника пожарной команды А. С. Синайский, начальник 1-й колонны Т. В. Овчинников, ствольщик Н. И. Фёдоров, ствольщик при паровой машине А. А. Рутковский. Они оказывали существенную помощь пожарной команде города. С 1906 по 1908 г. ПВПО возглавлял В. Ф. Клауч (с перерывом на 1907 г.). Должность председателя пожарного общества он сохранил, став в 1908 г. полицмейстером Полоцка. Главой ПВПО с 1909 по 1914 г. был Л. И. Паравичини, а должность начальника пожарной команды занимал И. И. Радзивиллович.

Расширялась территория Полоцка, увеличивалось и количество населения. В 1906 г. в городе насчитывалось 30 улиц, 25 переулков протяжённостью 27 вёрст (1 верста = 1067 м). Домов — 1854, из них каменных только 180. Водопровода нет [20, с. 20]. Поэтому при возникновении пожара огнём по-прежнему уничтожались целые жилые кварталы вместе с имуществом горожан. В конце июля 1912 г. пожарная команда Полоцка боролась с пожаром, возникшим на дровяном складе на ул. Азаровской. Огнём были охвачены 16 кварталов города. На помощь местным пожарным прибыли команды и части добровольных пожарных дружин из Двинска и Витебска. И хотя пожар был локализован, сгорело до 600 домов, пожарное депо с каланчой, костёл, еврейская больница и уездное полицейское управление. Огонь также унёс 7 человеческих жизней [1, с. 2].

В августе 1914 г. началась Первая мировая война. Многие пожарные, в том числе и полоцкие, были призваны в действующую армию. Экономический и политический кризис в России привёл к краху монархии и установлению власти Советов в октябре 1917 г. Изменения в общественной жизни страны привели и к пересмотру работы пожарной службы. Был создан Комиссариат страхования и борьбы с огнём (позже — пожарно-страховой отдел (ПСО) ВСНХ) и принят декрет «Об организации государственных мер по борьбе с огнём» (1918). Согласно ему учреждался Пожарный совет, которому поручалась подготовка пожарных на новой, советской основе. Кандидаты для зачисления в пожарные команды в течение 6 месяцев проходили испытательный срок. За это время они получали сведения о пожаре, приобретали навыки спасения людей и животных, усваивали назначение и устройство пожарных инструментов, восстановления повреждённых рукавов на пожаре, изучали расположение городских улиц и сеть водоисточников.

В Полоцке работа пожарной охраны была сложной из-за установления германского оккупационного режима в феврале 1918 г. И тем не менее, оставшиеся в Полоцке члены ВПО во главе с С. К. Шпаковым выполняли взятые на себя обязательства даже в условиях оккупации. Пожарную команду в это время возглавлял И. П. Иоффе. Его заместителем стал А. С. Синайский, а начальником 1-й колонны — Т. В. Овчинников. Весной 1918 г. в Полоцке команда локализовала крупный пожар, за

что «...Его Превосходительство Г. Генераль-Командующий приказалъ объявить свою благодарность Вольно-Пожарной команде за ихъ энергичную работу на последнемъ большомъ пожаре...» [2, л. 184].

После освобождения города от германских оккупантов начался новый этап в формировании профессиональной пожарной команды. Её основу составили члены ПВПО во главе с Т. В. Овчинниковым. Ей пришлось ликвидировать пожар на табачной фабрике Я. Ривлина, вспыхнувший в ночь с 8 на 9 февраля 1919 г. К осени 1919 г. восстановилась и структура самого ПВПО. Председателем правления был избран Т. В. Овчинников, он же возглавил и пожарную команду. Начальником 1-й колонны стал А. Рутковский, 2-й колонны — Н. И. Фёдоров. Отрядом «охранителей» теперь руководил И. М. Михейкин [3, л. 28]. Город условно разделили на 4 пожарных участка. Но началась Польско-советская война, и в сентябре 1919 г. всю левобережную часть Полоцка заняли польские войска. В ходе боёв возник пожар на мосту через р. Западную Двину, который был быстро ликвидирован «огнеборцами». Те, кто принимал участие в тушении этого пожара, были представлены к награждению орденом Красного Знамени. В результате артобстрелов польскими войсками правобережной части города полностью уничтоженными оказались пожарный обоз и депо. В условиях войны в зимний период пожарные привлекались к очистке путей от снега на ст. Полоцк II, рытью окопов в д. Козьи Горки (Артейковичская волость). А в весной 1920 г. осуществляли в своей кузнице ремонт повозок 1-го батальона сводного тяжёло-гаубичного дивизиона, выкачивали воду из окопов на ул. К. Маркса «во избежание жертв», выделяли пожарные бочки во временное пользование пекарне и паровой мельнице. Приходилось выполнять и свою непосредственную работу — тушить пожар, возникший в гостинице «Европа».

Становление советской пожарной службы проходило на основе новых нормативно-правовых актов. Их активно обсуждали на собраниях как местного уровня, так и областного. Полоцкие пожарные Т. В. Овчинников, И. М. Михейкин и А. С. Синайский приняли участие в губернском съезде пожарных организаций в январе 1919 г., а А. С. Синайский был избран делегатом IX съезда членов Всероссийского пожарного общества. Он проходил в Москве 28—29 апреля 1919 г.

Летом 1920 г. СНК принял постановление «О сосредоточении пожарного дела в НКВД». Этим документом пожарное дело отделялось от страхового. Был создан Центральный пожарный отдел (ЦПО) Главного управления коммунального хозяйства НКВД РСФСР. В губерниях и городах появились пожарные подотделы (позже будут реорганизованы в пожарные секции). ЦПО руководил борьбой с пожарами, разрабатывал противопожарные меры, учитывал и распределял пожарную технику, осуществлял руководство пожарными командами. Пожарная служба городов, в том числе и Полоцка, начала работу в иных условиях. Продолжил свою деятельность и комитет ПВПО, для которого выделили помещение в доме 8 на ул. К. Маркса [3, л. 42]. Предстояло обеспечить пожарную команду всем необходимым: обмундированием, продовольствием, техникой. А в условиях разрухи с этим были серьёзные проблемы. В августе 1920 г. Т. В. Овчинников вошёл в состав Исполкома губернского объединения пожарных. Предполагалось, что таким образом удастся ускорить решение наиболее значимых проблем пожарной службы. Обеспокоенность руководства вызывало падение дисциплины в пожарной команде: часто отсутствовали дежурные пожарные в местах массового пребывания людей — кинотеатре «Колизей», Доме Просвещения и др. На уровне Губпожарстрахотдела было принято решение о наложении взыскания на провинившихся лиц, вплоть до ареста на 5 суток.

С лета 1920 г. заведующим Пожарным подотделом при Полоцком Усовнархозе стал З. Я. Лурье. В ноябре 1920 г. он принимал участие в Витебской конференции пожарных работников, где речь шла о передаче пожарного дела из ведения ВСНХ в ведение коммунального отдела НКВД. Но процесс этот был медленным. К тому же очередное изменение системы руководства пожарной службой проблему пожарной безопасности не решало.

14 ноября 1920 г. в Полоцке возник пожар в Доме Просвещения. Силами пожарных он был быстро локализован, и Губпожарстрахотдел объявил благодарность А. С. Синайскому, Х. М. Штейнцагу, П. Л. Шаху, И. И. Святскому, А. Л. Шлозбергу «за быструю ликвидацию пожара» [4, л. 61]. В начале 1921 г. принято решение о создании пожарной дружины в Задвинье. Назвали её «2-я часть пожарной

добровольческой пожарной команды» (просуществовала до января 1924 г.), а возглавил команду К. О. Кожановский. В это время были сделаны и другие назначения: начальником «охранителей» стал С. А. Голубов, начальником трубников — А. А. Рутковский, начальником ствольщиков — Н. И. Фёдоров [5, л. 249]. В августе 1921 г. начала работу дружина в Заполотье. Она состояла из 4-х человек.

Ещё в январе 1919 г. Т. В. Овчинниковым был поднят вопрос о необходимости создания простейшей системы оповещения о пожарах с помощью набатного колокола, который находился во дворе Единоверческой церкви. И хотя в Полоцке с 1918 г. существовало телефонное оповещение, в ходе военных действий оно было разрушено. К лету 1921 г. оповещение восстановили, но с ним возникла новая проблема — передача в общегородскую телефонную сеть. Полоцкое уездное Пожарное отделение вынуждено было обратиться к местным властям с протестом: «<...> при Полоцкой Профпожарной команде имеется телефонная сеть с коммутатором на 24 номера <...> телефоны расположены в разных частях города, где имеются надписи „Место заявления о пожаре“, а также у ответственных пожарных руководителей <...> Принимая во внимание, что имеющийся колокольный набат на вышке имеет трещину, колокол слышен только на окружающие улицы и в получении нового не представляется возможности в настоящее время... передача пожарной телефонной сети в общегородскую, может привести к сбою в оповещении о возникшем пожаре <...>» [6, л. 169]. Несмотря на усилия Т. В. Овчинникова и А. С. Синайского, проблем в команде было много: средства на её содержание практически не выделялись. Не хватало обмундирования, продовольственных пайков для пожарных, фуража для лошадей, да и количество лошадей не соответствовало положенному по ним штату (из нужных для работы 24-х было только 8). В октябре 1921 г. Управление Полоцкого уездного исполкома отмечало, что пожарное дело «<...> заброшено и пришло в расшатанность, требует ремонта, постановлено: обязать Коммуналдел произвести надлежащий ремонт, жалованье выплачивать аккуратно, изъять их ЭПО три тулупа для постовых, обязать Укож выдать 43 пары валенок, Уездивею выдать 43 полушубка пожарной команде <...>» [7, л. 201]. По-прежнему существовала проблема обеспечения пожарной команды и специальным оборудованием. Частично использовалось то, которое члены ПВПО сохранили в военные годы. Некоторое оборудование создавали сами пожарные. Так, в апреле 1921 г. исполком ВПО ходатайствовал перед руководством Коммуналдела о выделении лошади с повозкой и 1-й рельсы для изготовления из неё топоров. Некоторые виды оборудования приобретали на собранные средства в Туле, Москве, Петрограде и др. городах страны. Паровая машина, имевшаяся у пожарной команды, часто выходила из строя, а её ремонт можно было осуществить только в Витебске. Процесс постоянно затягивался. В начале 1921 г. в подчинение исполкому ВПО вошли полоцкие трубочисты. Они были распределены по районам города, включая пригород, и осуществляли очистку дымовых труб от горючей сажи. С лета 1921 г. в штате оставили только одного трубочиста, в отношении остальных принято решение: «закрепить за Отделом, ограничить плату за очистку труб, выдав им удостоверения в том, что они состоят на учёте Коммуналдела с правом производить очистку по установленным на то ценам <...>» [8, л. 108]. Трубочисты будут выведены из состава ВПО через 4 года.

Но и к началу 1922 г. руководству пожарной охраной так и не удалось решить ряд существующих в работе проблем: «<...> пожарные профессиональные команды должны были работать в три смены, отсутствие людей дало возможность <...> в две смены <...> Отсутствие средств и квартир для 41 человека вынуждены сократить штат пожарных до 20 чел., принимая во внимание, что в городе Полоцке имеется образцовая добровольческая команда <...>» [9, л. 141].

В январе 1922 г. А. С. Синайский возглавил Полоцкий пожарный подотдел, который к лету этого года в результате очередной реорганизации управления пожарной службой преобразовали в пожарную секцию. Обеспокоенность А. С. Синайского вызывало то, что после специального обследования 75 % домов Полоцка были признаны пожароопасными. В 1922—1923 гг. и городу, и волостям уезда неоднократно приходилось сталкиваться с пожарами, причинами которых были неисправность отопительного оборудования, неосторожное обращение с огнём, а также поджоги. Наибольшее количество

пожаров приходилось на отопительный сезон. Весной 1922 г. пожарной командой был ликвидирован пожар в полоцком Доме инвалидов.

В конце июня 1922 г. по инициативе начальника охраны Риги-Орловской железной дороги была осуществлена пробная тревога на станции Полоцк-I. Профессиональная городская пожарная команда (ППК) прибыла через 7 минут после заявления, а в течение 19 минут собрались и 92 добровольца [10, л. 209]. Это означало, что пожарные к борьбе с огнём готовы, даже в сложных условиях послевоенного времени.

В 1922 г. ПВПО, переименованное к этому времени в Добровольное пожарное общество, широко отметило свой юбилей. По этому поводу выпустили специальный жетон, были получены поздравительные адреса от представителей различных структур. В Москву отправили телеграммы В. И. Ленину, М. И. Калинину, Л. Д. Троцкому: «Москва. Герою-вождю Красной Армии тов. Троцкому. Полоцкое добровольное Пожарное Общество, празднуя в единении с представителями Советской власти и <...> Красной Армии — героями Товарищами Фабрициусом и Шубиным 45-летнюю годовщину посильной деятельности на пользу города <...> заверяет Вас в готовности каждого члена Общества отдать свою жизнь за благо освобождённого от ига капитала пролетариата <...>» [11, л. 49]. Через 2 года, в сентябре 1924 г., из Полоцка в Могилёв, получив повышение по должности, уехал А. С. Синайский, но его работа по созданию советской системы пожарной охраны в городе не осталась незамеченной: он был зачислен пожизненным членом ДПО, а коллеги преподнесли ему на память серебряную чашу с блюдцем. В 1924 г. были утверждены Уставы для советских добровольных пожарных дружин и добровольных пожарных обществ и создано первое Всебелорусское пожарное общество, просуществовавшее до 1929 г. На него возлагались обязанности по организации и руководству всеми пожарными дружинами, их обучение, а также пропаганда пожарно-технических знаний среди населения.

В 1924 г. Полоцк, который с 1919 г. находился в составе РСФСР, снова вошёл в состав БССР. Изменилось и территориально-административное деление республики. Был создан Полоцкий округ. В 1925 г. заведующим пожарной службой округа стал т. Чибинцев. Появилась в отделе должность пожарного инструктора, которую занял Н. И. Фёдоров. Помощь в тушении пожаров профессиональной пожарной команде по-прежнему оказывали добровольцы. Возглавил Полоцкое окружное ДПО И. А. Шнайман.

Количество пожаров в середине 1920-х гг. не сократилось, несмотря на профилактическую работу пожарных. И если в городе возникающие их очаги достаточно быстро ликвидировались, то в волостях выгорали по полдеревни. С 1 октября 1924 по 1 сентября 1925 г. в Полоцком округе произошло около 400 пожаров. Сгорело свыше 1 тыс. построек стоимостью более 15 тыс. руб., а Госстрахом выплачено по нормам обязательного страхования всего 4 тыс. руб. [13, с. 2]. Полочане, как и в дореволюционное время, неохотно страховали своё имущество от пожаров.

В целях поощрения лучших пожарных НКВД СССР в сентябре 1925 г. учредил серебряный и золотой знаки отличия — «За труды по укреплению пожарного дела». Первым награждали за работу при наличии стажа 25 лет, вторым — при стаже 35 лет. Позже утверждены знаки «Лучшему работнику профессиональной пожарной команды», «Лучшему ударнику в пожарной охране» и др. В 1926 г. профессия пожарного по степени вредности была отнесена к высшей категории. К этому времени у пожарных утвердилась и их форма — брезентовые костюмы, пояс с карабином, каски из листового железа с рантом по окружности, 2 козырьками, гребнем на шурупах и внутренней кожаной тулейкой со шнурком. В это время Полоцкая пожарная команда состояла из 44 человек, имела 2 автомашины, паровую машину, 3 гидropульта, 6 труб, 14 коней, 8 конных бочек [14, с. 115]. Должность инструктора Окружного пожарного подотдела в 1926 г. занял А. Н. Заболотников. Он уделял много внимания профилактической работе с населением.

В 1927 г. в Полоцке действовали не только городская профессиональная команда и городское добровольное пожарное общество, но и появились первые ведомственные добровольные пожарные дружины (ст. Полоцк, лесопилка «Чырвоны дрэваапрацоўшчык»). У депо была возведена новая каланча. Улучшилось и техническое обеспечение пожарных города.

В начале 1930-х гг. пожарная охрана в СССР была передана в ведение Народного комиссариата коммунального хозяйства, а для защиты стратегических объектов сформирована военизированная пожарная охрана. В это время укрепляется техническая и научная база пожарного дела: учреждён Научный пожарно-технический комитет. В 1933 г. в связи с расширением возможностей телефонной связи для вызова подразделений пожарной охраны введён единый телефонный номер — «01». Открылись учебные заведения, готовящие специалистов пожарного дела. С 1929 г. в Минске действовали краткосрочные Вселюбурские пожарные курсы, которые в 1933 г. преобразованы в Пожарно-техническую школу.

Конец 1920—1930-х гг. — время внутрипартийной политической борьбы и начала репрессий против политических противников действующей власти. Эти явления затронули и пожарную службу страны. В 1934 г. было создано Главное управление пожарной охраны (ГУПО), которое вошло в состав НКВД СССР (с 1946 г. — МВД). Отвлечению внимания от происходящих в стране событий способствовали появившиеся в это время конкурсы профессионального мастерства. Кроме того, на пожарные команды, признанные лучшими в стране, равнялись другие. В июле 1935 г. Полоцкая профессиональная пожарная команда заняла II место во Вселюбурском конкурсе на лучшую организацию пожарной охраны в городах и райцентрах БССР.

В 1938 г. новое территориально-административное деление затронуло все сферы деятельности полочан, в том числе и пожарную службу. Её к этому времени возглавлял Н. Н. Плоткин. За качественную работу и в связи с 20-летием пожарной службы СССР он был награждён золотыми часами [21, с. 50]. К концу 1930-х гг. пожарные города активно использовали электрическую сигнализацию, телефон, телеграф. На вооружении профессиональной пожарной части состояли автонасосы, автоцистерны отечественного производства на базе грузовых автомобилей ГАЗ и ЗИС. В достаточном количестве обеспечивались пожарные рукавами, пеногенераторами и пенопорошком. А в 1940 г. в пожарные части стали поступать первые изолирующие противогазы и электрические фонари с сухими батареями. Их получили и полочские пожарные.

В июне 1941 г. началась Великая Отечественная война. Пожарные, в том числе и полочские, ушли на фронт. После освобождения города от нацистских оккупантов летом 1944 г. работа Полоцкой городской пожарной команды была восстановлена. Пожарная служба по-прежнему подчинялась НКВД. Пожарная команда Полоцка размещалась в д. 43 на ул. Советская. Её состав укреплялся за счёт возвращавшихся с войны фронтовиков. В связи с образованием Полоцкой области было создано управление МВД с отделом пожарной охраны, в подчинение которому и перешла ГПК. С июля 1944 г. пожарной службой Полоцка руководил М. Д. Василенко, а с 1945 по 1949 г. её возглавлял Ш. Г. Раксин. В состав пожарной команды входили 17 человек, в ведении которых находился 71 объект. Работа пожарных неоднократно обсуждалась на заседаниях исполкома Полоцкого городского Совета депутатов трудящихся. В октябре 1946 г. было принято решение «О мерах по укреплению противопожарной охраны города», согласно которому создавались пожарные звенья в количестве 7—10 человек, в учреждениях, школах, на предприятиях, проверенными людьми укомплектовывалась пожарно-сторожевая служба, запрещалось заселение в новые здания людей без его приёмки специальной комиссией с представителями пожарной службы. Ш. Г. Раксину предписывалось создать отряд из 5—7 человек для проведения ремонта печей и очистки сажи из дымоходов, а в районе Задвинья выстроить 4 водоёма. К рекам Полота и Западная Двина необходимо было сделать 10 подъездов, разбить дома частного сектора на части и за каждым закрепить пожарный инвентарь [12, л. 1]. В это же время был поднят вопрос и о восстановлении здания пожарного депо. Его проектом предусматривалось строительство 2-х-этажного кирпичного здания с башней, с использованием того материала, что остался после разрушения предвоенного помещения. Допускалось необходимое изменение внутренней планировки без особых ломов здания. На 1-м этаже депо должны были разместиться вестибюль, дежурное помещение, гараж на 6 машин, автомастерская и жилые квартиры, на 2-м — канцелярия, кабинет начальника команды, «красный» уголок, квартиры начальника, его помощника и квартиры других членов пожарной команды.

Решение исполкома не было выполнено в полном объёме. Особенно это касалось подготовки источников воды в зимний период: расчистка подъездов к водоёмам не была произведена, гидранты не ремонтировались и т. д. Ш. Г. Раксин в это время находился на 9-месячных курсах в Минске, но ответственность с него за недостатки в работе пожарных не сняли и в декабре 1947 г. наложили дисциплинарное взыскание.

В 1948 г. в связи с 30-летием пожарной службы страны была объявлена благодарность и вручены премии в размере от 100 до 200 руб. многим членам ПГПК. Среди них — И. М. Овчинников, И. М. Шиман, А. А. Тумашевский, И. С. Жолудев — те, кто начинал пожарную службу в ещё 1944 г. В состав пожарной команды Полоцка в это время входили 56 человек.

В январе 1949 г. ПГПК возглавил А. Г. Майстренко. Штат по-прежнему составлял почти 60 человек. Из технических средств команда имела 2 автопомпы и 1 цистерну ЗИС-5. В феврале 1950 г. была проведена и широкомасштабная проверка оборудования пожарной команды. В целом было признано его удовлетворительное состояние. Летом этого же года при ГПК открыли курсы подготовки водителей. В течение 1950 г. проводилась проверка пожарной безопасности промышленных объектов и учреждений Полоцка. Лучшими в этом отношении были признаны литейно-механический завод, нефтебаза, мясокомбинат, школа № 7, педучилище и лесной техникум. Их приводили в пример руководителям тех предприятий, где с вопросами пожарной безопасности были серьёзные проблемы. Полоцкие пожарные были активными участниками социалистического соревнования. По его итогам в 1950 г. ГПК заняла 3-е место в Полоцкой области. В 1951 г. на заседании исполкома Полоцкого горисполкома руководство пожарной службой докладывало о проверке пожарной безопасности на промышленных предприятиях. В список пожароопасных объектов попали и птицекомбинат, и база «Заготзерно», и база горпищепромторга, и автоколонна. Руководители этих предприятий получили предписания создать там добровольные пожарные дружины, снабдив их ручными насосами и другим противопожарным оборудованием. В последующие годы такие проверки стали регулярными.

В 1951–1952 гг. возникали пожары не только в жилых домах на ул. Советской, Ленинградской, Луговой, Первомайской, Ветринскому шоссе, но и в детских садах города, на заводах и в артелях. В апреле 1952 г. полностью сгорела сушильня родильного отделения больницы им. В. И. Ленина на ул. Верхне-Замковой. Поэтому одной из важнейших задач пожарной службы стало усиление противопожарной агитации и пропаганды. Из хорошо подготовленных людей организовывались коллективы «беседчиков», которые занимались профилактической работой среди населения. Обеспеченность же оборудованием и средствами защиты самих пожарных всё ещё была значительной проблемой. Поэтому члены ГПК старались сами усовершенствовать некоторые виды оборудования и искали более эффективные способы борьбы с огнём (на автоцистерне ПМЗ-8 реконструировали систему охлаждения с целью предупреждения перегрева двигателя машины в летнее время и замерзания радиатора в зимнее). В 1952 г. пожарная команда Полоцка была награждена Грамотой УПО МВД БССР за 6 рационализаторских предложений, внедрённых в работу пожарных республики.

В конце 1953 г. принято решение об упразднении Полоцкой области и в январе 1954 г. её бывшие административные районы вошли в состав Витебской и частично Молодечненской области. Соответственно изменилась и система подчинения пожарной службы Полоцка. Ещё весной 1953 г. начальником ПГПК был назначен С. А. Чобот. Он уделял значительное внимание боевой подготовке своих сотрудников. От этого зависела жизнь не только пострадавших от пожара, но и самих пожарных. Весной 1954 г. началось возрождение добровольных пожарных дружин в совхозах, колхозах, на промышленных предприятиях, а также других объектах министерств и ведомств в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР № 359 от 2 марта 1954 г.

Полоцкую ГПК в конце 1950-х — первой половине 1960-х гг. последовательно возглавляли Б. Г. Курьянович, Н. И. Ярмош, Г. М. Барбышев. Улучшилось материально-техническое положение команды: появились новые пожарные автомобили, несколько типов огнетушителей, а чуть позже — кислородные изолирующие противогазы (КИП-8) и теплоотражательные костюмы из отечественной тка-

ни. В работу пожарных внедрялась автоматика. Изменились и требования к организации подготовки личного состава. В пожарной части Полоцка был создан городок физической и психологической подготовки. Условия тренировки в нём были максимально приближены к реальной обстановке при пожаре. Это способствовало совершенствованию профессионального мастерства пожарных. В 1967 г. командир отделения 1-й профессиональной пожарной части Полоцка К. И. Муйжниёк лично ликвидировал угрозу взрыва газовых баллонов в д. 7 по проспекту К. Маркса. Он был награждён медалью «За отвагу на пожаре» [22, с. 30]. Эта новая государственная награда СССР появилась ещё в 1957 г. Однако первоначально сами пожарные её получали редко. Ситуация изменилась только во второй половине 1960-х гг. В 1969 г. К. И. Муйжниёк награждён 2-й медалью «За отвагу на пожаре» за спасение на пожаре рабочего литейно-механического завода.

С 1966 по 1983 г. пожарной службой Полоцка руководил Р. С. Златкин. Он уделял большое внимание не только материально-техническому обеспечению пожарной части, но и повышению профессионального мастерства пожарных. Лучшие из них поощрялись. В 1970 г. в СССР был учреждён нагрудный знак «Отличник пожарной службы». Им награждали лиц рядового и младшего начальствующего состава военизированной и профессиональной пожарной охраны МВД, а также работников пожарной охраны других министерств и ведомств, добившихся высоких показателей в работе по предупреждению и тушению пожаров, постоянно совершенствующих свою служебную квалификацию, политический и общеобразовательный уровень. Такую награду получили и пожарные Полоцка: П. А. Васильков, М. И. Коломейцев, К. А. Агриско, Л. И. Кулаковский и др.

В 1970 г. также было утверждено новое «Положение о профессиональной пожарной охране МВД СССР». На его основании все пожарные части, входящие в отряд профессиональной пожарной охраны, были сведены в гарнизон для обеспечения единого квалифицированного руководства подразделения и повышения их боевой готовности. Такую реорганизацию провели и в Полоцке. При возникновении очагов возгорания пожарным по-прежнему приходилось бороться не только за сохранение имущества населения, но и за сохранение жизни людей, оказавшихся в зоне огня. В 1979 г. за спасение детей в частном доме на ул. Котовского в г. Полоцке начальник караула 14-й пожарной части Э. М. Дралеvский был награждён медалью «За отвагу на пожаре» [22, с. 93].

В 1983 г. в соответствии с Приказом МВД СССР создана военизированная пожарная охрана. Пожарный гарнизон в Полоцке получил наименование «Самостоятельная военизированная пожарная часть по охране города № 7» (СВПЧ-7). Её возглавил М. У. Романович, которого в 1988 г. сменил В. Г. Гапеев. В сферу надзора СВПЧ-7 вошли 514 объектов народного хозяйства, из них — 20 промышленных предприятий с повышенной взрывоопасностью и 7560 домов частного жилого сектора.

Серьёзным испытанием для военизированной пожарной охраны страны стала авария на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. Первыми огненно-радиационный удар приняли пожарные. Многие из них отдали свою жизнь, спасая десятки тысяч других жизней. В ликвидации последствий аварии на ЧАЭС принимали участие и полоцкие пожарные: В. В. Иванович, С. А. Дедюлин, В. Н. Лазовик, В. Н. Поливко, О. В. Шостак, В. С. Трепачко, С. М. Львов, С. В. Колотилин, Л. В. Коршун, Г. В. Коршун, А. В. Авдеевко, А. А. Шавлюго, В. П. Бурень, Ф. Л. Долгов, Г. Н. Ефременко, В. Г. Кублицкий, А. С. Лапырь, А. Л. Матвеев, Н. И. Михеенко, В. Л. Молявко. Сотрудники СВПЧ-7 вели активную борьбу с огнём и в местах постоянной службы. В сентябре 1988 г. в ходе ликвидации пожара на сенажной башне колхоза «Герой труда» Глубокского района были спасены от огня 700 тонн грубого корма, сенажная башня и коровник. Пожарный С. В. Любчик, преодолевая высокую температуру, по разгрузочной шахте проник в башню и ввёл рукав непосредственно в зону горения. За личное мужество и проявленный героизм при тушении пожара С. В. Любчик был награждён медалью «За отвагу на пожаре».

Во второй половине 1980-х гг. пожарная служба окрепла, стала технически более оснащённой, возросла боеспособность частей и подразделений. Но трагические события этих лет — крупные пожары, аварии, повлёкшие многочисленные человеческие жертвы, — требовали существенных изменений в пожарной службе. В случае возникновения возможных экстремальных ситуаций на передний план

выступила задача координации и взаимодействия всех специальных служб. В мае 1991 г. были созданы региональные специализированные отряды (РСО) по осуществлению первоочередных спасательных работ. В их структуре выделялись функциональные подразделения: пожарно-спасательные группы, водолазные отделения, медицинская служба, отделения радиационной и химической безопасности, отделения кинологов.

После распада СССР в декабре 1991 г. единая система советской пожарной охраны прекратила своё существование и оказалась раздробленной между бывшими союзными республиками, ставшими суверенными государствами. В 1993 г. был принят Закон Республики Беларусь «О пожарной безопасности», а уже в следующем году во исполнение Постановления Кабинета Министров «О создании военизированной пожарной службы Министерства внутренних дел» сформировались военизированные пожарные отряды. Такой отряд был создан и в Полоцке. Его возглавил М. П. Кулаков, а с 1998 г. — В. Н. Каминский.

19 января 1999 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко утвердил «Положение о Министерстве по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь», основными задачами которого стали «<...> реализация государственной политики в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и гражданской обороны, обеспечения пожарной, промышленной, ядерной и радиационной безопасности, ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, создания и обеспечения сохранности государственного и мобилизационного материальных резервов <...>» [23]. После создания в стране МЧС, одним из его структурных подразделений стал Полоцкий городской отдел по чрезвычайным ситуациям.

Таким образом, формирование профессиональной пожарной службы в Полоцке пришлось на XIX — начало XX в., серьёзную помощь которой в ликвидации пожаров оказывали члены Полоцкого Вольно-Пожарного Общества (ВППО). Однако последовавшие позже Первая мировая война, революционные и постреволюционные события в России привели пожарное дело в упадок. Его возрождение связано с установлением Советской власти. Основу пожарной команды Полоцка в 1920-е гг. составили бывшие члены ВПО. И хотя добровольчество продолжало существовать, значительной роли в борьбе с пожарами оно уже не играло. На фабриках и заводах вопросы организации пожарных команд, проведение противопожарных мероприятий были переданы в ведение фабричных и заводских комитетов, а их финансирование возложено на предприятия. Прерванная Великой Отечественной войной деятельность Полоцкой городской пожарной команды была восстановлена сразу после освобождения города. Во второй половине XX в. неоднократно менялась система управления пожарной службой, форма организации пожарных подразделений, совершенствовалось их материально-техническое обеспечение. Усилилась профилактическая работа с населением. Однако проблема пожарной безопасности Полоцка и в конце XX в. всё ещё оставалась актуальной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Всемирная панорама. — СПб., 1912. — 10 авг. — С. 2.
2. Зональный архив в г. Полоцке (ЗГАП). — Ф. 1100. Оп. 1. Д. 1.
3. ЗГАП. — Ф. 1100. Оп. 1. Д. 5. Л. 28, 4.
4. ЗГАП. — Ф. 1100. Оп. 1. Д. 10.
5. ЗГАП. — Ф. 1100. Оп. 1. Д. 14.
6. ЗГАП. — Ф. 51. Оп. 1. Д. 21.
7. ЗГАП. — Ф. 51. Оп. 1. Д. 24.
8. ЗГАП. — Ф. 51. Оп. 1. Д. 51.

9. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 37. Т. 1.
10. ЗГАП. – Ф. 51. Оп. 1. Д. 69.
11. ЗГАП. – Ф. 1100. Оп. 1. Д. 19.
12. ЗГАП. – Ф. 1101. Оп. 1. Д. 3.
13. К двухнедельнику по борьбе с «красным петухом» // Чырвоная Полаччына. – 1925. – 17 окт. – С. 2.
14. Каминский, Д. В. История развития пожарного дела в Полоцке: прошлое и настоящее // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі : (па выніках навукова-даследчай работы ў 2007 г.) / уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк : НППГКМЗ, 2008. – С. 113–115.
15. Лунд, Э. Э. Завет молодым пожарным [Электронный ресурс] / Э. Э. Лунд. – Режим доступа: <https://mpsc.ru/index.php?newsid=1121>. – Дата доступа: 15.01.2024.
16. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год / под ред. А. М. Сементовского. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1864. – С. 163–164.
17. Памятная книжка Витебской губернии на 1885 год. – Витебск : Тип. губернского правления, 1885. – С. 372–373.
18. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2002. – С. 233.
19. Полоцкий кадетский корпус: исторический очерк 75-летия его существования / сост. В. П. Викентьев. – Факсимильное издание. – Минск : Беларусь, 2011. – С. 100–101, 251.
20. Страницы пожарной службы Витебщины. Люди. События. Факты / сост.: В. И. Чекан, А. Н. Юпатов, Е. В. Юпатова. – Витебск : Витебская областная типография, 2008. – С. 20.
21. 160 лет пожарной службы Витебщины : 1853–2013 / сост. А. Н. Юпатов. – Витебск : Витебская обл. типогр., 2013. – С. 50.
22. Хроника мужества : науч.-популяр. изд. – Минск : Беларусь, 2007. – С. 30, 93.
23. Указ Президента Республики Беларусь № 35 от 19.01.1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kaznachey.com>doc/6cOWx4huAgD>. – Дата доступа: 15.01.2024.
24. Устав благочиния, или полицейский: Часть первая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003338467/?ysclid=lsljxkcwk554935557. – Дата доступа: 15.01.2024.

Тригорлова Людмила Брониславовна,
ведущий научный сотрудник Краеведческого музея – филиала НПИКМЗ

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица – Список лиц, занимавших должность полицмейстера в Полоцке (1802–1916)

Год	Полицмейстер
1	2
1802*–1808**	Прокофий Васильевич Шасткевич
1809–1811, 1813	Карл Карлович Брант
1814	вакансия
1815–1823	Иван Иванович Штерн
1824–1825	Фёдор Фёдорович Гинглинг
1826	Иван Иванович Штерн
1827	вакансия
1828–1831***	Самуил Лукич Бронюшец-Герасимович
1832–1834	Иван Васильевич Богомолец
1835–1836	Михаил Петрович Суботкин
1837–1843****	Александр Васильевич Сазонов
1844–1847	Фёдор Иванович фон Галлер
1848–1851*****	Николай Дмитриевич Плаксовский
1852–1856	Иван Иванович Шолтиц
1857–1860*****	Александр Александрович Апухтин
1861	Николай Александрович Каневский
1862	И. о. Исидор Антонович Данен-Штерн
1862	Кесарий Николаевич Лукашевич
1864	Павел Александрович Наумов
1865	Василий Петрович де-Жорж
1866	Александр Иванович Шишкин
1867–1869*****	Степан Васильевич Колесников
1871–1877	Дионисий Алексеевич Демидов
1879	Владимир Петрович Донауров
1881–1888	Алексей Петрович Радзеевский

* Список составлен на основе ежегодного издания в Российской империи «Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве на лето ... от Рождества Христова» (1802–1804) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3274-mesyatseslov-s-rospisyu-chinovnyh-osob-v-gosudarstve-na-letu-ot-rozhdestva-hristova>. – Дата доступа: 15.01.2024.

** Список составлен на основе ежегодного издания в Российской империи «Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето ... от Рождества Христова» (1805–1829) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3304-1805-mesyatsoslov-s-rospisyu-chinovnyh-osob-ili-obshchiy-shtat-rossiyskoy-imperii>. – Дата доступа: 15.01.2024.

*** Список составлен на основе ежегодного издания в Российской империи «Месяцослов или общий штат Российской империи на ... год» (1830–1842) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/3334-1832-mesyatseslov-i-obshchiy-shtat-rossiyskoy-imperii>. – Дата доступа: 15.01.2024.

**** Список составлен на основе ежегодного издания в Российской империи «Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на ... год» (1843–1849) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/nodes/9512-adres-kalendar-ili-obshchiy-shtat-rossiyskoy-imperii>. – Дата доступа: 15.01.2024.

***** Список составлен на основе ежегодного издания в Российской империи «Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве» (1851–1860) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elibr.shpl.ru/nodes/9513-adres-kalendar-obshchaya-rospis-vseh-chinovnyh-osob-v-gosudarstve>. – Дата доступа: 15.01.2024.

***** Список составлен на основе ежегодного издания в Российской империи «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем главным управлениям в Империи и в Царстве Польском и в Великом Княжестве Финляндском» (1860–1867) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_pb00003365. – Дата доступа: 15.01.2024.

***** Список составлен на основе ежегодного издания в Российской империи «Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи» (1868–1916) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_pb00003413. – Дата доступа: 15.01.2024.

Продолжение таблицы

1	2
1889–1890	Рудольф Александрович Стюарт
1891–1892	Владимир Иванович Щербинский
1894–1896	Александр Александрович Клевер
1898–1900	Александр Григорьевич Иванов
1901	Василий Павлович Райков
1902	Вакансія. Александр Арвидович Пфейффер
1902–1905	Александр Арвидович Пфейффер
1906	Михаил Владимирович Бурмейстер
1907–1908	Василий Фёдорович Клауч
1909	Василий Михайлович Смирнов
1910–1911	Владимир Александрович Забелин
1912–1913	Константин Адамович Тетерский
1914	Иван Тимофеевич Широченко
1915	Константин Адамович Тетерский
1916	Иван Тимофеевич Широченко

УДК 398.331

А. С. Цыганкова

ФУНКЦЫІ «КАСТРЫ» Ё КУПАЛЬСКОЙ АБРАДНАСЦІ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ Ё КАНЦЫ ХІХ – ПАЧАТКУ ХХІ ст.

У сучасным усходнеславянскім народазнаўстве (этнаграфіі, фалькларыстыцы, этналінгвістыцы) значнае месца па-ранейшаму займае даследаванне народнага календара. У артыкуле на аснове палявых, архіўных і апублікаваных этнаграфічных матэрыялаў аналізуецца феномен шкоднай магіі ё перыяд Купалля ё традыцыйнай культуры сельскага насельніцтва Беларускага Падзвіння. Характарызуецца магічныя прыёмы і ахоўныя рытуалы, звязаныя з актывізацыяй шкодных сіл, у прыватнасці, разглядаецца сімвалічнае значэнне «кастры» ё купальскай абраднасці Беларускага Падзвіння. Матэрыялам для працы стаў комплекс апісанняў абраду і фальклорных тэкстаў, зафіксаваных на тэрыторыі доследнага рэгіёна ё канцы ХІХ – першай чвэрці ХХІ ст.

Ключавыя словы: Купалле, Беларускае Падзвінне, традыцыйная культура, шкодная магія, ведзьма, кастра.

Купалле (Купала, Іван, Цвятны Іван, Ян [15, с. 148]) – адно з галоўных свят беларускага народнага календара, якое ё тым ліку шырока адзначалася ўсімі еўрапейскімі народамі, у прыватнасці, усходнімі славянамі, было прымеркавана да перыяду летняга сонцастаяння і святкавалася пад канец чэрвеня. У выніку пазнейшага насялення на язычніцкі абрад хрысціянскай традыцыі свята было прывязана да дня Іаана Хрысціцеля і ё праваслаўных адзначаецца ё ноч з 6 на 7 ліпеня [4, с. 266].

У розных этнічных традыцыях можна сустрэць уяўленне пра тое, што кожнае з гадавых свят у той ці іншай меры прызнаецца небяспечным, звязаным з актывізацыяй нячыстай сілы: «*Особый разгул нечистой силы, по верованиям большинства европейских народов, бывает на святки <...>. В это же время мертвые выходят из могил и навещают родственников, летом „тот свет открыт для общения на Иванов день“*» [8, с. 167]. Уяўленні людзей пра «той» (чужы свет) кажа пра гетэрагеннасць прасторы, то бок падзеле яго на «свой» (асвоены ё гаспадарчым і семантычным плане) і «чужы» свет [9, с. 106–107]. Па народных вераваннях, менавіта каляндарныя святы з’яўляюцца часам, калі мяжа паміж «тым» і «гэтым» светам растуленая і лёгка пранікальная, што можа прывесці да актывізацыі шкоднай магіі.

З усіх персанажаў народнай дэманалогіі, якія сустракаюцца ё каляндарных павер’ях і актывізуюць сістэму забарон і засцярогаў, самае заўважнае месца ё купальскі перыяд займае ведзьма. Яна фігуруе ё фальклорных наратывах сельскага насельніцтва Беларускага Падзвіння: «*А ё мясцовасці ё нас былі такія <...> І не адна, іх тут настаяшча было. Фамілію не помню, а звалі Каханіха. Купалье якое, ці што, тады лётаець, і гэта – цадзелку хваціць яна і цягаіць <...>. І яна, як толькі Купалле, цягала цадзелку па расе, бо перад Купаллем чараўнікі вельмі дужа чаруюць*» (Мёрскі р-н) [12, с. 58]. Такім чынам, рысай агульнаславянскага распаўсюджання і найбольш устойлівай характарыстыкай купальскага перыяду (практычна для ўсіх лакальных традыцый) з’яўляецца матыў шкоднасці ведзьмаў [7, с. 249]. Найбольш шырока купальскі «пік» вядзьмоўскай актыўнасці выяўлены ё заходніх і ўсходніх славян, а гэтак жа ё балгараў і славенцаў [1, с. 398].

Ведзьма – персанаж ніжэйшай міфалогіі ўсходніх і заходніх славян, спалучае рысы рэальнай жанчыны і дэмана, што адрознівае ведзьму як ад дэманаў (русалак, лесуна і г. д.), гэтак і ад людзей, якія валодаюць звышнатуральнымі здольнасцямі, але не маюць нечалавечую іпастась [6, с. 297]. Як адзначалі даследчыкі Н. Я. Нікіфароўскі і Л. Т. Вінаградава, вонкавая характарыстыка ведзьмы мае ярка выяўленыя адметныя адзнакі: каламутны пагляд, сівыя растрэпаныя валасы, крукаваты нос, целавыя хібы (горб, сутуласць, кульгавасць), пачварны выгляд і г. д. [10, с. 90–91; 5, с. 297]. Ва ўяўленні сельскага насельніцтва Віцебскага Падзвіння, ведзьма – звычайная жыхарка вёскі, якая ё звычайным жыцці не мае выяўных адметных рыс, аднак здабывае адпаведнае аблічча ё момант здзяйснення шкоднай магіі: распранаецца дагала, што пазбаўляе яе статусу ё свеце людзей, распускае і скудлачвае валасы, загортваецца ё белую тканіну ці апранае белае адзенне: «*На Купалу ідзець жаншчына, і снімаіць з сябе ўсё бяльё і па расе, утрам раненька, каб ніхто ня відзіў. <...> Сабіраіць эту*

расу. Прыйдзець дамоў і, значыць, яна і заказваіць, на якую саседку ад каровы малако, каб у саседкі <...>» (Лепельскі р-н) [12, с. 68].

Кажучы пра гендарныя асаблівасці, варта адзначыць, што галоўным чынам шкодныя рытуалы праводзілі жанчыны, якія маглі займацца толькі вызначаным выглядам вядзьмарства: *«Чародеямі бываюць лица обоего пола, хотя женщины ведают более легкія дела. Они, например, производят порчу детей родих, мелкого скота и, главным образом, портят коров, отнимают у них молоко. Само собой разумеется, что мужчины-чародеи могут сделать все это; но они почти не опускаются до „бабских дел“»* [11, с. 283].

Успрыманне ведзьмаў сельскім насельніцтвам доследнага рэгіёна шырока пададзена ў песенным фальклору купальскага перыяду. Галоўным чынам сустракаюцца сюжэты, злучаныя са шкодным уплывам на гаспадарчае (ураджай, жывёла) і асабістае (здароўе, сям'я) жыццё чалавека: *«Купалка Йвана на вулку звала: // – Выйдзі, выйдзі, пане Йване. // – Не маю часу, Купалачка: // А мне трэба дары пільнаваці, // Каб ведзьмішча не нахадзіла, // Нашых каровак не падаіла»* (Глыбоцкі р-н) [3, с. 97–98].

Шкодны ўплыў дэманічных істот на асабістае і гаспадарчае жыццё чалавека ў купальскі перыяд актывізуе пошук ахоўных рытуалаў і магічных прыёмаў. Адным з найболей эфектыўных сродкаў абароны ў народнай традыцыі лічацца дзікарослыя травы са спецыфічнымі ўласцівасцямі. Каб засцерагчы сябе і сваю гаспадарку, клалі на парогам хлявоў і хат расліны-апатрапей: крапіву, чартапалох; гэтак жа на ўваход у хлёў вешалі грамнічную свечку, жалезныя прылады працы (серб, касу). Найчасцей сустракаюцца сюжэты, звязаныя з выкарыстаннем крапівы: *«Крапіву клалі крэст на крэст пад парог у хлеме, дык малако ў кароў ведзьма не скрадзе»* (Бешанковіцкі р-н) [13, с. 7]. Ахоўныя якасці чартапалоху і крапівы могуць быць звязаны з іх рэальнымі «ахоўнымі» біялагічнымі якасцямі (у крапівы гэта наяўнасць шыпоў, а ў дзеда – калючак) [17, с. 247].

Яшчэ адным значным сродкам, што фігуруе ў магічных рытуалах падчас Купалля, з'яўляецца кастра. Кастра – адкіды ад апрацоўкі лёну і канопляў, цвёрдая частка сцяблін. У традыцыйнай культуры кастра мае як станоўчыя, так і адмоўныя канатацыі. Можна, па-першае, звязвацца з няшчасцямі і стыхійнымі бедствамі (агнём, пажарам, градам і г. д.), хваробамі і сурокамі, з нячыстай сілай, па-другое, па прыкмеце множнасці, незлічонасці, можна прылічвацца да прадметаў-апатрапей [4, с. 16, 76; 14, с. 211, 301].

На тэрыторыі Беларускага Падзвіння рытуалы, звязаныя з кастрай падчас Купалля, у асноўным маюць станоўчае адценне; напрыклад, яе выкарыстоўвалі ў рытуальным выгнанні (магічны акт адгону, адпуджвання, выдалення за межы «сваёй» прасторы шкодных сіл) [2, с. 392]. Па ўяўленнях сельскага насельніцтва Беларускага Падзвіння, нячыстая сіла баіцца кастры, таму яе падчас Купалля адмыслова вывозілі ў багністыя месцы і пераважна на балацаныя дарогі: *«Льняную и пеньковую „костру“ следует вывозить в болотные места и, преимущественно, на болотные дороги. Черти „ужисци“ боятся не только „костры“ и „паху“ ей, а потому не посмеют приступить здесь ни к людям, ни к „статку“»* [11, с. 119].

У купальскі перыяд была распрацавана не толькі сістэма засцярогаў і абароны ад шкоднага ўплыву, але і спосабы распазнання і пакарання ведзьмаў. Адзін са спосабаў пошуку ведзьмы дзеля яе абясшкоджвання – пасыпанне льняной кастрай у канцы вёскі, дзе жывёлы праходзяць на пашу. Лічыцца, што карова ведзьмы не зможа яе перайсці: *«У нас былі дзеве каровы. У нас была такая баба, што нам падрабіла нешта. У нас мама як падоіць карову, дык у малаку такія як чэрві. <...> Зразу кіснець малако. Салодкае і скісніць, і чэрві ў малаку. Дык там быў старычок у Нарушаві. <...> Дык мама з'ездзіла да гэнага старычка. А ён нічога ей ні даў. <...> І сказаў: „Набяры мяліньня, што на хаце насыпана, мяліньня, і занясі, толькі каб ніхто цябе ня відзіў, і пасып там, дзе ўсе каровы ідуць. І хто табе зрабіў гэта – не пярэйдучь тыя каровы, вернуцца назад“. Ну, мама так і зрабіла. Уззяла занісла на выган, дзе каровы, пасыпала таго мяліньня. І ўсе каровы як ішлі так і пашлі, а толькі Волькі Выліяніхі дайшлі, сталі раўсці і назад. І ў яе зрабілася малако гэтаксама як і ў нас, а ў нас стала нармальна»* (Глыбоцкі р-н) [12, с. 56]. *«[На Яна] Уззяла кастры, яшчэ людзі кароў не вялі на паству, нешта пашаптала і ўсю дарогу перасыпала. Каровы як ішлі так і пашлі, а гэтай [ведзьмы] карова дайшла, як высулупіла язык, як стала раўсці, як стала капатамі зямлю біць»* *. Варта адзначыць, што ў розных рэгіёнах Беларусі адны

* Зап. Глушко А. у 2008 г. ад Лаўрыновіч Лідзіі Владславаўны, 1921 г. нар., у в. Германовічы Шаркаўшчынскага р-на.

і тыя ж маніпуляцыі з кастрой падчас Купалля маглі ўспрымацца па-рознаму. Як намі было адзначана раней, на тэрыторыі Беларускага Падзвіння сельскія жыхары перасыпалі кастрой дарогу напрыканцы вёскі, каб па выніку знайсці і пакараць ведзьму, а, напрыклад, на тэрыторыі Падняпроўя тое самае магла рабіць сама ведзьма, каб адабраць у каровы малако: «Сами ведьмы тоже мнутъ лень в этотъ день [у чысты чацверг], до восхода солнца голыми, и кострику сыплютъ на улице. Молоко первой коровы, которая пройдет по ведьминой кострике 24 июня, переходит къ ведьме» (Магілёўскі р-н) [14, с. 211].

Так жа, кастра лічылася прычынай псавання малака, у прыватнасці з'яўлення ў ім чарвей. У этнаграфічных матэрыялах, зафіксаваных на тэрыторыі Беларускага Падзвіння, сустракаюцца сюжэты, калі самі гаспадыні пры ранішнім выгане жывёлы пасыпалі крыж-накрыж кастрой па спінах кароў і ў кутах хлявоў, «чтобы в добытом ведьмою молоке и масле завелись невыводные черви» (Полацкі р-н) [11, с. 249]. А, напрыклад, на тэрыторыі Заходняга Палесся малако якой-небудзь каровы з вёскі магла сапсаваць сама ведзьма, каб у масле з гэтага малака з'явіліся чэрві [5, с. 56].

Такім чынам, даследаванне паказала, што ў традыцыйнай культуры Беларускага Падзвіння яшчэ ў канцы XIX — пачатку XX ст. захаваліся ўяўленні пра тое, што ў купальскую ноч адбываецца актывізацыя шкодных сіл, скіраваных на гаспадарчае і асабістае жыццё чалавека ў межах сельскага соцыуму. Асноўныя функцыі ведзьм у гэты перыяд: адабранне малака ў кароў і псута ўраджаю, якія, напэўна, былі абумоўлены не толькі функцыямі і ўласцівасцямі саміх ведзьмаў, але і каляндарна-гаспадарчай дзейнасцю чалавека (выган жывёлы на пашы, выпяванне ўраджаю збожжавых) і прыродна-кліматычнымі ўмовамі [16, с. 110], то бок у міфалогіі на персанажаў народнай дэманалогіі перакладаецца адказнасць за найболей уразлівых для земляроба аспекты гаспадарчай дзейнасці [1, с. 405]. Шкодны ўплыў дэманічных істот на асабістае і гаспадарчае жыццё чалавека ў купальскі перыяд актывізуе пошук ахоўных рытуалаў і магічных прыёмаў. Эфектыўным сродкам абароны сваёй гаспадаркі ў народнай традыцыі лічыцца кастра. На тэрыторыі Беларускага Падзвіння кастру ў асноўным выкарыстоўвалі ў наступных магічных рытуалах: у рытуальным выгнанні ведзьмы за межы «сваёй» прасторы, рытуалы адсылання шкоднага ўплыву непасрэдна на саму ведзьму і яе гаспадарку, а таксама ў рытуалах распазнання і пакарання ведзьмаў. Зыходзячы з дадзеных этнаграфічных матэрыялаў бачна, што кастру падчас Купалля надзяляюць магічнымі ўласцівасцямі, у сувязі з чым яна можа выкарыстоўвацца альбо ў якасці абярэгу, альбо ў якасці шкодных прадметаў. На тэрыторыі Беларускага Падзвіння рытуалы, звязаныя з кастрой падчас Купалля, у асноўным маюць станоўчае адценне, бо яна выкарыстоўваецца сельскімі жыхарамі ў рытуалах абароны сябе, сваёй гаспадаркі і сваёй прасторы, што пацвярджаюць этнаграфічныя дадзеныя канца XIX — пачатку XXI ст.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Агапкина, Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. А. Агапкина. — М. : Индрик, 2002. — 816 с.
2. Агапкина, Т. А. Изгнание ритуальное / Т. А. Агапкина, Л. Н. Виноградова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 1996. — Т. 2 (Д—К). — С. 392—297.
3. Бандарчык, В. К. Купальскія і пяtroўскія песні / В. К. Бандарчык, А. С. Фядосік, К. П. Кабашнікаў. — Мінск : Навука і тэхніка, 1985. — 631 с.
4. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўнік / С. І. Санько [і інш.]. — Мінск : Беларусь, 2004. — 592 с.
5. Валенцова, М. М. Костра / М. М. Валенцова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 1996. — Т. 2 (Д—К). — С. 631—632.
6. Виноградова, Л. Н. Ведьма / Л. Н. Виноградова // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 1995. — Т. 1 (А—Г). — С. 297—301.

7. Виноградова, Л. Н. Зимняя календарная поэзия западных и восточных славян / Л. Н. Виноградова ; под ред. Е. Г. Павловской. — М. : Наука, 1982. — 258 с.
8. Виноградова, Л. Н. Календарные переходы нечистой силы во времени и пространстве / Л. Н. Виноградова // Концепт движения в языке и культуре. — М. : Индрик, 1996. — С. 166–184.
9. Лобач, У. А. Міф. Прастора. Чалавек: традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семіятычнай перспектыве : манагр. / У. А. Лобач. — Мінск : Тэхналогія, 2013. — 510 с.
10. Никифоровский, Н. Я. Нечистики: свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе / Н. Я. Никифоровский. — Вильна : Типо-литограф. Товарищества п. ф. «Н. Мац и К°», 1907. — С. 90–91.
11. Никифоровский, Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский, действ. чл. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии и действ. чл. Витебского губ. стат. ком. — Витебск : Губерн. Типо-Лит., 1897 — С. 283.
12. Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. — Вып. 2 : Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. — Наваполацк : ПДУ, 2011. — Ч. 2. — 368 с.
13. Полацкі этнаграфічны зборнік / уклад., прадм. і паказ. У. А. Лобача. — Вып. 1 : Народная медыцына беларусаў Падзвіння : у 2 ч. — Ч. 2. — Наваполацк : ПДУ, 2006. — 332 с.
14. Романов, Е. Р. Белорусский сборник / Е. Р. Романов. — Вильно : Тип. А. Г. Сыркина, 1912. — Вып. VIII. — 411 с.
15. Традиційная мастацкая культура беларусаў : у 6 т. / Т. Б. Варфаламеева [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2001–2013. — Т. 2. Віцебскае Падзвінне / склад. Т. Б. Варфаламеева. — 2004. — 910 с.
16. Цыганкова, А. С. Вредоносная магия в контексте купальской обрядности сельского населения Витебско-Псковского пограничья / А. С. Цыганкова // Фольклор: структура, типология, семиотика. — М., 2021. — Т. 4? № 4. — С. 91–111.
17. Шаўчэнка, Я. С. Дзікарослыя расліны ў каляндарнай абраднасці беларусаў Падзвіння канца XIX–XX стст. / Я. С. Шаўчэнка // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў : зб. навук. арт. III Міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г. : у 2 ч. — Наваполацк : ПДУ, 2016. — С. 243–249.

Цыганкова Анастасія Сяргееўна,
магістр гістарычных навук,
вядучы навуковы супрацоўнік Музея традыцыйнага ручнога ткацтва Паазер'я — філіяла НПГКМЗ

А. С. Цыганкова

ФУНКЦИИ «КОСТРЫ» В КУПАЛЬСКОЙ ОБРЯДНОСТИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI в.

В современном восточнославянском народоведении (этнографии, фольклористике, этнолингвистике) значительное место по-прежнему занимает исследование народного календаря. В статье на основе полевых, архивных и опубликованных этнографических материалов анализируется феномен вредоносной магии в период Купалья в традиционной культуре сельского населения Белорусского Подвинья. Характеризуются магические приёмы и защитные ритуалы, связанные с активизацией вредных сил, в частности, рассматривается символическое значение «костры» в купальской обрядности Белорусского Подвинья. Материалами для работы стал комплекс описаний обряда и фольклорных текстов, зафиксированных на территории исследуемого региона в конце XIX — первой четверти XXI в.

Ключевые слова: Купалье, Белорусское Подвинье, традиционная культура, вредная магия, ведьма, костра.

Цыганкова Анастасия Сергеевна, магистр исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея традиционного ручного ткачества Поозерья — филиала НПИКМЗ.

УДК 94(476)"1955/1970"

П. А. Шкляр

РАЗВИТИЕ ЛЬНООБРАБОТКИ НА ПОЛОТЧИНЕ С СЕРЕДИНЫ 1950-х ДО НАЧАЛА 1970-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ВЕРХНЕДВИНСКОГО, ПЛИССКОГО, ПОЛОЦКОГО, РОССОНСКОГО ЛЬНОЗАВОДОВ)

Предлагаемое исследование является продолжением двух предыдущих работ, в которых рассматривалось развитие льноводства в Полоцком регионе в 1920-е – первой половине 1950-х гг., также представлен материал по некоторым вопросам развития льнообработки на Полотчине с середины 1950-х до начала 1970-х гг. Освещаются такие вопросы, как деятельность льнозаводов и их роль в развитии льноводства, связь льнозаводов с колхозами, общие тенденции развития льноводства в изучаемый период.

Ключевые слова: льноводство, льнозаводы, Полоцк, колхозы, развитие лёгкой промышленности БССР.

В статье рассматривается развитие льнообработки в указанный период на примерах наиболее крупных льнозаводов Полотчины, которые играли большую роль в развитии льноводческой отрасли в БССР. Необходимо отметить, что архивные материалы того времени крайне скудные и сохранились не в полном объёме. В основном документы содержат годовые бухгалтерские и статистические отчёты, а также протоколы заседаний заводских профсоюзов, которые не дают полной информации о деятельности того или иного льнозавода.

С середины 1950-х до начала 1970-х гг. по своему экономическому значению лён по-прежнему занимал первое место среди сельскохозяйственных культур, возделываемых во многих колхозах как всей БССР, так и Полотчины. Посевные площади льна-долгунца во многих хозяйствах с каждым годом расширялись, при одновременном повышении урожайности семян и льноволокна (таблица 1) [1, с. 66]. Однако следует отметить, что только к 1955 г. удалось полностью достигнуть довоенного уровня посевных площадей (свыше 274 тыс. га).

Таблица 1 – Посевные площади и урожайность льноволокна в БССР

Во всех категориях хозяйств	1960	1965	1970
Посеяно льна, тыс. га	270,2	282,3	260,3
Урожайность льноволокна, ц/га	3,1	4,1	3,9

На протяжении не только первого послевоенного десятилетия, но и дальнейших лет лён-долгунец являлся одной из главнейших культур, которую выращивали в колхозах БССР. В 1960–1970-х гг. льноводство давало 15 % денежных доходов от реализации продукции растениеводства, а в колхозах эта цифра достигала 40 %. В это же время БССР занимала второе место в СССР по изготовлению льняной ткани. Около 60 % всего льноволокна из страны вывозилось в другие экономически важные регионы Советского Союза. В 1970 г. выпуск льняных тканей в республике в 4,7 раза превысил уровень 1940 г.

Важную роль в подготовке сырья и льнообработке занимали непосредственно льнозаводы, так как объём заводской обработки льноволокна в стране составлял 75–80 % (оставшиеся 20–25 % приходились на колхозы и совхозы). С каждым годом объёмы льноволокна промышленной обработки в стране увеличивались: в 1960 г. было обработано 35,11 тыс. т, в 1965 г. – 57,3, а в 1970 г. – 84,68 [2, с. 348].

Промышленность первичной обработки льна принадлежала к числу тех отраслей народного хозяйства, в себестоимости продукции которых сырьё составляло основную долю (на льнозаводах эта доля составляла 65–70 %). Такой высокий удельный вес сырья показывает, какое большое значение для снижения себестоимости продукции льнозаводов имела заготовка высококачественного сырья, его правильное хранение и обработка. Снижение себестоимости достигалось на льнозаводах путём тщательной подготовки сырья к обработке и бережного обращения с ним на всех этапах технологического процесса.

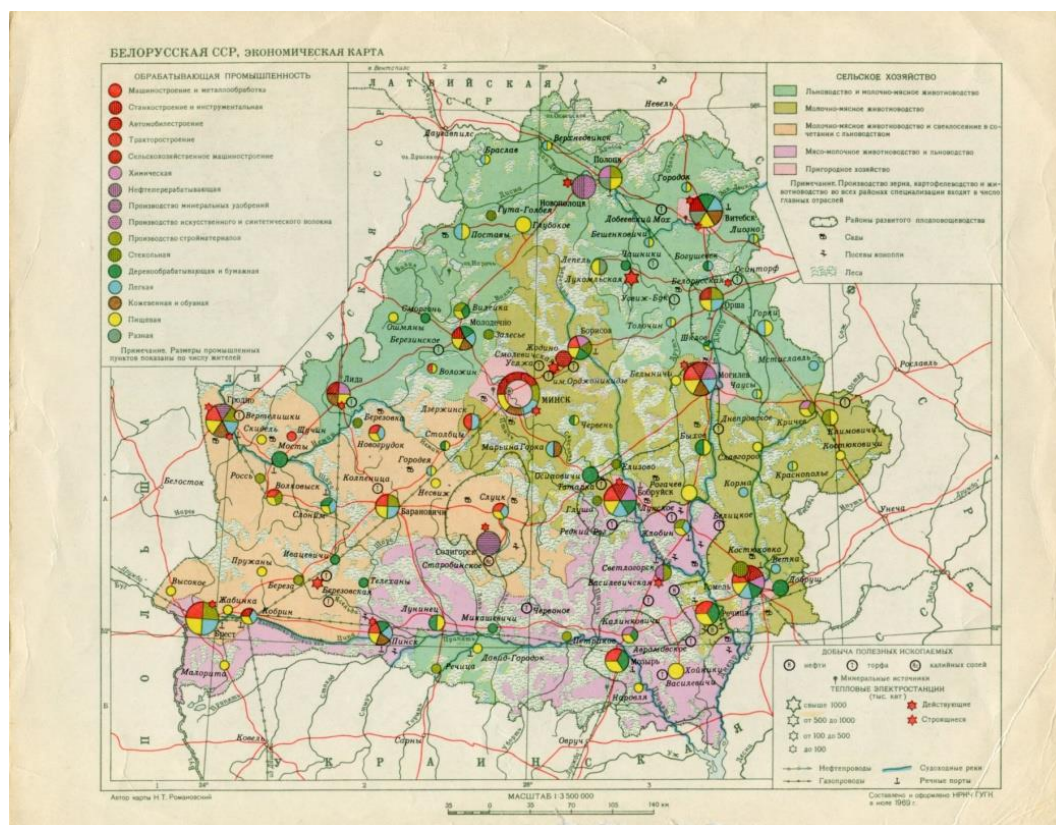

Рисунок 1 – Экономическая карта БССР 1960-х гг. (зелёным цветом выделена территория, на которой активно было развито льноводство)

Для создания и укрепления устойчивой сырьевой базы необходимо было осуществлять постоянную связь с колхозами. Заводы заботились об обеспечении колхозов качественными семенами, о заготовке удобрений и вывозе их на поля, о проведении сева льна в лучшие агротехнические сроки. Так, колхоз «Победа» Ушачского района сдал на Плиссский льнозавод качественное сырьё: льноволокно, льнотресту и льносемена. С каждым годом эта цифра увеличивалась практически в 1,5 раза: в 1952 г. – по 2,4 ц с га, в 1953 г. – по 4,7 ц с га, а в 1955 г. – по 5,5 ц с га [20, с. 4]. Также отмечалось, что в 1955 г. на Плиссский льнозавод сдали льнотресту 42 колхоза (35 из них выполнили годовой план), льносемена сдали 39 колхозов (23 из них выполнили план) [11, л. 46].

Для механизации ряда процессов по выращиванию и первичной обработке льна государство обеспечивало колхозы через машинно-тракторные станции необходимой техникой: льяными сеялками, льнотербилками, льномолотилками и др. В 1955 г. в республике имелось более 2450 льяных тракторных сеялок, и на одну такую сеялку в Витебской области приходилось 89 гектаров (из 150 тыс. га) посева льна [19, с. 8].

Льнозаводы Полотчины поставляли свою продукцию не только на местные льнокомбинаты, но и на экспорт. Так, в 1955 г. Плиссским льнозаводом было отгружено 86 вагонов готовой продукции, в том числе и длинное волокно, которое поступало на Оршанский льнокомбинат, Псковскую льночесальную фабрику и на фабрику им. К. Либкнехта ст. Вязники Владимирской области. Этот факт свидетельствует о том, что льнозаводы играли значительную роль в экономике не только БССР, но и всего СССР в целом, так как они ежегодно поставляли свою продукцию различным фабрикам и комбинатам.

Начиная с середины 50-х гг. XX в. и до конца изучаемого периода, льнозаводы развивались и постепенно наращивали темпы производства готовой продукции. Однако в связи с погодными условиями, а также частыми перебоями с поставкой сырья в 60-е гг. на некоторых заводах наблюдался спад льнопроизводства. И только к 1970 г. удалось добиться положительных результатов. Об этом

говорят годовые статистические отчёты. Например, Плиссский льнозавод в 1955 г. план по заготовке льнотресты выполнил на 150,7 %, а по льносеменам — на 324 %, денежный доход завода составил 12 232 тыс. руб. Всего в 1955 г. было изготовлено волокна более 600 т, а в 1970 г. — уже более 1500 т. Подробная информация представлена в *таблице 2* [11, л. 23 об.; 9, л. 13; 10 л. 2].

Таблица 2 — Объём выработки готовой продукции Плиссским льнозаводом (в тоннах)

	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Длинное волокно	263,5	150	78	600
Короткое волокно	363,2	304	236	983
Всего	626,7	454	314	1583

На Россонском льнозаводе шло постепенное наращивание объёмов производства длинного и короткого волокна, однако часто, несмотря на высокие показатели, годовой план всё равно не выполнялся. Так, в отчётах за 1955 г. указывалось, что невыполнение плана связано с отсутствием сырья, в связи с чем льнозавод фактически приступил к работе 15 октября, вместо 10 сентября того же года. Из-за простоя завода плановые показатели не были выполнены практически в два раза: длинного волокна было произведено 134,1 т (по плану — 297 т). Более подробные показатели представлены в *таблице 3* [12, л. 29 об., л. 57; 13, л. 19].

Таблица 3 — Объём выработки готовой продукции Россонским льнозаводом (в тоннах)

	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Длинное волокно	134,1	168	451	466
Короткое волокно	186,7	236	589	353
Всего	320,8	404	1040	1113

Верхнедвинский льнозавод в период с 1955 по 1970 гг. занимал лидирующую позицию среди других льнозаводов Полотчины. Так, по выполнению плана производства готовой продукции за I квартал 1965 г. завод получил второе место в республиканском соцсоревновании и премию. С каждым годом завод наращивал темпы производства, что отображено в *таблице 4*. Кроме того, в годовых отчётах указывается, что льнозавод периодически перевыполнял план производства. Например, в 1965 г. план заготовок льносемян был выполнен на 182 %, по выпуску льноволокна — на 108,6 %, в том числе по длинному — на 115 % [5, л. 1].

Таблица 4 — Объём выработки готовой продукции Верхнедвинским льнозаводом (в тоннах) [6, л. 43]

	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Длинное волокно	441	574	579	585
Короткое волокно	702,8	743	809	992
Всего	1143,8	1317	1388	1577

Полоцкий льнозавод также активно развивался на протяжении изучаемого периода. В годовом отчёте за 1967 г. отмечалось, что план по реализации продукции выполнен на 114,1 %, по товарной продукции — на 111 %, по валовой продукции — на 107,8 % [15, л. 10]. С каждым годом количество выпускаемой продукции увеличивалось, что положительно сказывалось на экономическом состоянии завода (более подробные данные приведены в *таблице 5*).

Таблица 5 — Объём выработки готовой продукции Полоцким льнозаводом (в тоннах)

	1955 г.	1960 г.	1965 г.	1970 г.
Длинное волокно	256,8	233	355	420
Короткое волокно	541,5	351	482	571
Всего	798,3	584	837	991

Большое значение для получения качественной продукции имели приёмка и укладка сырья, организация его хранения непосредственно на самих льнозаводах, а также качество самого сырья.

Однако очень часто условия хранения льняного сырья нарушались, а также наблюдались перебои в его поставках на льнозаводы. Об этом неоднократно говорилось в отчётах. Так, в 1955 г. Россонский льнозавод не выполнил план переработки сырья и выпуска валовой продукции из-за того, что заготовленное в 1954 г. сырьё было плохого качества, отчего льнозавод понёс убытки в размере 70 286 руб. [12, л. 7]. В 1962–1964 гг. этот же льнозавод не обеспечивался сырьём для полноценной трёхсменной работы, поэтому приходилось завозить сырьё из других областей БССР. Так, в 1962–1963 гг. заводом было завезено более 6000 т тресты, а в 1964 г. многие районы страны подверглись засухе, что повлияло на урожайность льна, и многие заводы не смогли обеспечить себя достаточным количеством льнотресты. В связи с этим в конце 1964 г. Россонский льнозавод вынужден был перейти на двухсменный график работы [14, л. 72 об.]. В отчётах Полоцкого льнозавода за 1955 г. также отмечалось, что план по длинному волокну не выполнен на 242 ц, так как льнозавод простоял целый месяц без работы.

Перед Россонским льнозаводом ставилась задача снижения себестоимости продукции на 5,8 % (248,6 тыс. руб.), однако фактически она была снижена только на 2 % (81 тыс. руб.). Это было связано с тем, что собственного сырья завод не имел, оно привозилось из Верхнедвинского и Дуниловичского льнозаводов, а перевозка, разгрузка и погрузка сырья требовали больших расходов [15, л. 45].

На качество производимой продукции и работу персонала непосредственно влияли условия работы на заводах. Так, в 1958 г. на Верхнедвинском льнозаводе дощатый тамбур (использовался для хранения сырья) был неблагоустроен. Зимой в нём было очень холодно, а летом — жарко. В документах также отмечается, что места в кудельном цехе было мало, и это усложняло процесс получения кудели [8, л. 1–2].

Что касается сырья. Сырьё на Верхнедвинском льнозаводе хранилось под открытым небом, что значительно снижало его качество, а следовательно, и качество производимой продукции — из-за подачи сырья разного качества каждая смена выпускала льноволокно разных номеров (всё выпускаемое волокно имело номера в зависимости от его качества: короткому волокну присваивался номер от 3 до 18-го, длинному — от 3 до 26-го. Номер волокна определялся по его внешнему виду путём сравнения со стандартными образцами [8, л. 1–2].

На протяжении всего изучаемого периода простои в работе льнозаводов случались не только из-за низкого качества сырья, но также из-за недостатка запчастей для оборудования. Так, на Полоцком льнозаводе во второй половине 1950-х гг. произвели капитальный ремонт оборудования: поставили топку, установили генератор, отремонтировали трясилку, мялку и турбину. Но работа не могла быть начата из-за технических неполадок и отсутствия некоторых запчастей. В частности, не работала вентиляция на складе готовой продукции, установленный новый локомобиль невозможно было подключить из-за неисправности генератора.

В 1960 г. на этом же заводе на 86 тонн не был выполнен план по выпуску короткого волокна из-за допущенной ошибки в монтаже во время капитального ремонта костровой и пылевой вентиляции, что вызывало частые простои в работе кудельного агрегата из-за забивки труб кострой.

В отчётах 1961 г. отмечалось, что оборудование на Полоцком заводе перегружено, также указывались следующие недостатки:

- из-за неотрегулированной ленты плохо работал пневмотранспорт, в результате чего на колесо наматывалось больше волокна, чем требовалось;
- не работала вытяжная вентиляция сушилки СК-47, из-за чего сырьё оставалось сырым;
- плохо работала вентиляция, поэтому в цехах настуж открывали двери, что приводило к постоянным сквознякам. По этой причине многие рабочие болели, и завод частично простаивал [17, л. 11; 15].

В отчётах 1964 г. того же Полоцкого льнозавода отмечалось: «На многих рабочих местах, в цехе сортировки длинного волокна и при формировании слоя для загрузки паровой сушилки, наблюдалась высокая запылённость, превышающая допустимые нормы в связи с тем, что процесс удаления пыли с фильтра не был полностью механизирован» [16, л. 5]. Все эти факторы негативно отражались на выполнении годовых планов льнозаводов на протяжении всего изучаемого периода.

Вместе с тем на льнозаводах Полотчины тщательно следили за качеством выпускаемой продукции, особенно за качеством выпускаемого длинного волокна, так как значительная его часть шла на экспорт и от этого зависела прибыль предприятия. Так, на Верхнедвинском льнозаводе для стимулирования качественной подготовки данной продукции всем подвязчицам и сортировщикам длинного льноволокна, которое шло на экспорт, в 1960-х гг. раз в месяц выдавали премию в размере 6–8 руб. на человека [4, л. 9 об.–10]. А за изготовление в течение года экспортной продукции рабочих премировали в размере 75–125 руб. на человека [3, л. 1].

В отчётах Полоцкого льнозавода также отмечалось, что повышение качества продукции во многом зависело от инженерно-технических работников. За последний квартал 1970 г. качество выпускаемой продукции снизилось, мало внимания уделялось качеству не только длинного, но и короткого волокна. Наблюдались случаи нарушения технологической дисциплины, в результате чего качество длинного волокна даже в течение одной смены сильно отличалось, и на экспорт шло плохое волокно [18, л. 16; 17, л. 8].

Частыми были случаи нарушения трудовой дисциплины. Например, инспекцией вышестоящих органов на Плисском льнозаводе были выявлены следующие недостатки: директор почти не присутствовал на рабочем месте, рабочим полгода не выплачивалась зарплата, т. к. основные средства были использованы для того, чтобы рассчитаться с колхозом; имеющаяся на складе продукция не отгружалась потребителям, имеющийся посевной фонд использовался не по назначению, а сырьё не было переработано [3, л. 8–8 об.]. В частности, Верхнедвинский льнозавод находился в пожароопасном состоянии: прилегающая территория и помещения не были убраны, часто на завод проходили люди без пропусков, недостаточно было отведённых для курения мест [4, л. 13–13 об.].

На протяжении второй половины 1950-х годов штат многих льнозаводов всё ещё оставался в количественном отношении относительно небольшим. Постепенное увеличение количества сотрудников началось в конце 1960 — начале 1970-х гг. Так, в 1970 г., Верхнедвинский льнозавод являлся бесцеховым предприятием, работал в три смены и насчитывал 141 рабочего, 24 человека административно-управленческого персонала, 10 человек охраны. Несмотря на рост численности рабочих, вплоть до конца изучаемого периода показатели по выполнению плана, особенно по изготовлению длинного волокна, были по-прежнему ниже нормы, в том числе из-за недостаточного уровня образования работников.

Для повышения уровня подготовки кадров льнозаводов и улучшения трудовой дисциплины большое внимание уделялось обучению рабочих. Инженерно-техническим рабочим за преподавание на курсах доплачивали 10 руб./ч, а за досрочное или отличное окончание курсов повышения квалификации молодым рабочим полагались ежемесячные премии в размере до 20 % от общей зарплаты. На Верхнедвинском льнозаводе вплоть до 1970 г. не было ни кабинета, ни учебного класса, поэтому занятия проходили в комнате мастера смены. За 1970 г. на данном заводе путём индивидуальной подготовки было обучено 4 человека, путём бригадного обучения — 14 человек, повысили квалификацию 20 человек. Всё это положительно сказывалось на производительности труда [7, л. 9]. Администрация предприятий создавала бригады, ответственные за выпуск стенгазет, в которых освещалась деятельность льнозаводов. Также назначались руководители пожарной охраны, которые обязаны были следить за соблюдением на заводах правил пожарной безопасности.

Таким образом, развитие льнообработки на Полотчине с середины 1950-х до начала 1970-х гг. характеризуется следующими особенностями: во второй половине 1950-х гг. развитие льноводства набирает обороты: строятся новые льнозаводы, постепенно увеличивается объём выпускаемой продукции. Однако по-прежнему оборудования и его мощностей не всегда хватало для обеспечения деятельности льнозаводов, многие рабочие не имели необходимой квалификации для обслуживания машин, что отрицательно сказывалось на выполнении планов по выпуску продукции, также возникали частые сбои с доставкой сырья на заводы и его хранением.

Только к середине 1960-х гг. льноводство стало активно развиваться и достигло своего пика к концу изучаемого периода: увеличилась урожайность льна, наблюдался рост посевных площадей, в

колхозах появилось новое оборудование для возделывания и уборки льна, много внимания уделялось повышению квалификации рабочих и внутренней дисциплине.

Несмотря на все недостатки в начале изучаемого периода в развитии льноводческой отрасли, во второй половине 1960-х гг. полоцкий регион по-прежнему занимал одно из лидирующих мест в республике по выпуску льняной продукции, что положительно сказывалось на его экономическом развитии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. / АН БССР. Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі ; рэдкал.: П. У. Броўка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1972. — Т. 5. — 616 с., [38] л. іл., каляр. іл., карт.
2. Беларуская Савецкая Энцыклапедыя : у 12 т. / АН БССР. Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі ; рэдкал.: П. У. Броўка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1972. — Т. 6. — 624 с., [31] л. іл., каляр. іл., карт., партр.
3. Зональный государственный архив г. Полоцка (далее — ЗГАПол). — Ф. 1531. Оп. 1. Д. 5.
4. ЗГАПол. — Ф. 1531. Оп. 1. Д. 6.
5. ЗГАПол. — Ф. 1531. Оп. 1. Д. 25.
6. ЗГАПол. — Ф. 1531. Оп. 2. Д. 106.
7. ЗГАПол. — Ф. 1531. Оп. 3. Д. 159.
8. ЗГАПол. — Ф. 1531. Оп. 4. Д. 50.
9. ЗГАПол. — Ф. 1635. Оп. 2. Д. 16.
10. ЗГАПол. — Ф. 1635. Оп. 2. Д. 74.
11. ЗГАПол. — Ф. 1635. Оп. 3. Д. 36.
12. ЗГАПол. — Ф. 1805. Оп. 1. Д. 57.
13. ЗГАПол. — Ф. 1805. Оп. 1. Д. 78.
14. ЗГАПол. — Ф. 1805. Оп. 3. Д. 34.
15. ЗГАПол. — Ф. 2061. Оп. 2. Д. 7.
16. ЗГАПол. — Ф. 2061. Оп. 2. Д. 91.
17. ЗГАПол. — Ф. 2061. Оп. 3. Д. 1.
18. ЗГАПол. — Ф. 2061. Оп. 3. Д. 42.
19. Ковалевский, Г. Вопросы экономики льноводства в колхозах БССР / Г. Ковалевский, А. Русинов. — Минск : Гос. изд-во БССР, 1955. — 123 с.
20. Лытысов, М. В. Лён — наше богатство: колхоз им. Молотова Глубокского района / М. В. Лытысов ; М-во сельского хозяйства БССР. — Минск : Изд-во ЦК КПБ, 1956. — 11 с.

Шкляр Полина Андреевна,
магистр исторических наук,
заведующий Музеем традиционного ручного ткачества Поозерья — филиалом НПИКМЗ